Российская академия наук
Карельский научный центр
Институт языка, литературы и истории

ДРЕВНИЙ ОЛОНЕЦ

Петрозаводск
VERSO 2011

УДК 94(470.22)
ББК 63.3(2Рос.Кар-2Олонец)
Д 73

Рецензенты:
Е. И. Клементьев, А. М. Спиридонов

2-е издание,
переработанное и дополненное новыми материалами

Д 73 **Древний** Олонец / Российская академия наук, Карельский научный центр, Институт языка, литературы и истории. – Петрозаводск: VERSO, 2011. – 173, [12] с.: ил.

ISBN 978-5-91997-034-7

В книге рассматриваются этапы заселения Онежско-Ладожского водораздела, строительство оборонительных сооружений, возникновение и формирование военно-административного и торгово-ремесленного города Олонца в XVII–XVIII вв. по результатам многолетних археологических раскопок и письменным источникам. Детально исследуются церковная архитектура и иконопись, географические названия Олонецкой земли. Публикуемый список архивных материалов дает большие возможности для самостоятельной работы над документами.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ББК 63.3(2Рос.Кар-2Олонец)

ISBN 978-5-91997-034-7

© Карельский научный центр РАН, 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Южная Карелия с многочисленными реками, озерами и ламбушками, богатыми рыбой, с равниной, пригодной для земледельческих занятий, большим лесным массивом с дичью и зверями, разветвленной сетью водных коммуникаций освоена человеком с глубокой древности.

Первые поселения по берегам рек и озер Олонецкого края появились уже в эпоху каменного века. Археологические памятники, письменные источники, этнографические и фольклорные материалы, данные языкознания и топонимики позволяют проследить историю Олонецкого края на протяжении 7–8 тысяч лет.

Население восточной части Ладожского озера говорит на ливвиковском наречии карельского языка, а их соседи, живущие на западном побережье Онежского озера, – на людиковском. Оба наречия возникли сравнительно недавно, в начале II тысячелетия н. э., в результате сложных взаимовлияний и контактов населения этой земли.

Топонимия края содержит значительную информацию о территории расселения народа и природных условиях, основных занятиях жителей, их верованиях и социально-этнических отношениях. Основные географические названия Олонецкого перешейка – карельские, хотя встречаются и саамские. Русское влияние отразилось в обозначениях населенных пунктов, образованных от личных христианских имен, но переделанных согласно карельскому звучанию: Алексей – Алексалица, Еремей – Еройла, Исаак – Иссойла, Спиридон – Пирдойла, Тимофей – Чимойла и т. д.; в названиях мест, связанных с религией (крест, поп, дьякон), сословными отношениями (боярин).

Письменные источники, содержащие сведения о Карелии, и в частности об Олонецком перешейке, отражают в основном русские государственные интересы, а не национальные, они выполнены на русском языке. В писцовых книгах, за редким исключением, ука-

зывалась национальная принадлежность дворохозяев. С принятием православия стали использоваться и христианские, русские имена, хотя сомнений по поводу того, что карелы говорили на своем языке, не возникает. В рукописной книге конца XVIII в. об этом читаем: «По-русски хотя и говорят, но весьма не чисто, а жены их не знают другого языка, кроме природного». В документе «Роспись позженным и разоренным деревням Олонецкого погоста при набеге из-за Свейского рубежа в 1657 г.» перечислены деревни с карельскими названиями, например, Кербола, Гошкила, Кучила, Корвала и т. д., которых нет в писцовых книгах, где для обозначения этих поселений употреблялись русские названия. При усвоении карельских наименований в русском языке появились такие древние названия-гибриды, как Питкя-ручей, Тораш-озеро, Ут-озеро, Сям-озеро и другие. Встречаются и полные переводы на русский язык – Заостровье, Верховье, Большие Горы, в то же время некоторые карельские названия вошли в обиход без изменения – Шулка, Улваны, Тигверы. Позднее русские наименования потеснили карельские, первые употреблялись в официальной речи, вторые – в быту.

История Олонецкой земли и самого города раскрывается в писцовых книгах, которые велись для учета податного населения и его земельных владений (хранятся в Центральном государственном архиве древних актов, ныне Российский государственный архив древних актов, Москва). Писцовая книга Андрея Лихачева и Ляпуна Добрынина содержит описание 17 погостов Обонежской пятины Заонежской половины 1560-х гг., в том числе и Олонецкого (кроме начала и, возможно, середины текста). Писцовая книга Андрея Плещеева и Семена Козьмина 1582/83 г. также включает все эти погосты. Писцовая книга 1627–1629 гг. Никиты Панина и Семена Копылова (недавно передатирована 1628–1631 гг. – Чернякова, 1989, с. 187–197) касается Олонецкого погоста и еще шести других. Некоторые отрывки из нее напечатаны в Олонецких губернских ведомостях за 1849 г.

Писцовую книгу 1616–1619 гг. Петра Воейкова и Ивана Львовского по Заонежским погостам дополняет Дозорная книга Дмитрия Лыкова и Якова Гневашева 1620 г. Одна из частей Переписной книги 1646 г. Ивана Писемского и Якова Еуфимьева посвящена описанию Рождественского Олонецкого погоста. Список с нее сделан Степа-

ном Шишкиным (хранится в Национальной библиотеке Республики Карелия и частично опубликован в Олонецком сборнике). Сведения о Рождественском Олонецком погосте есть и в Книге Олонецкого и Вытегорского станов торговым и пашенным крестьянам и бобылям 1639 г., а также в Переписной книге Ивана Дивова 1657 г. В Переписной книге 1678 г. сведения об Олонецком погосте утрачены.

Значительные материалы составляют фонд Олонецкой приказной избы, находящийся в архиве Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук и в Российском государственном архиве древних актов. Это акты второй половины XVII в.: одни исходили от верховной государственной власти или ее представителей, другие возникли на местах и отражали повседневную жизнь населения Олонца и его округи. Часть материалов опубликована (сборник документов «Карелия в XVII в.»).

Немало ценных материалов хранится в Центральном государственном архиве Республики Карелия. Важным источником информации являются планы г. Олонца, находящиеся в Рукописном отделе библиотеки Российской академии наук, в отделе рукописей и редкой книги Российской национальной библиотеки, Российском государственном историческом архиве, Российском государственном архиве древних актов, Центральном государственном архиве Республики Карелия.

В этом издании вновь публикуются ранее изданные Приложения (Овсянников, Кочкуркина, 1978, с. 96–105); они содержат важную информацию о восстановлении сгоревшей крепости и о составе вооружения.

Количество документов огромно, не все они детально исследованы. В списке источников указаны места их хранения, чтобы любое заинтересованное лицо могло познакомиться с ними.

Олонец XVII в. – крупнейший военный пункт и административный центр Олонецкого края и Северо-Запада Руси (Рис. 1). Опасность вторжения шведских военных отрядов, реальная угроза нападения требовали постоянной заботы об обороноспособности русских пограничных рубежей. Воздвигнутая с этой целью Олонецкая крепость имела мощные деревоземляные укрепления. Она построена в традициях древнерусского деревянного зодчества с использованием

Рис. 1. Город Олонец и его округа

природных защитных свойств рельефа. На территории крепостного двора располагались хлебные амбары и торговые лавки, жилые и административные здания, деревянные и редкие каменные постройки. Изучение Олонца позволяет проследить важные этапы возникновения торгово-ремесленного центра и зарождение городской культуры в Заонежье.

О характере и организации военного строительства, о ходе самих строительных работ в Олонце на протяжении XVII – начала XVIII в. говорят многочисленные документы, часть из них опубликована в Актах исторических, в Дополнениях к Актам историческим, в изданиях Русской исторической библиотеки. Археологические материалы, полученные в результате полевых исследований, помогают раскрыть конкретное содержание письменных источников и уточнить их, охарактеризовать материальную культуру города. Ценные сведения о торговых делах Олонца содержат Тихвинские таможенные книги, находящиеся в фонде Тихвинского монастыря. Однако при всем своем обилии источники неравномерно распределены по историческим периодам: писцовые книги, которые незаменимы

при освещении социально-экономической жизни народа (поскольку такого рода информации в других источниках нет), охватывают XVI и начало XVII в., актовый материал – в основном вторую половину XVII в., что, конечно же, не способствует полноценному исследованию истории Олонца и его округи.

Достопримечательностью Олонца и его окрестностей были церкви. О большинстве из них известно лишь по документам. Они неоднократно перестраивались и, за малым исключением, до наших дней не сохранились. На территории крепости находился каменный Троицкий собор с пятью главами, деревянные Богоявленская церковь и колокольня, часовня Александра Невского; в Стрелецкой слободе – церковь Архистратига Михаила и Тихвинской иконы Божьей Матери, в Коблуковской – церковь Казанской Божьей Матери и церковь Успения – на Кунелицком кладбище. На острове, находящемся при слиянии рек Олонки и Мегреги, поначалу размещалась деревянная церковь Богородицы Одигитрии, а в 1752 г. костромские каменщики С. Васильев и Ф. Алексеев выстроили каменную церковь. На старом погосте располагались церкви Рождества Богородицы и Николая Чудотворца.

Большинство зданий сооружено из дерева. Кирпич в силу дороговизны был малодоступен, отсутствовали местные профессиональные каменщики, к тому же кирпичные сооружения в условиях Олонца были недолговечны. Вид Олонца с хороводом церквей не оставлял равнодушными путешественников. Так, К. Случевский (1888, с. 457), побывав на Севере в 80-е гг. XIX в., писал: «Особенности общего вида Олонца – это его старые деревянные храмы с их шатровыми и луковичными куполами, крытыми чешуйчатым гонтом, или позеленевшею от времени жестью, с колоколенками, обведенными по верху галерейками, неправильно разбросанными по стенам мелкими, чуть не косящатыми окнами и пестрою окраской...».

Олонец является также крупным центром художественной культуры Севера. Иконопись Олонецкого края занимает важное место в искусстве Карелии. За последние годы отреставрированы многие иконы XVI–XVII вв., на примере которых прослеживается эволюция местной живописи. Памятники ранее XV в. не сохранились. Рубежом XV–XVI вв. датируется икона «Св. Власий», художественные досто-

инства которой очень высоки. Иконопись XV–XVI вв. представлена образцами из Олонца, Туксы, Мегреги, Инемы, Матчезера. Они свидетельствуют о том, что иконописное искусство этого периода, развиваясь на основе новгородской художественной школы и под воздействием общерусской культуры, сохранило при этом и некоторые своеобразные черты.

Войны нанесли страшный ущерб храмам. Но в XVII в. возрождение коснулось и этой сферы – отмечается развитие местного иконописания. Появляются «иконники» в Олонце и Кондушах. Не прерываются связи с Новгородом и другими художественными центрами Руси – в Олонецком крае работает немало мастеров из других городов. О воздействии на искусство северных мастеров местной культуры и традиций свидетельствуют многочисленные памятники иконописи XVII–XVIII вв.

Иконопись Олонецкой земли может рассматриваться в одном ряду с лучшими произведениями северных школ. Успех объясняется «отточенностью приемов письма, колористическим своеобразием, живым откликом на новые художественные веяния и подчас неожиданной их интерпретацией» (см. раздел «Иконопись» в наст. издании).

В свое время в Олонецком крае было немало придорожных крестов, поставленных в память о каком-либо важном событии, например, на местах сражений с литовцами, в честь посещения Петром I, и т. д. Деревянные кресты, приходившие в ветхость, заменялись новыми. На одном из крестов у с. Мегрега была прибита дощечка с надписью: «На сем месте по установленному преданию около 1620 г. во время нашествия литвы происходило сильное сражение. В память такого события на погребенных телах усердием благочестивых предков и поставлен сей крест, по ветхости своей вновь возобновлен 11 мая 1883 года» (цит. по: Брюсова, 1972, с. 114). До сих пор сохранился деревянный крест в г. Олонце (дер. Татчелицы).

Олонец XVIII в. представлен в трудах Н. Я. Озерецковского, заметках Г. Р. Державина, рукописных книгах, хранящихся в библиотеках страны. В них дается историческая справка об Олонецком крае, географо-топографическое описание, характеристика климата, почвы, полезных ископаемых, приводятся сведения этнографического порядка (одежда, пища, постройки, типичные болезни населения

и т. д.), данные о заводах, фабриках и монастырях. Не вся информация одинаково ценна в научном плане, но свидетельства очевидцев позволяют современнику представить действующие лица и их деяния в далеком XVIII в.

Данная книга обобщила результаты исследований, посвященных Олонцу и Олонецкой земле, ведущихся различными специалистами на протяжении длительного времени. Итоги научных поисков в области археологии и истории отражены в разделах, написанных С. И. Кочкуркиной, архитектуры – Н. В. Куспаком, иконописи – В. Г. Платоновым, топонимии – Н. Н. Мамонтовой. Затронуты лишь некоторые аспекты исторического прошлого, связанные главным образом с периодом функционирования Олонецкой крепости и возникновением города. Исследования продолжаются.

Многие годы ведутся разговоры о реконструкции Олонецкой крепости и о включении ее в круглогодичный туристический маршрут. Дело в том, что на современной поверхности остатки крепости почти не прослеживаются (за исключением некоторых участков рва), поэтому ее восстановление, в соответствии с документами, продемонстрировало бы всю мощь и красоту этого удивительного города-крепости.

* * *

Исследуя этапы истории Олонецкого края от стоянок первобытного человека до заводов, мостов, храмов и других архитектурных сооружений, произведений народного творчества, поражаешься колоссальному и неустанному труду, вложенному народом в создание материальных и духовных ценностей. Каждодневным, напряженным трудом при далеко не благоприятных северных условиях, воплощением в реальное творческих замыслов, умением сохранить и сберечь нажитое в борьбе с врагами Отечества нашими предшественниками создано богатое наследие. Не растерять, не растранжирить, но приумножить это богатство – долг современников и будущих поколений.

ПРИРОДА ОЛОНЕЦКОЙ ЗЕМЛИ. ПЕРВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Онежско-Ладожский водораздел, или, как его еще называют, Олонецкий перешеек, отличается разнообразием рельефа. Олонецкая возвышенность представляет собой плато, полого спускающееся к Ладожскому озеру, но с крутыми уступами на западном берегу Онежского озера и в его северо-западной части. Восточная часть возвышенности образует Шокшинскую гряду (200 м над уровнем моря) (Карельская АССР, 1986, с. 27). Восточное Приладожье характеризуется равнинностью рельефа. Четвертичные отложения полностью перекрывают более древние. Расположенная вдоль восточного побережья Ладожского озера знаменитая Олонецкая равнина – результат отложения приледниковых озер в пониженных участках доледникового рельефа. Средняя мощность отложения в районе г. Олонца более 6 м. Оно имеет ленточное строение: растительный слой, пески и супеси желтые, суглинки бурые, глина плотная, шоколадного и коричневато-серого цвета и т. д. Абсолютные отметки низменной равнины колеблются от 5 до 50 м и не превышают 70 м. Полого спускаясь к Ладожскому озеру, она заканчивается террасами, береговыми валами и дюнами. Отдельные возвышенности наблюдаются в районе деревень Погранкондуши, Большие Горы, Сармяги. Северная часть равнины – более высокая, южная – «идеальная равнина, что подчеркивается наличием обширных болотных массивов» (Бискэ, 1959, с. 21, 109, 127).

Климат в сравнении со средней и северной Карелией довольно благоприятен. Олонец – единственный из всех городов Карелии, который имеет наибольшее число дней с суммой температур выше 10°–11°.

Существенное влияние Ладожского и Онежского озер проявляется в уменьшении годовых амплитуд температур воздуха (весной близость озера приводит к охлаждению, осенью – к отеплению близлежащих территорий), в сокращении безморозного периода, увеличении облачности, уменьшении осадков и т. д.

Почвы Олонецкого края, образовавшиеся на озерно-ледниковых ленточных глинах и суглинках, – подзолистые и дерново-подзолистые. При ухудшении водного режима могут формироваться торфяно- и торфянисто-глеевые почвы (Карельская АССР, 1986, с. 37, 47, 59). На Олонецкой равнине много низинных болот, в настоящее время в значительной мере осушенных.

Для восточного Приладожья характерны выходы грунтовых вод. В долине р. Олонки они прослеживаются на протяжении 2–3 км. Аналогичная разгрузка подземных вод наблюдается в приустье рек Обжанки и Тулоксы. Имеется несколько родников (Старцев, 1976, с. 125–126). Наиболее крупные реки восточного Приладожья – Олонка и Видлица.

Река Олонка длиной 90 км вытекает из оз. Утозеро, затем протекает через Торосозеро и впадает в Ладожское озеро. Довольно высокие берега (10–15 м) наблюдаются от устья до пос. Ильинского, затем понижаются до 3–4 м и становятся пологими. Русло извилистое со многими отмелями, косами, перекатами и порогами, особенно на верхних участках реки. Глубина ее 2–4 м, ширина до г. Олонца 2–25 м, ниже – 40–45, в устье – до 120–130 м.

Река Видлица короче – 67 км, вытекает из оз. Ведлозеро и также впадает в Ладожское озеро. Ширина реки 9–12 м, глубина до 9 м. В верховьях берега достигают 11 м в высоту. Извилистое русло изобилует островами, плесы чередуются с порогами. В плесах русло илистое, а на участке от с. Видлица до устья дно реки песчаное (Бискэ, 1959, с. 290).

Специфические природные условия, выразившиеся в рельефе, климате, водных ресурсах, почвенном покрове, растительности, животном мире, способствовали освоению этого края еще с глубокой древности.

В археологическом отношении Олонецкий край представлен памятниками разных эпох (Рис. 2). Случайные находки каменных орудий происходят из дер. Ройкойла (сборы У. Картунена, коллекция Национального музея в Хельсинки), с. Коткозеро (коллекция А. Раевской в Государственном Эрмитаже), дер. Кескозеро (коллекция И Бутенева в Музее антропологии и этнографии). Во время полевых исследований в 1940, 1952–1953 гг. Н. Н. Гуриной выявлены поселе-

Рис. 2. Карта археологических памятников Олонецкого района

1 – поселения каменного века и раннего металла;
2 – кладбища; 3 – селища; 4 – курганы;
5 – разрушенные поселения каменного века и раннего металла; 6 – пустыни;
7 – группа поселений каменного века и раннего металла
(здесь и далее цифрой обозначено число памятников);
8 – группа курганов;
9 – группа разрушенных поселений каменного века и раннего металла;
10 – придорожный крест; 11 – город

ния эпохи неолита в деревнях Рышкола, Тукса, Гиттойла, свидетельствующие о появлении людей в этом крае более 6 тысяч лет тому назад.

Вблизи дер. Рышкола, по сведениям В. С. Ямпольского, на поле были обнаружены следы трех неолитических стоянок, одна из которых находилась в слое торфа. Найдено два шлифованных сланцевых орудия, две кирки, фрагменты ямочно-гребенчатой керамики примерно от 12 сосудов (Ямпольский, 1947, с. 55–58). Н. Н. Гуриной обнаружены также памятники эпохи раннего металла в низовьях р. Олонки. Они сосредоточены на участке площадью не более 3 км, по обеим сторонам реки: пять – на левом берегу, два – на правом. Кроме одного поселения, все остальные разрушены и дали весьма ограниченный материал. Они, по мнению М. Г. Косменко, не старше рубежа I–II тысячелетий до н. э. и не моложе середины I тысячелетия н. э.

В 1950–1970-е гг. поиски памятников возобновились. По левому берегу р. Олонки в дер. Верховье И. И. Мартинен и Г. А. Панкрушев собрали три фрагмента ямочно-гребенчатой керамики, кремневые скребок и скребло. В дер. Гиттойла в 1964 г. в огороде Е. И. Богдановой найден сланцевый топор. Любопытно, что в кургане Гиттойла I найден 91 фрагмент ямочно-гребенчатой керамики и шлифованное сланцевое изделие, попавшее в насыпь из неолитической стоянки. Сборы с разрушенных поселений были проведены на р. Олонке у Старого завода (10 фрагментов ямочно-гребенчатой и сетчатой керамики), на Питкя-ручье в районе дер. Тукса (2 фрагмента ямочно-гребенчатой керамики); на берегу р. Рипус недалеко от оз. Рандозеро обнаружены предметы каменного века, фрагменты ямочной и ямочно-гребенчатой керамики, гладкостенной и грубой лепной керамики. Во время разведки 1992 г. И. Ф. Витенковой и С. И. Кочкуркиной обнаружено девять новых поселений каменного века на ранее не исследованных озерах Олонецкой земли: Торосозеро, Утозеро, Пейзиярви.

Плотно заселенными охотниками и рыболовами с IV тысячелетия до н. э. и по начало II тысячелетия н. э. были берега оз. Новземского. На его северо-восточном берегу найдено восемь поселений, датируемых от периода раннего неолита до эпохи раннего металла, на юж-

ном побережье выявлены остатки разрушенного самого раннего поселения, относящегося, возможно, к периоду мезолита. На северном побережье исследован памятник, материалы которого относятся к различным хронологическим периодам: неолиту, энеолиту, бронзе, Средневековью. На восточном берегу оз. Новземского зафиксировано небольшое селище (не более 250 м^2) с фрагментами гончарной керамики. Лишь западный берег, неудобный для жизни, не заселялся (полевые исследования И. Ф. Витенковой).

Для населения первобытной эпохи характерны орудия труда, сделанные из местных пород камня: кварца, сланца, песчаника и привозного кремня, а также глиняная посуда, украшенная различными узорами. Основные занятия населения – охота и рыболовство – определяли и набор инструментов, и место для поселения, и образ жизни. В заселении Онежско-Ладожского водораздела принимали участие выходцы из восточных территорий, возможно, из района Приуралья. Через Олонецкий перешеек далее на север передвигалось население более южных земель.

Финляндские исследователи полагают, что карельский сланец распространился в Финляндии, Прибалтике, вплоть до Скандинавии и что южная Карелия сыграла в этом значительную роль. Более того, по их мнению, есть основание говорить о переселении части жителей Олонецкого перешейка в долину р. Вуоксы (Kivikoski, 1961, k. 38, s. 28). Территория Онежско-Ладожского водораздела с древнейших времен была зоной активных контактов западного, восточного и южного населения, а Ладожское и Онежское озера, в силу особенностей географического положения, способствовали их развитию.

Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. в изучаемом регионе пока не известны.

В X–XIII вв. на реках Олонке[1], Тулоксе и Видлице располагались могильники в виде небольших курганов высотой 0,5–1,5 м, диаметром 5–10 м. На р. Олонке погребальные насыпи зафиксированы в деревнях Горка, Теркула, Капшойла, Иссойла; на р. Тулоксе – в деревнях Рабола, Мергойла; на р. Видлице – в населенных пунктах Вид-

[1] В период существования Олонецкого погоста р. Олонка называлась иначе – р. Олонец, что дало в последующем название городу. В настоящем издании мы даем название реки в современном звучании.

лица, Пирдойла, Чимаева Гора, Исаково, Гаврилово, Симоннаволок, Большие Горы. В 70-х гг. XIX в. их изучал финляндский исследователь Д. Европеус, в 1929 г. – ленинградские археологи под руководством В. И. Равдоникаса. Летом 1943 г. в дер. Пирдойла финляндская исследовательница Э. Кивикоски раскопала два кургана. Раскопки некоторых разрушенных насыпей были проведены С. И. Кочкуркиной. Всего изучено 28 курганов, в которых погребены по обряду кремации и ингумации минимум 89 человек. 17 курганов в свое время не были исследованы В. И. Равдоникасом – Гомола, Горка, Теркула, Рабола, Чимаева Гора, Большие Горы (Нижний Конец)[1] (Кочкуркина, 1989, с. 224–248). Если исходить из приблизительного расчета, что в 17 насыпях могло быть погребено около 40 человек, то в целом на реках Олонке, Тулоксе и Видлице в X – начале XIII в. захоронено около 120–130 человек.

X – началом XI в. датируются первые курганные погребения в дер. Гиттойла: два трупосожжения и трупоположение. Одно из трупосожжений принадлежало, видимо, лицу финскоскандинавского происхождения, так как среди вещей присутствовали как скандинавские, так и местные прибалтийско-финские предметы: серебряная орнаментированная гривна, две овально-выпуклые фибулы, браслеты, четыре серебряные восточные монеты, сердоликовые и стеклянные бусы, бронзовые застежки и подвески и т. д. К этому же времени относится и курган из дер. Капшойла. На р. Видлице исследовано три погребальных памятника XI в. Два из них, раскопанные Э. Кивикоски и содержащие разнообразный материал, выявили специфические особенности культуры местного населения. Погребенные находились в своеобразных деревянных могильных сооружениях прямоугольной формы с выступающими концами, в одних случаях из досок, в других – из балок, иногда с деревянными крышками. В разрушенном погребении I обнаружен маленький кожаный кошелек с пятью железными, тремя или четырьмя маленькими бронзовыми или покрытыми бронзой гирьками разного веса, обломками неопределенных западноевропейских монет. Кошелек был окантован восьмиугольными бронзовыми бляшками.

[1] К настоящему времени не сохранились, все уничтожены в процессе хозяйственных работ.

Гирьки и монеты находились и в других погребениях. Кроме того, обнаружены бронзовые весы в деревянной коробке, наконечники копий, топоры, ножи, ножницы, кресала, обломки глиняной посуды. Видимо, в этих курганах погребены воины-купцы.

Шесть курганов, исследованных на реках Тулоксе и Видлице, отнесены к XI–XII вв. В них тоже выявлены деревянные с выступающими концами срубы, в которых умершие погребены по обряду трупоположения. Сопровождающий инвентарь довольно скромен. В женских погребениях встречены простые стеклянные бусы, бронзовые изделия: конические подвески, подвески в виде бубенчиков, ключей, спиралеконечные застежки; гончарная посуда; в мужских погребениях – остатки ремней, украшенных бронзовыми бляшками и с пряжкой, ножи, топоры, кресала с кремнем. XII – началом XIII в. датировано мужское захоронение с минимальным набором инвентаря, состоящим из поясной пряжки, ножа, кресала с кремнем. В начале XIII в. курганы как форма погребальной обрядности прекращают свое существование.

Полученный богатейший материал X–XIII вв. позволяет говорить об обширных связях жителей Олонецкого края с финно-угорскими и славянскими народами, с западноевропейскими странами. Вовлеченные в орбиту торгово-культурных контактов эпохи Средневековья, они смогли приобретать орудия труда и оружие, посуду, бытовые предметы, украшения, монеты, находившиеся в это время в употреблении на широких пространствах Европейского Севера.

Курганная культура Олонецкого перешейка является ответвлением приладожской курганной культуры, ее северной периферией. Продвинувшееся с территории юго-восточного Приладожья население, предки вепсов, на новых территориях расселилось соответственно своим традициям – по берегам рек. Однако оно не было многочисленным. Если в территориальном центре приладожской культуры на р. Паше сосредоточено наибольшее число курганных групп (66), то на р. Олонке известны пять курганных групп с 15 насыпями, на р. Тулоксе – лишь одиночный курган и группа из 10 насыпей у дер. Рабола, на р. Видлице – одна группа из 13 курганов. Они отличаются от курганов Приладожья и малыми размерами. Необычной формы курганы зафиксированы на р. Видлице. Кроме одиночных насыпей,

известны три кургана, каждый из которых состоит из двух насыпей, и два кургана – из трех. Своеобразие памятников Олонецкого перешейка проявляется и в погребальной обрядности. Из 28 курганов девять имели вокруг основания ровики. Очаги и кострища, придающие приладожской культуре оригинальное своеобразие, для курганов Олонецкого края не характерны. Очаг зафиксирован в одном кургане, кострище с железным котлом – в другом, фрагменты котла или сковороды – в третьем, довольно часто встречались в захоронениях Олонецкого перешейка могильные деревянные сооружения в виде срубов, гробовищ в форме деревянных прямоугольников, иногда с выступающими концами боковых или поперечных бревен (длина 2–2,3 м, ширина 0,8–0,9 м, толщина 0,15–0,25 м). Некоторые из них были покрыты деревянными крышками.

При существующих различиях, однако, материалы курганов, особенно р. Видлицы, позволяют проследить сближение культур Карельского и Олонецкого перешейков и в погребальной обрядности, и по некоторым предметам, встреченным в памятниках обеих территорий в XI–XII вв. Эти обстоятельства позволили сделать следующее заключение. Формирование карел-ливвиков происходило в результате этнокультурных взаимодействий и взаимовлияний древних карел и вепсов, что нашло отражение в специфических формах погребальных памятников XI–XII вв. К тому же ареал курганов в восточном Приладожье совпадает с современным расселением карел-ливвиков на восточном побережье Ладожского озера в пределах Олонецкого района, в то время как не знавшие курганной формы погребения карелы-людики проживают на западном побережье Онежского озера.

На смену курганам приходят кладбища с христианскими погребениями. Старообрядческое кладбище обнаружено на правом берегу р. Олонки напротив дер. Капшойла. При раскопках выявлены деревянные гробы со скелетами, иногда с медными крестиками XVIII–XIX вв., на одном сохранились кожаные сапоги, найдена монета в 2 коп. времени царствования Павла I. На правом низком берегу р. Тулоксы, в 0,25 км выше дер. Рабола, вблизи когда-то существовавшей часовни при зачистке речной террасы выявлено пять скелетов, ориентированных на запад и юго-запад, без вещей. На левом берегу р. Видлицы в дер. Гаврилово отмечены аналогичные погребения, ориентирован-

ные на запад, иногда в гробах, без вещей (на этой плоской курганообразной возвышенности сейчас находится отреставрированная часовня).

На излучине правого берега р. Видлицы у дер. Симоннаволок среди луга находится холм Калмониеми («могильный мыс» в переводе с карельского языка). Еще в 1929 г. В. И. Равдоникас заложил на нем траншею, где и обнаружил остатки трупоположения с двумя предметами XII в. (топор, мотыга), остатки скелета с кожаным сапогом. Раскопки, предпринятые в 1985 г., никаких других находок не выявили. В ту же поездку В. И. Равдоникас обнаружил христианские захоронения у северной оконечности дер. Большие Горы (Верхний Конец). В 1977 г. эти сведения были проверены. В небольшом раскопе, разбитом, как считали местные жители, на месте разрушенного кургана, зафиксировано шесть погребений: первый умерший, ориентированный на юго-запад, с нательным крестом находился в гробу под крышкой; второй располагался в гробу, параллельном первому, под крышкой из жердей. Под нижней челюстью обнаружена монета 1825 г., попавшая, видимо, из верхних слоев, на ногах – сапоги. Третий гроб сохранился частично. Четвертое и пятое захоронения, ориентированные на юго-запад, помещались в гробу: два черепа и один скелет с медным крестиком и кожаной обувью. Шестое захоронение разрушено.

Все эти кладбища при отчетливо выраженном христианском характере ритуалов имеют архаические черты, присущие дохристианским, языческим культурам, долго сохранявшимся на нашем Севере.

Между тем поселений, которые были бы одновременны курганам X–XIII вв., не обнаружено. Остатки средневековых селищ выявлены у дер. Гаврилово и в с. Обжа. Подъемный материал – фрагменты гончарной керамики и обломки железных изделий – позволяет отнести селища к послекурганному, т. е. к более позднему времени. В 1990 г. низовья р. Олонки исследовались А. М. Спиридоновым. Им обнаружено селище Ильинский погост в 0,3 км выше по течению от железобетонного моста через р. Олонку, в дер. Еройла. Селище тянется вдоль реки полосой 350×30–80 м. Площадка его возвышается на 2–4 м над уровнем воды. С запада поселение ограничено ручьем, с востока к нему примыкает заброшенное кладбище у бывшей

Ильинской церкви. На селище (его площадь около 17–18 тыс. м^2) располагаются семь современных усадеб с огородами. На приусадебных участках собрано несколько сотен фрагментов гончарной керамики, в основном красноглиняной, кремни от кресал, железный нож. Ранние образцы гончарных изделий позволяют датировать возникновение селища XV в.

К позднему Средневековью – новому времени отнесены селища на р. Олонке, исследовавшиеся небольшими площадями А. М. Жульниковым.

Олонец впервые упомянут в приписке к Уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича. Сама грамота относится к 1137 г., поэтому долгое время считалось, что возникновение г. Олонца датируется XII в. Однако сейчас доказано, что приписка, в которой говорится об Олонце, относится к более позднему времени – XIII в. (Щапов, 1972, с. 164–165). Уже в это время Олонец был довольно-таки крупным погостом, платившим Новгороду три гривны (для сравнения укажем, что в это время погост на р. Свири платил лишь одну гривну).

Олонец упомянут в нескольких летописях (Новгородская первая и четвертая, Никоновская летописи) в 1228 г., когда отряды еми (финское племя) на лодках появились в Ладожском озере. Узнав об этом, новгородцы с князем Ярославом как будто бы собрались дать отпор неприятелю. Но простояли в Неве несколько дней, собрали вече и, ничего не предприняв, возвратились в Новгород. Ладожский же посадник Владислав вместе с жителями г. Ладоги вступили в бой. Часть еми отступила к Олонцу и Исадам. Неприятель был разгромлен. Таким образом, о существовании Олонца в XIII в. рассказывают независимо друг от друга два источника. Однако многолетние археологические раскопки, ведущиеся на территории Олонецкой крепости, ни слоев XIII в., ни более поздних напластований, предшествовавших Олонецкой крепости, не обнаружили, возможно, по причине незначительности этих следов, уничтоженных более поздними сооружениями.

С Олонцом отожествлялся упомянутый в «Саге о Хальвдане, сыне Эйстейна» Алаборг. Сага, датирующаяся концом XIV – началом XV в., относится к числу приключенческих в древнескандинав-

ской письменности. Наряду с мифическими деталями она излагает вполне достоверные исторические события и некоторые историко-географические сведения, не встречающиеся в других источниках, в частности о городе Алаборге (семь упоминаний). Сообщается, что городом правил «большой герой» ярл Скули; после него титул ярла и город с окрестностями получил Ульвкелль, побратим Хальвдана (Древнерусские города.., 1987, с. 161–165). Попытки соотнести топоним Алаборг с конкретным городом предпринимались давно. Назывались в качестве вероятного местоположения Белое море, Приладожье, Онежское озеро и одно из поселений вблизи г. Олонца (Глазырина, 1984, с. 207–208). Однако эта точка зрения не была поддержана исследователями (Джаксон, Мачинский, 1989, с. 132).

Следующие упоминания об Олонце появляются лишь в конце XVI в.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ОЛОНЕЦКИЙ ПОГОСТ

Рождественский Олонецкий погост упоминается в документах XVI в. в Писцовой книге Обонежской пятины, составленной в 1563–1566 гг. писцом Андреем Лихачевым и подьячим Ляпуном Добрыниным. Она включает описание 19 погостов, и первый из них – Рождественский Олонецкий. Но сведения о нем неполные: отсутствует начало и, возможно, есть пропуски в середине текста. Древнейшая же Писцовая книга по Обонежской пятине 1495–1496 гг., принадлежащая писцу Юрию Сабурову, сохранилась частично, и упоминаний об Олонце в ней нет.

Рождественский Олонецкий погост, как и другие погосты Восточной Карелии, имеет двойное название: первое – по главной церкви погоста, второе – по основному географическому пункту. Погост являлся центром большой административной округи, западной границей которой от с. Обжи до Соломенского (Салми) погоста служил берег Ладожского озера, северной границей – оз. Сямозеро, восточной – оз. Святозеро. Уже существовали Сяндебская и Андрусовская пустыни, а вблизи южной границы – обитель Александра Свирского. Описание же погоста-места – центра административной округи – отсутствует вовсе. Однако о сельском населении обширного Олонецкого погоста есть интересные сведения[1].

В сохранившемся тексте Писцовой книги 1563 г. р. Олонка с реками Седоксой, Инемой, Туксой предстают самыми заселенными: на р. Олонке – 20 деревень, Инеме и Седоксе – по 5, на Туксе – 3, на Куксеньге – 1 деревня. Надо полагать, что это старые, давно возникшие деревни, поскольку затем в Писцовой книге сообщается

[1] При характеристике сельского населения погоста мы не касаемся его периферии (Кондуши, Сямозеро, Святозеро), а рассматриваем ближайшие к центру погоста населенные пункты на реках Олонке с притоками, Мегреге, Тулоксе, Видлице, Обже и оз. Коткозеро, т. е. в границах современного Олонецкого района.

о вновь появившихся небольших поселениях – починках. Их больше на р. Инеме – 4, на реках Олонке и Седоксе – по 2. Но особенно много новых посидений, т. е. вновь освоенных сельскохозяйственных участков, зафиксировала Писцовая книга Андрея Лихачева и Ляпуна Добрынина. Так, на р. Олонке их 77, на Туксе – 16, Седоксе – 3. Мелких землевладельцев-своеземцев на р. Олонке – 4 двора, на Седоксе – 2. Всего же по переписи в Олонецком погосте 569 дворов, в которых проживало 630 человек взрослого населения, несущего платежи и повинности (тягло). В среднем на деревню приходилось по 4 двора, но встречались и однодворные деревни, на р. Олонке известны деревни с 6–10, а иногда и с 14 дворами.

На р. Тулоксе отмечены один починок, 14 посидений, своеземец, общее число дворов – 35 с населением 40 человек, несущим тягло. Кроме того, действовали мельница и толчея для приготовления крупы. На р. Видлице насчитывалось 6 старых деревень, 14 посидений, выставка-церковь, мельница, 50 дворов с 69 жителями. Как сообщает писцовая книга, в устье Видлицы с весны до осени производился вылов лососей и сигов (до 10 бочек), корюшки (до 100 бочек) неводами, сетями и гарвами (ставная сеть для ловли крупной рыбы), за что выплачивался оброк в 16 московских рублей. Архиепископские крестьяне, живущие в устье Олонки, Видлицы и в Кондушах, ловили рыбу на архиепископских угодьях Ладожского озера и около Андрусова острова и платили в царскую государственную казну по 2 алтына с человека. Малонаселенными были район с. Обжа (деревня, починок и 9 посидений с 31 двором и 35 жителями), берега оз. Коткозеро (починок с 3 дворами, насчитывавшими 4 человека) и оз. Утозеро (с одним двором). Упоминается и Андрусова пустынь на одноименном острове Ладожского озера.

В домосковский период земли принадлежали в основном новгородским духовным и светским феодалам – боярам, монастырям, новгородскому митрополиту. Например, Настасья, жена Ивана Григорьева, в Олонецком погосте владела 123 деревнями, Новгородский Софийский дом – 219 деревнями. После присоединения в 1478 г. Карелии к Московскому государству земли у новгородских бояр были конфискованы. Некоторые из них вошли в состав дворцовых земель, доходы с которых поступали не государству, а в великокня-

жескую казну. Дворцовыми стали бывшие земли новгородского архиепископа в Олонецком погосте. По исследованиям Р. Б. Мюллер (1947, с. 34–37, 79), в 1552 г. 100 обеж[1] из владений новгородского владыки отписаны на государя, но эти 100 обеж Софийский дом получил в другом месте. Тем не менее владения новгородского владыки в Олонецком погосте насчитывали 340 обеж.

Другие земли Олонецкого погоста приписали к Конюшенному приказу. Остальные стали оброчными, жившие на них люди платили оброк в государственную казну и, по существу, были полными хозяевами своих участков: могли продать, заложить, передать по наследству. Не были конфискованы земли своеземцев из-за их незначительности. В Олонецком погосте трое своеземцев имели 2 обжи, сеяли 4 коробьи[2] ржи, сена косили 40 копен и владели островом на озере. На один двор своеземца на р. Олонке приходились обжа, 2 коробьи ржи и 40 копен сена, на двух своеземцев на р. Седоксе – обжа, на одного в деревне на р. Тулоксе – всего пол-обжи.

Отсутствие крупного поместного землевладения в Карелии, по мнению Р. Б. Мюллер, объясняется нежеланием представителей служилого класса получать поместья в Карелии, в те времена глухой провинции с неблагоприятными климатическими условиями, не способствующими земледельческим занятиям и получению высокого урожая. В отличие от новгородского боярина, имевшего владения в разных частях Новгородской земли и, как следствие, гарантированный доход, помещик получал от правительства за службу точно определенный участок земли в одном месте, поэтому не мог рассчитывать на большой доход в невыгодном для земледелия районе. Таким образом, в московский период изменились формы крестьянской зависимости, крестьяне стали в основном государственными (черными, по терминологии тех лет).

Сельское население обрабатывало землю, засевало ее рожью и другими злаками. В среднем на один двор приходилось 0,3–0,5 обжи; из-

[1] Обжа – мера пахотной земли. Она не была постоянной и варьировала от 5,5 га в одном поле до 16,5 га – в трех полях.

[2] Коробья – мера зерна. Она равнялась 7 пудам ржи или 4,7 пуда овса или 6 пудам ячменя.

вестны случай, когда одна семья владела и меньшими участками обрабатываемой земли. Много заготавливали сена, в среднем по 1,5–10 копен, но отмечены, хотя и редкие, случаи, когда на крестьянина приходилось по 20–50 и даже 60 копен. Как правило, больше всего косили по берегам р. Олонки. Иногда упоминаются и ремесла крестьян. Например, в различных деревнях на р. Олонке сельским хозяйством занимались скорняк, кожевник, сапожник, кузнец. Однако все разнообразие деятельности олонецких крестьян не нашло отражения в писцовых книгах, так как задачи их составления были строго определены – учет дворов, земель, угодий, с которых взимался оброк. Поскольку кустарная и ремесленная деятельность оброком не облагалась, информация о ней практически не фиксировалась в писцовых книгах.

В «Краткой исторической записке об Олонце», составленной Е. М. Прилежаевым в 1887 г. (Прилежаев, 1894) по случаю приезда великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны, сообщается, что в Рождественском Олонецком погосте, по сведениям середины XVI в., были две деревянные церкви: Рождества Богородицы на левом берегу р. Олонки, близ устья р. Мегреги, и церковь Николая Чудотворца на острове при слиянии обеих рек. Ильинский и Видлицкий погосты являлись выставками Олонецкого погоста. В Ильинском действовали две церкви: св. пророка Ильи и Иоанна Предтечи, в Видлицком – церковь св. Георгия. 17 сентября 1580 г. Ильинской и Георгиевской церквам новгородским архиепископом Александром дана тарханная грамота, освобождающая от налогообложения (Древние акты, 1894, с. 53–54). Земли Рождественского Олонецкого погоста принадлежали новгородскому владыке, поэтому назывались Софийскими дворцовыми волостями, а их жители – Софийскими дворцовыми крестьянами. За пользование землей они платили оброк натурой и деньгами. «Так, например, в 1557 году с Олонецкой волости, – с Низовской, Верховской и Мундинской тысяч, за белки и за лисицы, и за ключничи пошлины, и за рыбу, и за темьянную пошлину взято было в Новгородскую Софийскую казну оброчных денег около 104 р. московским счетом, да отсыпного хлеба 225 коробей ржи и 150 коробей овса» (Прилежаев, 1894, с. 220–221).

Русско-ливонская война 1580–1582 гг. опустошила Олонецкий погост. В списке с Писцовой книги Андрея Плещеева и Семена Козьми-

на 1582/83 г. очень часто употребляются фразы: «хоромы ставят ново после войны», «хоромы сожгли и крестьян побили и в полон поимали немецкие люди». Сожжены церкви в Олонце, Ильинском, Видлице, Сяндебском монастыре. В Андрусовской обители уцелела лишь каменная церковь Николая Чудотворца. Не обошли стороной этот край беды польско-шведской интервенции. Шведы грабили и жгли деревни, угоняли в плен жителей. Недаром после заключения мирного Столбовского договора олонецкие стрельцы выполнили свое обещание и поставили на берегу р. Мегреги придорожный крест «на поклонение всем православным христианам». Крест этот сохранялся до конца XIX в. (Прилежаев, 1894, с. 221). Запустение земель носило катастрофический характер. По подсчетам Р. Б. Мюллер (1947, с. 55, 58, табл. 2), по сравнению с 1563 г. в Олонецком погосте по Писцовой книге 1582/83 г. на дворцовых землях пустовало 49,5 % обеж, на землях Конюшего пути – 46,7, новгородского архиепископа – 79,4 %, земли своеземцев исчезли вообще. Но при этом считается, что Олонецкий погост находился в более благоприятном положении, в других погостах в связи с сильнейшим экономическим кризисом пустых земель было от 90 до 98 %.

Первые оборонительные сооружения на территории Рождественского Олонецкого погоста появились лишь в начале XVII в. в связи с нападением отрядов черкас и «немецких людей». Осенью 1613 г. Олонецкий острожек для защиты населения в то беспокойное время уже был построен, хотя нам неизвестно, где именно. В январе 1614 г. «приходили на Олонец изгоном черкасы и немецкие передовые люди восемьсот человек,... и тех черкас и немецких людей многих побили и языки многие и знамена поимали» (Олонецкий сб., 1902, с. 4). Об этом событии сохранилась подробная документация: отписка воеводы Федора Плещеева о присылке к нему взятых казаками пленных в бою в Олонце и об отсылке их в Москву. Два атамана – Федор Бронников и Ермола Терентьев – «со станицами» в Олонце побили многих черкас и захватили пленных (15 человек). Их допросили и направили в Тихвин человек 6, с остальными разделались на месте. На отписке была помета: «пытать, вершить тотчас». В ответ от царя и великого князя Михаила Федоровича послано письмо ко всем атаманам, есаулам, казакам, стоящим на «нашей службе» на Олонце в острожке.

Письмо заканчивалось рекомендациями идти на тех черкас и «немецких людей», которые, отойдя от Олонца, стояли на р. Вере в дер. Неглинской, обещанием жалованья, соответственно заслугам («смотря по вашей службе»). Вторая отписка воеводы Федора Плещеева сообщает о побеге атамана Михаила Титова со взятыми под Олонцем пленными. В ответном документе царь осудил воровство и твердо потребовал: языков друг у друга не отнимать, чтобы не было смуты (Олонецкий сб., 1902, с. 3–7).

Сейчас точное расположение этого, видимо, небольшого острожка, служившего защитой для местного населения, неизвестно. Но некоторые предположения можно высказать.

Примерно в 8–9 км от г. Олонца ниже по течению при впадении р. Туксы в р. Олонку имеется подтреугольной формы мыс, отвечающий всем традиционным требованиям, предъявляемым при сооружении оборонительных комплексов эпохи Средневековья. Более того, с внутренней стороны широкая часть мыса окружена хорошо сохранившимся до сих пор дугообразной формы глубоким рвом, соединяющим обе реки (Рис. 3). Вполне возможно, что это была своего рода гавань, в которой могли укрыться небольшие суда. Особенности микротопографии таковы, что внезапное появление неприятеля полностью исключалось, поскольку мыс «запирал» вход. Аналогична по топографическим особенностям более поздняя Олонецкая крепость, о которой речь пойдет ниже. Ни с этим ли местом связана легенда о набеге шведов на Олонец, о которой рассказано выше? Так ли это или нет, археологические доказательства отсутствуют, поскольку мыс занят современным кладбищем.

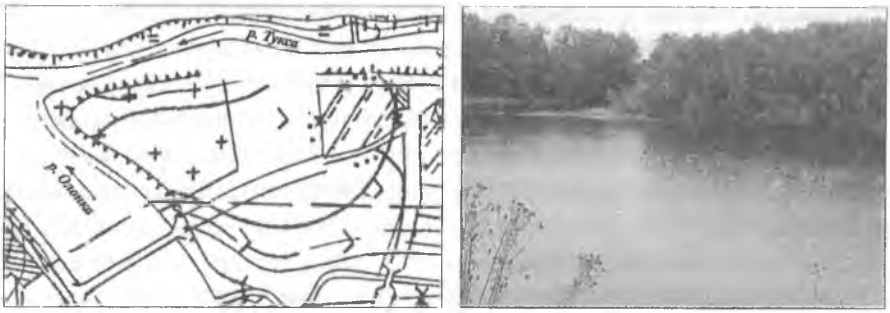

Рис. 3. Мыс при слиянии рек Олонки и Туксы

Писцовая книга Петра Воейкова и Ивана Льговского составлялась в 1616–1619 гг., когда пришедшее к власти правительство Романовых решило начать свою деятельность с переписи населения и учета его податной возможности. В книге собраны сведения о страшном разорении края в результате интервенции, коснувшемся почти каждой деревни: «а дворы сожгли и крестьян побили немцы в разоренье», «а крестьяне от войны сошли безвестно». Деревни запустели, крестьяне обнищали, «охудали».

Из Писцовой книги 1628–1631 гг. Никиты Панина и Семена Копылова следует, что Олонецкий край к этому времени сумел в какой-то степени преодолеть разруху и несколько улучшить свое положение. В самом Рождественском Олонецком погосте стояла деревянная церковь Рождества Богородицы и рядом с ней – церковь Николая Чудотворца (раньше размещалась на острове). П. Минорский, ссылаясь на упомянутую писцовую книгу, отмечал: «Погост Рождественский на реке Олонке считался в то время главным между всеми селениями: его церковь тогда была самая старинная... отличалась благолепием, как в отношении икон, так и церковных вещей и принадлежностей, имела много служебных книг, что по тогдашним временам было большой редкостью, и к ней, как к главной, приписаны были и другие окружающие церкви, как волостки и выставки» (Минорский, 1886, с. 174). Восстановлены также церкви в Ильинском и Видлице. Появились и новые выставочные церкви в Мегреге, Тулоксе, Больших Горах, Коткозере и в других местах.

За 10 лет, прошедших после предыдущей переписи, произошли существенные изменения в сельской местности, несмотря на то что книга Никиты Панина начала составляться в тот период, когда отдельные банды грабителей еще досаждали населению. Обживаются участки, запустевшие «от немецких и от литовских людей, да и от русских воров». Возвращались на старые места, например, в дер. Нанное Олонецкого погоста. Крестьянам отводились меньшие участки, по сравнению с прежними, но зато они освобождались от уплаты податей на 2–3 года. Такие льготы давались и совсем обнищавшим крестьянам, которые оставались на своих местах (Мюллер, 1947, с. 101). Состояние сельского населения хорошо видно при сравнении нескольких переписей. В Олонецком погосте по Писцовой

книге 1582/83 г. отмечен 131 пустой двор, по Писцовой книге 1616–1619 гг. – 107. Никита Панин отмечает всего лишь три. Если же сравнивать площадь обрабатываемой пашни, то по книге 1616–1619 гг. в Олонецком погосте на дворцовых землях она составляла 7,4%, а необрабатываемая – 92,6%, по книге 1628–1631 гг. заброшенной пашни было 54,4% (Мюллер, 1947, с. 102–103), что свидетельствует о возрождении края, хотя сообщения о пустых землях и пашнях, заросших лесом, довольно часты.

Убыль податного населения видна при перечислении дворохозяев: редко у кого из них один-два взрослых сына.

Писцовая книга Микиты Панина считалась «тяжелым письмом», поскольку он дотошно учел такие земли и угодья, которые прежде не регистрировались. Писцы «в живущее положили их перед прежним втрое и больши; да те ж писцы положили вновь на рыбные ловли и на мелницы и на бобылские дворы и на лешие пашни оброки вновь болшие, и от того тяжелого писма и от новоприбавочных оброков и от смоленской службы и от хлебной скудости из Заонежских погостов государевы крестьяне розбрелися» (цит. по: Мюллер, 1947, с. 124). По сравнению с прежними платежами в Олонецком погосте (вместе с Сямозерской и Святозерской выставками) сумма оброков и пошлин стала больше на 335 руб. 2 алтына и полтрети деньги. Не все крестьяне могли справиться с податными тяготами, которые ослабленное и истощенное войной государство возложило на народ. Более того, подати возрастали, так как оставшимся надо было платить за покинувших край жителей. Все это ускоряло процесс социально-экономической дифференциации населения, что видно на примере бобылей, число которых с шести человек в 1582/83 г. увеличилось до 111 человек в 1628–1631 гг. В Писцовой книге Никиты Панина бобыли разделены на две категории: в 80 дворах жили бобыли, которые кормились работой, т. е. безземельные, в 41 дворе – бобыли, промышлявшие ловлей рыбы, ее скупкой и продажей. Среди них могли быть и зажиточные люди. Первые платили оброк по гривне со двора, вторые – по полуполтине (Мюллер, 1947, с. 113). В Писцовой книге Никиты Панина тщательно учтены ремесленники: токари, портные, плотники, сапожники, пирожник, свечник, сыромятник, горшечники, кожевники, ложечники и больше всего упомянуто кузнецов, инфор-

мация о которых в предыдущих источниках скудна. Указаны и мелкие торговцы железом, щепетиньем (галантерейными товарами).

Между 1628 и 1645 г. возникли выставочные церкви в Верховье и Туксе, а на острове при слиянии рек Олонки и Мегреги – церковь Богородицы Одигитрии. В 1647 г. Олонецкий погост со всеми выставками перестал быть вотчиной Новгородской кафедры. Ввиду непосредственной близости к шведской границе он «отписан был на Государя», новгородскому же митрополиту выделили другую вотчину (Прилежаев, 1894, с. 221–222).

К концу первой половины XVII в. относится список дьяка Степана Шишкина с Переписной книги 1646 г. Ивана Писемского и Якова Еуфимьева. Книга написана скорописью XVII в., иногда вязью и под титлами. Первоначально она состояла из большого числа листов, но сохранилось только 93, среди них, однако, не хватает семи листов в начале. Заканчивали книгу, как об этом написано рукой дьяка Степана Шишкина, «страница да лист порожние». По всей вероятности, есть пропуски и внутри текста. Книга была собственностью Олонецкого архиепископа Игнатия, его рукой на ней написано: «Писцовыя книги Олонецкаго воеводства. Собственность Игнатия, архиепископа Олонецкаго». Книга хранилась в библиотеке Олонецкой духовной семинарии (в настоящее время в Национальной библиотеке Республики Карелия). Действительный член Олонецкого губернского статистического комитета К. Петров выписал из книги погосты, названия селений, пересчитал в них дворы, но опустил имена и прозвища владельцев, поскольку считал, и совершенно напрасно, что подобные сведения не представляют никакого интереса для исследователя (Олонецкий сб., 1875–1876, с. 62).

В книге дается довольно подробное описание Рождественского погоста «на Олонце, на усть реки Инемы, а на погосте церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, древяна, с трапезою, да другая церковь великаго чудотворца Николы, да против тех церквей на острове Пресвятыя Богородицы Одеигитрия, а на погосте на церковной Государеве земле дворы церковных причетников стоят за рекою за Олонцем» с шестью дворами церковного причта и с девятью кельями старцев и стариц, что «питаются от церкви Божией Христовым именем» (там же, с. 62).

По прошествии почти ста лет по письменным источникам отчетливо виден рост населения и появление новых дворов в ранее незаселенных местах. По берегам р. Олонки с ее притоками Седоксой, Инемой, Туксой в Переписной книге 1646 г. зафиксировано 120 деревень с 505 дворами, церковь Преображенья Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа с тремя дворами и кельей, церковь Рождества Христова с двумя дворами и кельей на р. Олонке (выставка Ильинского погоста). В самом Ильинском погосте по-прежнему действовали деревянные церкви св. пророка Ильи и Иоанна Предтечи с пятью дворами, с шестью кельями нищих старцев и двумя крестьянскими дворами. На р. Тулоксе зарегистрировано 14 деревень с 41 двором и выставка Ильинского погоста – церковь Николая Чудотворца с двумя дворами и кельей; на р. Обже – 9 деревень с 40 дворами. Если количество дворов на этих реках, как и сто лет назад, оставалось более или менее стабильным, то на остальных картина существенно изменилась. На р. Мегреге появились 42 деревни со 152 дворами и сельцом, церковь Вознесения Христова с тремя дворами церковного причта и кельей (выставка Олонецкого погоста). Значительно увеличилось число деревень и дворов на р. Видлице: 20 деревень с сельцом и 125 дворами, выставки Ильинского погоста – церковь Георгия Страстотерпца с двумя дворами и кельей, церковь Петра и Павла с двумя дворами попа и дьячка и девятью крестьянскими дворами. На озерах Коткозеро и Утозеро обосновалось девять деревень с 48 дворами, а на первом еще и выставка Олонецкого погоста – церковь Петра и Павла с двором и кельей.

Таким образом, по Переписной книге 1646 г. Ивана Писемского и Якова Еуфимьева на близлежащей к Олонецкому погосту-месту территории к середине XVII в. было 205 деревень (из них 2 сельца), 911 дворов и 9 церквей.

С увеличением территории погоста и населения, проживавшего в нем, появилась тенденция к обособлению более мелких административных образований. В Писцовой книге 1616–1619 гг. Петра Воейкова и Ивана Льговского приводится такой факт. Староста икрестьяне оз. Сямозеро, отдаленной территории Олонецкого погоста-выставки, обратились к писцам с челобитной» в которой указывали, что их выставка находится в 150 верстах от Олонца «за мхи и за болоты»,

иметь дело с Олонецкой администрацией затруднительно, что приводит к злоупотреблениям при распределении податей. Жалобу сямозерцев признали справедливой, поэтому создали самостоятельную сямозерскую волостку со своим управлением.

Наряду с мелким административным делением существовали крупные объединения. Так, расположенные в восточной Карелии Заонежские погосты делились на четыре стана: Оштинский, Олонецкий, Вытегорский и Водлозерский (Переписная книга Ивана Дивова 1657 г.). Центр Оштинского погоста – с. Ошта – был главным административным центром Заонежских погостов и местом пребывания воевод, направленных в эти погосты. В 1624 г. впервые в Заонежские погосты был назначен воевода Степан Тарбеев. Но вскоре крестьяне 13 погостов направляют челобитную в Новгородский приказ с просьбой упразднить воевод в погостах. Они писали, что жизнь их была значительно лучше при управлении из Новгорода, «заонежские погосты были полны и крестьянам напрасных продаж и налогов никаких не было». Просьбу крестьян удовлетворили, и пять лет Заонежские погосты по старинке управлялись из Новгорода. Но без «мирского ведома» «Тараско Нечаев с товарищи», нелестно названные крестьянами как «мирские съедники, горланы и ябедники», подали челобитные о восстановлении воеводства. В 1636 г. воевода был назначен. В 1647 г. крестьяне вновь послали челобитную в Новгородский приказ об упразднении воеводства (Карелия в XVII в., 1948, с. 54–58). С возникновением Олонца как военно-административного центра Карелия к середине XVII в. представляла собой самостоятельное Олонецкое воеводство.

СТРОИТЕЛЬСТВО ОЛОНЕЦКОЙ КРЕПОСТИ. ПЕРВЫЙ СТРОИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД (1648–1649). ПОСТРОЙКА ГОРОДА. ОБРАЗОВАНИЕ ОЛОНЕЦКОГО ПОСАДА

Конец XVI – начало XVII в. были насыщены трагическими событиями для Русского государства и Карелии. 1558–1583 гг. – Ливонская война. Ее причиной стало стремление многих государств закрепиться в районе Балтийского моря. Балтийский вопрос в середине XVI в, в международных европейских отношениях стал выдвигаться на первое место. Россия, Польша, Великое княжество Литовское, Швеция, Дания имели свои интересы в Прибалтике. Русскому государству нужен был выход к Балтийскому морю, дворянству – новые земли в Прибалтике, купечеству – европейские рынки.

Поводом к войне послужило невыполнение Ливонией соглашения о выплате «юрьевской дани». В ходе военных действий в 1558 г. русские войска заняли восточную часть Эстонии с Нарвой и Тарту, в 1559 г. разгромили вооруженные силы рижского архиепископа и осадили г. Ригу. Однако русская феодальная верхушка противилась войне с Прибалтикой и буквально накануне полного разгрома Ливонии настояла на заключении перемирия. Это дало возможность противнику собраться с силами. Кроме того, против Русского государства выступили Литва, Польша, Дания и несколько позднее Швеция. Шведский король Иоанн III выдвинул свою программу захвата Корельского уезда и Ижорской земли с русскими крепостями Ивангородом, Ямом, Копорьем, Орешком, а также земель Карелии и Кольского полуострова, чтобы закрыть России выход к Белому и Баренцеву морям. В 1580 г. главный удар шведские войска нанесли на Карельском перешейке и захватили г. Корелу. Действия другого шведского отряда, вторгшегося в Карелию, не были столь удачными – его разгромили в Ругозерской волости. В 1581 г. шведский от-

ряд под руководством К. Флеминга проник на Олонецкий перешеек и разорил многие населенные пункты и Александро-Свирский монастырь. Летом этого же года шведы опустошили прибрежную зону восточного берега Ладожского озера.

В Корельском уезде вспыхнула партизанская война. История сохранила имена Кирилла Рогозина, крестьянина из Сердоболя, крестьянина по имени Робоница, совершавшего набеги в северную часть провинции Саво. Подсчитано, что за первую половину 1582 г. партизаны провели 17 походов на захваченную врагами территорию (История Карелии, 1957, с. 106).

По заключенному в 1583 г. Плюсскому перемирию Швеции отошли оккупированные ею Корельский уезд и западная часть Ижорской земли с городами Копорьем, Ивангородом, Ямом, за Россией оставался небольшой выход к Балтийскому морю в районе устья р. Невы. Население Карелии не желало мириться с иностранным гнетом, продолжалось партизанское сопротивление, из захваченных погостов население уходило на русскую сторону.

В 1590 г. возобновились военные действия на территории Ижорской земли и русские войска освободили города. Шведские отряды безуспешно пытались захватить Беломорскую Карелию и Кольский полуостров. В 1592 г. русские войска совершили поход к Ботническому заливу. В 1593 г. между Швецией и Россией было заключено перемирие, и по Тявзинскому договору (1595 г.) между этими странами России возвращались Корельский уезд и Ижорская земля.

Прекращение русско-шведской войны и комплекс льготных правительственных мер позволили Карелии постепенно восстановить разрушенное хозяйство. Однако этот процесс был нарушен польско-шведской интервенцией.

Результаты Ливонской войны не устраивали Польшу, стремящуюся к захвату русских земель. Был использован Лжедмитрий I в качестве «законного» претендента на престол. В октябре 1604 г. польский отряд перешел русскую границу. Русскому государству, оказавшемуся в трудном положении, приходилось обороняться от нескольких врагов одновременно. К тому же ситуация осложнилась антифеодальной классовой борьбой. Этим воспользовались шведы. Русскому правительству была предложена помощь, но взамен Швеция требова-

ла Корельский уезд. Условия были приняты, но обе стороны не учли настроения народных масс. Жители г. Корелы отказались сдать город врагу, несмотря на уговоры и заманчивые обещания.

Вместо помощи в борьбе против польской интервенции Швеция, воспользовавшись изменившейся политической обстановкой в Русском государстве (свержение правительства Василия Шуйского), перешла к прямым военным действиям. Летом 1610 г. шведы вторглись в пределы Корельского уезда и развернулась народная борьба. Остановить регулярные войска ополченцы, естественно, не смогли, однако все же нанесли врагу существенный урон. Основные силы шведы сконцентрировали для взятия крепости Корелы. Несмотря на стойкое сопротивление гарнизона и защитников крепости из числа городского и сельского населения, руководимых воеводой И. М. Пушкиным, крепость не могла выдержать долгой осады. После захвата Корелы в 1611 г. шведы устремились на русские земли. К середине 1612 г. большая часть новгородской земли контролировалась шведами.

Для захвата Карельского Поморья и Заонежских погостов шведы использовали польско-литовские отряды. Объединившиеся против интервентов русские воинские части и местное население оказали упорное сопротивление врагу, и его попытки захватить карельские земли окончились неудачей.

Затяжные военные действия оказались не под силу как Швеции, так и России, которой приходилось бороться и с польскими захватчиками. Закончился этот кровопролитный период заключением 23 февраля 1617 г. в дер. Столбово (Рис. 4) близ Тихвина мирного договора

Рис. 4. Деревня Столбово

между Швецией и Россией при посредничестве Англии и Голландии. Россия вынуждена была пойти на невыгодный для себя договор, так как вести войну с Польшей и Швецией одновременно не могла.

Швеции отходила Ижорская земля с Ивангородом, Ямом, Копорьем и Орешком, Корельский уезд с г. Корелой. Россия по Столбовскому договору лишилась выхода к Балтийскому морю. Но упорное сопротивление врагам, оказанное жителями Беломорской и Олонецкой Карелии, дало свои положительные результаты: их земли остались в составе Русского государства.

Стойкое сопротивление населения Карелии шведским и польско-литовским отрядам отразилось в устном народном творчестве. Наиболее распространенными являлись предания, в которых местный крестьянин, обычно даже без имени, этакий обобщенный художественный образ, с помощью природных объектов: стремнины, озера, реки, леса и т. д., побеждал врагов (Северные предания, 1978, с. 78, 81–101). В преданиях даже курганы, возникшие в X–XII вв., связываются с литвой, которая будто бы погребена в них. Непосредственно Олонца касается легенда о набеге шведов. Шведы, намереваясь напасть на Олонец, расположились в устье р. Олонки, но приняли еловую рощу в дер. Горка Ильинского погоста за величайшее войско и, испугавшись, решили повернуть обратно, но при этом развороти-ли часть берега (это место в переводе с карельского называется «поворот корабля»; см. гл. «Топонимия Олонецкого края» в наст. издании).

По Столбовскому договору обе стороны условились выдавать перебежчиков. На протяжении нескольких десятков лет на территорию Московского государства из русских земель, отошедших к Швеции, перешло много народу. Шведское правительство требовало их выдачи, но «...исполнить это требование в глазах московского правительства значило отдать православных христиан в люторскую веру; благочестивый царь никак не мог решиться взять на свою душу такой грех, и потому положено было выкупить перебежчиков. Часть выкупных денег, именно 20 000 рублей, была отдана в Москве шведскому агенту Нумменсу, который с ними и отправился на Псков к шведской границе. В то же время в зачет выкупной суммы велено было отпустить из псковских царских житниц 11 000

(по документам Российского государственного архива древних актов, 10 000. – *С. К.*) четвертей хлеба в Швецию» (Соловьев, 1990, кн. V, с. 472–473).

В первые десять лет царствования Алексея Михайловича (1645–1676 гг.) отношения со Швецией оставались дружественными, какими они были в царствование его отца Михаила Федоровича (1613–1645 гг.). Однако по Столбовскому договору пограничная линия проходила в непосредственной близости, примерно в 50 км, от Рождественского погоста. Постоянная опасность вторжения шведских военных отрядов побудила московское правительство предпринять ряд мер по обеспечению обороноспособности пограничных районов и, в первую очередь, развернуть строительство Олонецкой крепости.

Ранней весной 1649 г. воеводы князь Федор Волконский и Степан Елагин по царскому указу прибыли в Олонец для отыскания места для строительства крепости. Осенью они докладывают в Новгородский приказ, обращаясь непосредственно к «государю царю и великому князю» Алексею Михайловичу, о последовательности своих действий: осмотрели места, где можно было бы построить город или острог. Такое подходящее, по мнению воевод, место находилось при слиянии рек Олонки и Мегреги, где стояли деревни Оксентьево и Толмачев Наволок. Уже начали было ставить острог типа «тына стоячего» из вкопанных заостренных сверху бревен, но опасность затопления этого низкого места в половодье изменила планы, а потому решили заложить рубленый город. Воеводы сообщили, что построение Олонца завершилось к 29 сентября, а если принять во внимание, что только в августе приступили к возведению сооружений, то постройка Олонецкой крепости произошла в предельно сжатые сроки.

Но не так легко строилось, как это может показаться из документов. Крестьян обложили дополнительными повинностями: от каждого хозяйства нужно было доставить к месту строительства по 55 тесаных бревен и досок и по одному суковатому дереву, кроме того, заплатить по 100 руб. и выделить одного плотника. Но на самом деле лес доставляли лишь близживущие крестьяне, а остальные вносили деньгами – по 3 руб. за 100 бревен и по 8 алтын 2 деньги за вытаскивание их из воды (Мюллер, 1947, с. 153). Но вопрос о начале строительных работ был поднят раньше, скорее всего, в 1648 г., так как

Ф. Волконский упоминает о предыдущей «отписке» (уведомлении). После окончания работ, «написав роспись, и начертя чертеж, и сделав городом образец», документы отослали в Москву. Такова была практика градостроительства в Московском государстве в XVI–XVII вв.

Таким образом, в конце сентября 1649 г. на стрелке, образованной слиянием рек Олонки и Мегреги, были построены два деревянных города: Меньший и Больший. К сожалению, чертеж и образец не сохранились. Предполагают, что образец – это деревянная резная модель (Мильчик, Ушаков, 1981, с. 97). Росписной список 1649 г. дает подробное описание оборонительных укреплений. Меньший город располагался на оконечности стрелки и представлял собой трапециевидную в плане крепость с общим периметром городовых стен и выпущенных за линию стен башен 360 сажен (с учетом стены и башни, отделявших Меньший город от Большего). Городовая стена Меньшего города вдоль р. Мегреги начиналась от «Мегрешской» шестиугольной башни, расположенной на стыке двух городов, и состояла из четырех прясел (прясло – звено) с двумя шестиугольными и двумя четырехугольными башнями. Одна из четырехугольных стояла на задних Мегрегских водяных воротах, через которые был выход к реке. Западный фасад Меньшего города включал два коротких прясла (18 и 19 сажен) с двумя шестиугольными угловыми башнями и четырехугольной между ними. Северный фасад города вдоль р. Олонки состоял из трех прясел с двумя шестиугольными и двумя четырехугольными башнями. Одна из четырехугольных башен располагалась на задних Олонецких водяных воротах, через которые выходили к р. Олонке. Восточная, смежная, стена достигала в длину 70 сажен и состояла из двух прясел с тремя шестиугольными башнями. В средней, Красной шатровой, с часами, воротной башне был проезд из Меньшего города в Больший.

Больший город занимал восточную часть стрелки. На южном его фасаде вдоль р. Мегреги находились две шестиугольные и две четырехугольные башни. Одна из четырехугольных называлась Тайницкой, так как под ней был устроен тайник (подземный ход) к р. Мегреге. На северном (вдоль р. Олонки) фасаде располагалось такое же количество шести- и четырехугольных башен. Под одной из четырехугольных размещались Олонецкие передние водяные ворота. Городовая стена состояла из трех прясел. Восточную сторону

Большего города (где теперь площадь) как наиболее опасную в те времена постарались укрепить надлежащим образом. Здесь на расстоянии около 130 сажен стояли две угловые шестиугольные глухие башни (т. е. башни закрытые), две четырехугольные глухие средние башни, центральная шестиугольная воротная – Московская башня с «косыми» воротами, городовые стены из четырех прясел. Косые ворота, как полагают специалисты (Мильчик, Ушаков, 1981, с. 99), затрудняли доступ неприятелю и не позволяли видеть внутреннюю часть города. С восточной стороны Большего города между реками Мегрегой и Олонкой выкопали ров в четырех саженях от стены, чтобы вода, заполнив ров, не разрушила стену. В трех саженях от рва «на сте на девяносте саженях ставлены надолбы двойные».

По письменным документам можно судить о строительно-технических приемах крепостного зодчества и, в первую очередь, о конструкции городовой стены. Воссоздать строение городовой стены Олонца XVII в. впервые попытался Ф. Ласковский (1858, л. 8, рис. 50, 52), но он не учел того обстоятельства, что на протяжении XVII в. конструкция городовых стен менялась. В 1649 г. была построена городовая стена высотой до кровли «с обломы» три сажени с четвертью и шириной две сажени без четверти. Обломы, или обламы, – нависающие с внешней стороны стены бревенчатые выступы. Через бойницы в полу можно было поражать подступившего к самым стенам неприятеля. Предполагается, что для этой цели под кровлю клались катки, которые во время приступа сбрасывали на врага (там же, с. 92).

Основу стены составляли четырехугольные (в виде трапеции) тарасы, т. е. бревенчатые рубленые укрепления размером «по городу в сажень, а в город 2 сажен без четверти». Ф. Ласковский определил тарас как участок деревянной ограды между двумя поперечными стенами (Ласковский, 1858, с. 83). Согласно же описям Олонца, тарасом называли только те части стены, которые засыпались землей (Овсянников, Кочкуркина, 1978, с. 81). Засыпанное до уровня нижнего боя «землею для защиты пушечной и пищальной стрельбы» основание городской стены должно было выстоять во время артиллерийского обстрела. Вдоль всей крепости на уровне нижнего боя стена снаружи внизу была срублена в две стены и надежно защищала стрелков, находившихся у бойниц нижнего, подошвенного боя в специальных

камерах. Эти камеры чередовались с тарасами, засыпанными землей (камера занимала все расстояние между двумя тарасами – участок стены протяженностью две сажени), в каждой камере находились по две бойницы нижнего боя. Бруствер в две стены защищал стрелков, стоявших у бойниц верхнего боя. К сожалению, Росписной список воеводы князя Федора Волконского 1649 г. не дает сведений об устройстве бойниц среднего боя, но в нем особо отмечается, что с приступной, восточной, стороны засыпаны землей не только стена, но и башни «по нижние бои» (Овсянников, Кочкуркина, 1978, с. 81). Бойницы верхнего боя со стороны города ограждались перилами. Поднимались к ним по лестницам.

В целом Больший город с общей протяженностью укреплений 423 и Меньший – 360 сажен (всего 783) с 19 башнями состояли из двух замкнутых оборонительных комплексов и по тем временам представляли собой мощную дерево-земляную крепость. Поскольку Олонецкая крепость имела большее число значительно выступающих за общую линию относительно ритмично расставленных башен (длина прясел 18–42 сажени), то при обороне крепости можно было организовать мощную систему как фронтального, так и флангового огня (Овсянников, Кочкуркина, 1978, с. 76). И хотя в XVII в. широко использовалось огнестрельное оружие и защитные свойства рельефа уже не играли главной роли при возведении оборонительных укреплений, Олонецкой крепости присущи и архаичные черты. Она являлась классическим примером крепости мысового типа (расположение на стрелке, ров). Кроме того, судя по микротопографии построенной крепости, Меньший город играл роль детинца (кремля), а Больший – посада. В Меньшем городе находились соборная церковь, съезжая изба – орган административного управления, казенный погреб для хранения воинских припасов, воеводский двор – официальная резиденция воеводы. Больший город предназначался для защиты местного населения, которое в случае военной опасности могло укрыться за крепостными стенами. И не только. Больший город с самого начала был постоянным местом жительства посадского населения. Это следует рассматривать как важный этап создания Олонца и как военно-административного центра, и как торгово-ремесленного города (Овсянников, Кочкуркина, 1978, с. 77).

Развитию торговли и ремесел способствовала близость Олонца к шведской границе. Город еще не был достроен, а воеводы уже испрашивали о месте, где можно устраивать торги с приезжающими из-за рубежа. В ответ на запрос было сказано, что «для приезду корелян и немец устроить гостин двор на Олонце за городом, меж реке Олонца и Мегреги на острову на Стрелице». В город же пускать их запрещалось, хотя в нем были торговые лавки, и рекомендовалось в целях безопасности держать это распоряжение в тайне. Более того, в наказе олонецким воеводам говорилось о необходимости добывать сведения, которые полезны Московскому государству, «а сами б ни про что не рассказывали» (Карелия в XVII в., 1948, с. 91–93).

Ф. Волконский в 1649 г. о первых шагах по организации посада писал: «А жилых, государь, и посадцких людей в городы из заонежских погостов охотников никого нету; и мы, холопи твои, у смотру допрашивая волостных людей, которые люди у них в погостех торговыми промыслы промышляют... тем торговым людям говорили, чтоб они у кого есть дети, писали детей своих в солдатцкую службу, а сами писалися в посадцкие люди на Олонец» (Карелия в XVII в., с. 84). Однако крестьяне жаловались государю, что торговые промыслы у них небольшие, а земли малые и скудные, да и населения немного, чтобы их детям еще идти в солдатскую службу и при этом «тягло тянуть». Нанять же «гулящих людей» – нет ни денег, ни хлеба, лучшие работники уже отданы в ученье, а без них «пообезсилели». Поэтому на первых порах удалось записать «в посадцкие люди с шестьдесят человек», а детей их в солдаты (Карелия в XVII в., с. 84–85). Этого, однако, было явно недостаточно для организации обороны.

Охрану шведского рубежа московское правительство решило поручить самим местным жителям, обучив их «иноземному строю». Правительство полагало, что крестьяне смогут нести военную службу и заниматься хозяйством одновременно, это экономило бы деньги на жалованье, т. е. таким образом создавалась новая социальная категория «пашенных солдат». Как и всякий проект, рожденный чиновниками, далекими от реальной жизни, он казался удачным. Действительно, зачем посылать людей в Карелию, платить им жалованье, везти продовольствие?! Местное же население, настрадавшись от врагов, должно было быть заинтересовано в своей безопасности.

Прежде чем осуществить задуманное, следовало провести учет населения, ликвидировать недоимки. Мы уже упоминали о письме Никиты Панина, непомерно увеличившим крестьянские подати, что подтолкнуло крестьян к уходу из Заонежских погостов. Они уходили целыми семьями и группами семей в Новгород, Вологду, на Белоозеро и т. д. В некоторых случаях были и предварительные договоренности с помещиками, на земли которых крестьяне переселялись, случался и насильственный захват крестьян с имуществом. Но подати, возложенные на определенные территории, оставались прежними, хотя количество плательщиков уменьшилось. Для оставшихся бремя налогов становилось непосильным. Чтобы привлечь крестьян к несению солдатской службы, правительство распорядилось освободить их от уплаты податей. Этому способствовали многочисленные крестьянские челобитные государю с просьбой освободить их от недоимок за прошлые годы. Крестьяне ставили условие о несении воинской службы вблизи их места жительства. Правительство приняло это условие, поскольку и не рассчитывало на дальние походы, но потом слово свое нарушило. «Гоньба за человеком, за рабочею, промышленною силою в обширном, но бедном и пустынном государстве делается существенным занятием правительства: ушел – поймать его и прикрепить к месту, чтоб работал, промышлял и платил. Если правительство гонялось за человеком и старалось прикрепить его к одному месту, чтоб заставить платить подати и служить безвозмездные службы, но сопряженные с тяжелой ответственностью, то у человека, разоряемого податями и службами, господствующим желанием было отбыть во что бы то ни стало от податей и служб» (Соловьев, 1990, кн. VII, с. 36). Фискальная политика была тормозом развития. Правило сработало и в этом случае.

За время существования «пашенных солдат» (1648–1666 гг.) хозяйству был нанесен куда больший урон, нежели от иностранных набегов. По существу, все мужское население было оторвано от хозяйства. Уход солдат в дальние походы оставлял хозяйство без работников: в солдаты брали с 15–20-летнего возраста и служили до 50 лет. Крестьяне-солдаты убегали еще с дороги, скрывались по лесам. Правительство пыталось бороться с создавшимся положением, приказывало возвращать беглых. Разорение среднего крестьянства –

вот результат существования «пашенных солдат». 1 июня 1666 г. правительство отменило этот институт. Службу заменили тройным тяглом. Но уже вскоре стало ясно, что обнищавшему крестьянству оно не под силу. В мирской челобитной крестьяне Олонецкого погоста в 1668 г. писали государю, что на них наложено тройное тягло подымно, поэтому им придется платить «вшестеро», а в иных деревнях «вдевятеро» в сравнении с тем, что они платили по писцовым книгам: «пожалуй нас сирот своих, вели, государь, нам платить против (по. – *С. К.*) писцовых книг, которой землю меряли, ...чтоб нам сиротам вконец не погибнуть» (Карелия в XVII в., 1948, с. 193). (Кстати, такое разрешение крестьянам было дано.) Вначале правительство частично, а затем полностью отменило тройное тягло.

Итак, постройка Олонецкой крепости в основном завершилась к осени 1649 г., строительные работы на ряде объектов растянулись на несколько лет. В Росписном списке 1649 г. говорилось о рве и двойных надолбах, поставленных с напольной, «приступной» стороны. Однако известно, что до пожара 1668 г. Олонец имел вспомогательные укрепления, которые значительно увеличивали его оборонную мощь. Это касается не только укрепления рва обрубом на трассе в 183 сажени (ширина рва в 3 сажени, высота деревянного обруба по двум стенам – 2 сажени без чети), но и создания грандиозных дополнительных околобашенных дерево-земляных укреплений – быков. Судя по описи, быки – это деревянный обруб типа тараса, засыпанный землей. О времени появления этих сооружений говорится в Сметной строельной росписи города Олонца 1671 г.: «а те все быки построены были при околничем и воеводе при Василье Александровиче Чоглокове, после прежнего городоваго строения за 8 годов, а не вместе с городом построены» (Роспись сметная Олонцу, 1672 г., РИБ, т; VIII с. 925). Воеводство Чоглокова началось с 1649 г., когда основной объем работ был выполнен. О строительных же работах под своим руководством он писал царю в 1651 г.: о сооружении около города деревянного обруба, чтобы «городовых стен и башен водою не подмыло и города не испортило» (Отписка воеводы Василия Чоглокова 1651 г., с. 5–6). Однако из отписки воеводы можно сделать вывод, что Чоглоков лишь продолжил и завершил эти работы. При нем же построены два моста: «от городовых ворот по рекам по Олон-

це и по Мегреги» (один мост через Мегрегу, вероятно, вел из Меньшего города к месту старого погоста, к церквам Рождества Богородицы и Николая Чудотворца, другой – через р. Олонку) (Овсянников, Кочкуркина, 1978, с. 79).

Менялась и степень застроенности городов. Росписной список 1649 г. перечисляет в Меньшем городе Троицкий собор с двумя приделами (Алексея Божьего человека и Дмитрия Солунского), съёзжую избу, воеводский двор, сторожку у ворот и казенный погреб. Ко времени пожара на территории кремля уже стояла деревянная колокольня. Увеличивалось число построек в Большем городе. Мы уже говорили, что Ф. Волконский записал в посад 60 семей, которым дано было распоряжение «в городе дворы строить» с расчетом завершить домостроительство к весне 1650 г. Срок оказался нереальным, и воевода велел селиться осенью «человеком двум, иным и трем один двор поставить, чтобы в городе не пусто было» (Карелия в XVII в., 1948, с. 85). В город привезли лишь около десяти изб, в которых селилось по нескольку человек. Любопытно, что двадцать человек, которые были записаны на Олонце в пушкари из бобылей, так и не жили на посаде: «...люди скудныя и живут по крестьяном в розных деревнях» (там же).

Однако людей тянуло на места своего прежнего жительства. В наказной «памяти» олонецкому воеводе в 1651 г. да и другим воеводам на протяжении XVII в. предписывалось посадских людей из всех погостов с их детьми и женами и всем имуществом забирать на житье в город. В 1668 г. олонецкие окологородние крестьяне подали в Новгородский приказ челобитную с просьбой не отнимать у них деревенские участки: «...городовых, государь, торгов и промыслов никаких нет, город, государь, украиной, а место порубежное, а нас сирот твоих и всех посадских людишек толко полтораста дворов, и ис тех... многие обнищали и скитаютца меж дворы» (там же, с. 190). В 1672 г. в наказе воеводе Ордину Нащокину особо подчеркивалось: «Да ведомо великому государю царю... что Олончаня посадцкие люди, которые взяты на посад на житье, сошли в заонежские погосты в села и в деревни попрежнему, кто где жил» и предписывалось «...тех посадцких людей из тех заонежских погостов из сел и из деревень, свесть попрежнему на посад, тотчас, и велеть им жить на посаде, а в села и в деревни без отпуску им ездить не велеть» (Роспись сметная Олонцу 1672 г., с. 225).

Процесс дальнейшего развития Олонца как города и формирования городской территории в общих чертах совпадал с развитием большинства городов Северной Руси, которые складывались не столько за счет увеличения числа посадских дворов на территории города, сколько за счет образования и расширения окологородских слобод. Так, в 1674 г. около Олонца сформировалась Стрелецкая слобода и в ней была построена церковь Архистратига Михаила, а в 1682 г. – церковь Тихвинской иконы Божьей матери, примерно в это же время выстроили церковь в Коблуковской слободе. Росла численность населения и на старом погосте-месте, где находились церкви Рождества Богородицы и Николая Чудотворца. Постепенно и в Олонце стало складываться посадское городское население и развиваться городская культура (Овсянников, Кочкуркина, 1978, с. 80).

В 1668 г. оба олонецких города – Меньший и Больший – сгорели, «...а отнять было не мочно, ветер был большой; а город был не пространный, улицы и дворы тесные». Сгорели при этом городские стены «...и две церкви, и приказная изба, и житницы, и дворы, и лавки» (Роспись сметная Олонцу 1672 г. .., с. 907). Вопрос о постройке Олонца был поднят в скором времени («а без города на Олонце быть не мочно»), для этого население Заонежских и Лопских погостов было обложено сбором по 15 руб. с выти (т. е. с отдельного хозяйства). В дальнейшем пришлось давать по плотнику с выти и участвовать в дополнительных поставках материала (Мюллер, 1947, с. 157).

На необходимость возобновления Олонецкой крепости указывают документы, относящиеся к 1670 г. К этому времени Москва и воеводы обменялись несколькими грамотами. В 1670 г. в Москве уже находились сметная Роспись и чертеж будущего города, отрицательно решился вопрос об увеличении территории крепостного двора, так как она ограничена водами обеих рек и рвом, и о строительстве земляного города: «А земленого города на Олонце сделать и утвердить... не мочно, земля иловатая и дерновых мест нет; ...государь указал и бояре наши приговорили на Олонце город сделать деревянной на прежнем месте, по чертежу и строеньем против прежнего...» (Роспись сметная Олонцу 1672 г. .., с. 909). Речь шла о восстановлении крепости в прежнем виде, но в ходе строительства возникали поправки к плану, которые видоизменили старую крепость.

ВТОРОЙ СТРОИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД. ВОССТАНОВЛЕНИЕ КРЕПОСТИ ПОСЛЕ ПОЖАРА (1668). ТЕРРИТОРИЯ КРЕПОСТНОГО ДВОРА. УЛИЧНАЯ ЗАСТРОЙКА

Строительство Олонецкого города, начатое в 1670 г., завершилось в 1672 г. Основные сведения об облике крепости дает Роспись сметная Олонцу 1672 г. воеводы Ивана Баклановского. Планировка крепости в основном сохраняла свои прежние черты: деревянный город по-прежнему располагался на стрелке, в месте слияния двух рек, но появились и новые элементы в планировочной структуре. Исчезло деление Олонца на два города, уменьшилось количество башен – вместо 19 осталось только 13. Произошли изменения в конструкции городовой стены и в застройке крепостного двора. Но такое решение было принято не сразу.

Осенью 1671 г. воевода Иван Баклановский просил дать указание относительно восстановления стены, ранее делившей город на две части. Он предполагал не только восстановить стену, но и разграничить Меньший и Больший города рвом с обрубами и земляным валом, чтобы «городу было прочнее и от неприятеля и от огненнаго запаления от болшого города» (Роспись сметная Олонцу 1672 г..., с. 914). Царский ответ на это прошение нам неизвестен, но в Росписи сведений о стене, рве и вале нет, следовательно, они и не были построены.

Южная стена крепости в новом варианте состояла из пяти прясел с пятью шестиугольными башнями (в двух из них располагались Никольские и Мегрегские ворота) и одной четырехугольной глухой башни. В прясле между Мегрегской воротной башней и четырехугольной глухой был сохранен тайник – подземный ход к реке длиной 6,5 сажени, шириной 2 сажени. Боковые стены тайника сделаны из двух рядов бревен, а сверху – настил с землей. От него к воде вела

лестница, вход со стороны крепости закрывался воротами. В южной стене на спуске находилась высокая (но ниже Московской) Никольская башня, которую украшала «хороминка», в ней – часы с боем, а на самом верху – петух-флюгер. У ее основания – пристань, где сразу же начинался мост через реку (у моста стояла каменная часовня) и далее на материковую часть в Стрелецкую слободу.

На западной стороне крепости находилось одно прясло с двумя угловыми шестиугольными башнями, а на северной стороне – пять прясел с четырьмя шестиугольными башнями (одна из них воротная) и двумя глухими четырехугольными. В северной стене с воеводского двора были проезжие ворота и тайник, в шестиугольной башне – «Олонецкие верховинские ворота», мост на плотах. Таким образом, из 13 башен 10 были шестиугольные и 3 – четырехугольные. Общий периметр прясел стены вместе с выступающими частями башен составлял 701 сажень без четверти аршина. Новый город был немногим меньше сгоревшего, он несколько отодвинулся от рек, и это уберегало его от весенне-осеннего разлива. При воеводе Иване Панине в 1683–1685 гг. проделали большую и дорогостоящую работу по сооружению двухъярусной подпорной стенки из срубов-тарасов вокруг города, защищавших берега от размыва. Нижние ярусы заложили камнем, верхние – землей и хворостом. Между собой тарасы крепились поперечными бревнами (стрелами) (Мильчик, Ушаков, 1981, с. 116).

С восточной, приступной, стороны стена состояла из двух прясел с тремя шестиугольными башнями, в одной из них – в Московской проезжей – находились ворота. Рубленная в шесть стен мощная башня имела облам с зубцами и четыре перекрытия: два – в нижней части, по одному – в обламе и наверху.

Сильно пострадали во время пожара обрубы (быки): из шести уцелело только два (у крайних юго-западной и северо-восточной угловых башен; у сохранившихся после пожара быков построили к 1672 г. надолбы в четыре венца), остальные четыре быка (у Московской и Никольской воротных башен, у угловых юго-восточной и северо-западной башен) стояли к моменту составления Росписи невосстановленными. К 1672 г. был очищен ров перед напольной стороной стороной крепости. Как ясно из Росписи, во время пожара ров

обвалился под тяжестью земли, высыпавшейся из сгоревших быков. Против каждой из трех башен через ров соорудили мосты с решетками и надолбами – «мост на срубе».

Конструкция городовой стены в новом варианте выглядела следующим образом. Городовая стена была срублена на высоту 3 сажени: 1,5 сажени 2 вершка занимали тарасы, а сверху – обламы, в которых находились верхние бои. Тарасы в основании, как и в крепости 1649 г., имели трапециевидную форму (ширина их с фасада 1 сажень 1 аршин, а со стороны крепостного двора – 1 сажень). Между ними располагались камеры также в виде трапеции, но широкой стороной обращенные вовнутрь. В них размещались бойницы нижнего, подошвенного боя (с фасада камеры имели ширину 1 аршин, а со стороны крепостного двора – 1 сажень без 0,5 аршина). Подобная конструкция тарасов и камер нижнего боя, которую можно признать оригинальной, возникла не случайно. Такие тарасы, засыпанные землей (правда, к моменту составления Росписи их еще не успели засыпать), с чередованием коротких участков крепостной стены, где располагался подошвенный бой, были рассчитаны на защиту от артиллерийского обстрела. Нижняя часть городовой стены (на высоте четырех венцов была срублена в две стены) служила хорошим фундаментом всей конструкции, а для стрелков в камерах нижнего боя – надежным бруствером, защищавшим от пушечного и пищального обстрела. Средний бой в городовой стене находился между уровнем засыпки земли в тарасах и мостом (уровнем пола) в обламах, т. е. бойницы нижнего и среднего боя располагались в шахматном порядке, бойницы же третьего боя – на одном уровне (Мяльчик, Ушаков, 1981, с. 113–114). Верхний бой уже не на часть, а на всю высоту обламов имел надежный брустер (рубленую двойную стену). Городовая стена по сравнению с первым строительным периодом стала шире – 2 сажени в поперечнике вместо 1 сажени с полуаршином, что придало Олонецкой крепости значительную прочность. Караульщики «дозирали» круглосуточно, ворота города замыкали «за час до вечера» и отмыкали «в час дни» (Роспись сметная Олонцу 1672 г..., с. 220).

Крепостные строительные работы в 1672 г. не были завершены. Об этом прямо сказано в Росписи: «...велено на Олонце город достраивать...».

В 1684 г. посадские люди доставили 4575 бревен. На территории крепостного двора возвели воеводские хоромы с оградой, зелейный погреб со стоячим тыном вокруг, приказную избу, Троицкий собор. Непостроенными оставались колокольня у собора, тюрьма, хлебные амбары и мосты по улицам. Роспись упоминает Московскую Пробойную улицу шириной 6 сажен, улицы, ведущие к Верховским воротам к Олонке и к Мегрегским воротам (пять улиц шириной 5 саженей, две улицы по 4 сажени в ширину). Уже после 1672 г. появилась деревянная Богоявленская церковь, стоявшая рядом с Троицким собором.

В 1674–1676 гг. в Олонецком городе строилось первое каменное здание – приказная палата для хранения денежной казны, пороха, свинца и прочих припасов. В сметных строельных росписях города Олонца имеется Роспись палатному каменному строению, содержащая некоторые ценные, но далеко не полные сведения о строительстве первого каменного здания в Олонце. Палата возводилась по проекту новгородских подмастерьев каменных дел – стрельцов Федота Иванова и Потапа Афанасьева, которые сами приезжали в Олонец. Руководили работами тоже новгородские подмастерья – стрельцы Василий Семенов и Мирон Алексеев. Построена же палата, как сказано в документе, олонецкими и уездными жителями: олонецким стрельцом Андреем Вороновым с артелью в 30 человек. Подсобные работы по доставке камня, извести, которую везли из Великого Новгорода и Александрова монастыря, железа, воды, песка, леса выполнялись посадскими людьми и стрельцами.

Объем выполненных работ огромен. Под фундамент был выкопан ров общей длиной (в пересчете на современные меры длины) немногим более 77 м и глубиной около 1,8 м. К сожалению, в смете не указаны размеры здания. В дно рва вбито 959 свай длиной 2,1 м каждая, на торцы которых уложены 84 пластины-лежни, после чего ров забутили диким камнем. Сама постройка была кирпичной (на нее ушло, как указано в смете, 190 080 штук кирпичей). Среди материалов, предназначенных для кровли, перечислены зубцы, причелины, 350 тесин, брусья под кровлю, пластины на гребень и т. д. Общая стоимость палатного строения 1664 руб. 26 алтын, однако, поскольку остались неиспользованными некоторые строительные

материалы (кирпичи, известь), то в окончательном варианте возведение каменной палаты обошлось в «1077 руб. 41 с половиною копейки».

Трудно представить, как выглядела каменная палата. На плане XVII в. она изображена в виде довольно высокой, может быть, двухэтажной постройки, на плане начала XVIII в. – в виде длинного одноэтажного здания с небольшими окнами. В 1728 г., когда в ней располагалась воеводская канцелярия, палата ремонтировалась. Капитальная перестройка сделана в 1741 г.: ее «перечинили и пристроили вновь». В документах конца XVIII в. это здание уже называлось ветхим.

Большую ценность для восстановления облика древнего Олонца имеют планы города, особенно План города Олонца XVII в. из Рукописного отдела библиотеки Российской академии наук (Рис. 5). Он выполнен в стиле, характерном для XVII в., вероятнее всего, иконописцем и представляет значительный интерес как для изучения застройки и планировки крепостного двора, так и для исследования архитектурных особенностей административных, культовых и жилищно-хозяйственных комплексов кремля. Оборонительные сооружения Олонца известны по Росписи описной городу Олонцу

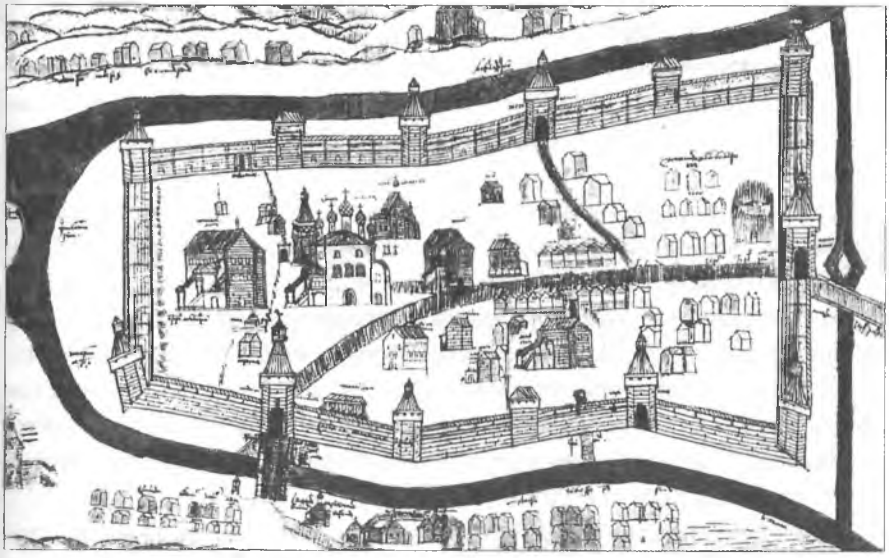

Рис. 5. План города Олонца XVII века

1702 г., но на плане хорошо видны детали: открытая галерея на уровне боевого хода, дверные проемы в башнях, входы в боевые камеры подошвенного боя.

На плане показана центральная уличная магистраль кремля, которая начинается от Московских ворот, пересекает восточную часть крепости и поворачивает на юг к Никольским воротам. Любопытно отметить такую черту благоустройства города, как мощение большой улицы и участка от здания приказа до соборной церкви. Переулки к Верховским и Мегрегским воротам оставались незамощенными. В восточной части города располагались хлебные амбары, торговые лавки, комплекс дьячего двора – здание, очень похожее на здание приказа, стояло на высоком глухом подклете. С одной из торцовых сторон художник изобразил три больших световых окна. На длинной стороне большого дома – высокое крыльцо, крытое «бочкой», с двумя развитыми рундуками. Художник не показал трехчастного членения этого дома, но оно подразумевается, поскольку три проема с полуциркульным завершением справа от крыльца, несомненно, являются окнами сеней (Овсянников, Кочкуркина, 1978, с. 86).

Вся западная часть кремля занята воеводским двором, отделенным от остальной крепости оградой. Центральное сооружение – большой трехэтажный с пристройками дом. Необычайно богатое крыльцо с двухмаршевой лестницей, покрытое «бочкой», вело на второй и третий жилые этажи постройки. Наличие дымника свидетельствует о том, что отапливались помещения и верхнего этажа. Жилым был, видимо, и подклет воеводского дома. Об этом можно судить по наличию дверного проема и двух волоковых окон. Возможно, это помещение для воеводской челяди. Для хозяйственных нужд мог использоваться участок под крыльцом, художник подчеркнул это, изобразив дверной проем. На воеводской усадьбе располагались другие сооружения, например, амбары, поварня. Двор имел выход к р. Олонке в крепостной стене через «водяные» ворота.

На территории крепости находились две каменные постройки: палата, о которой уже подробно говорилось, и Троицкий собор, а также деревянная Богоявленская церковь (см. главу «Церковные сооружения г. Олонца» в наст. издании).

Конечно, не все архитектурные детали, показанные на плане, достоверны. Однако реализм композиций не вызывает сомнения, неко-

торые из них были подтверждены археологическими исследованиями. Кроме того, эти детали позволяют датировать олонецкие планы. План из Рукописного отдела библиотеки РАН самый ранний – конец XVII в., поскольку на нем Троицкий собор – единственная каменная церковная постройка. На Плане 1702 г. из Российского государственного архива древних актов их две: Троицкий собор и Богоявленская церковь. Его можно датировать первым десятилетием XVIII в.

Предполагается, что в 1741 г. крепость сгорела и больше уже не восстанавливалась, так как после победы в Северной войне шведскую границу отодвинули далеко на запад.

Таковы известные по документам основные вехи строительной истории одного из выдающихся памятников русского деревянного крепостного зодчества XVII в. Северной Руси.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Немалый интерес представляют археологические работы в Олонце. Наряду с письменными источниками они дают материал для изучения основных этапов создания Олонецкого деревянного города, застройки территории крепостного двора. Археологические исследования раскрывают конкретное содержание письменных свидетельств, характеризуют материальную культуру, не нашедшую отражения в документах.

Однако археологическое обследование территории старого Олонца показало чрезвычайно плохую сохранность крепостных сооружений и городских построек. Главная причина заключается в том, что центр исторической застройки площадью около 7 га со времени возникновения крепости был объектом интенсивной человеческой деятельности, негативно сказавшейся на целостности исторического памятника.

Крупнейший военный и административный центр располагался на высоте 10–11 м над уровнем воды. На территории Олонецкой крепости в 1973–1975, 1988, 1990–1991, 1993, 1995 гг. археологическим отрядом ИЯЛИ КарНЦ РАН под руководством С. И. Кочкуркиной произведены раскопки на площади 874 м^2 (15 раскопов и несколько шурфов) (Рис. 6). В раскопах I и II вскрыты прекрасной сохранности деревянные укрепления стен рва так называемый обруб, относящийся ко второму строительному периоду – к 1672 г. (Рис. 7, 8). По фасаду он представлял собой двойную рубленую стену (расстояние между двумя рядами бревен 0,4 м). Внутренние поперечные стенки рубились из менее толстых бревен на расстоянии около 4 м друг от друга. Концы длинных бревен по фасаду крепились в замок («ласточкин хвост»), поперечные – способом рубки «в лапу». Продольные бревна сохранились до высоты трех–четырех венцов (до 0,76 м), поперечные – на два–три венца (до 0,72 м). Чтобы не допустить сползания обруба, после засыпки его грунтом строители сделали дополнитель-

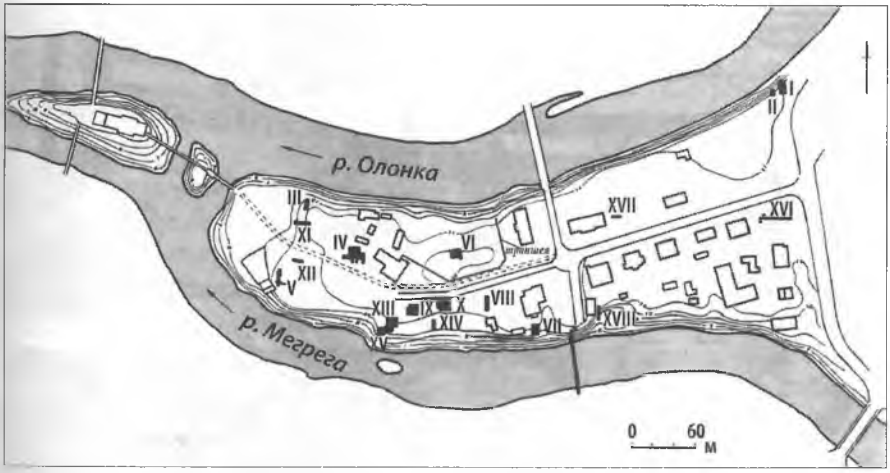

Рис. 6. План исторической части г. Олонца (I–XVIII раскопы)

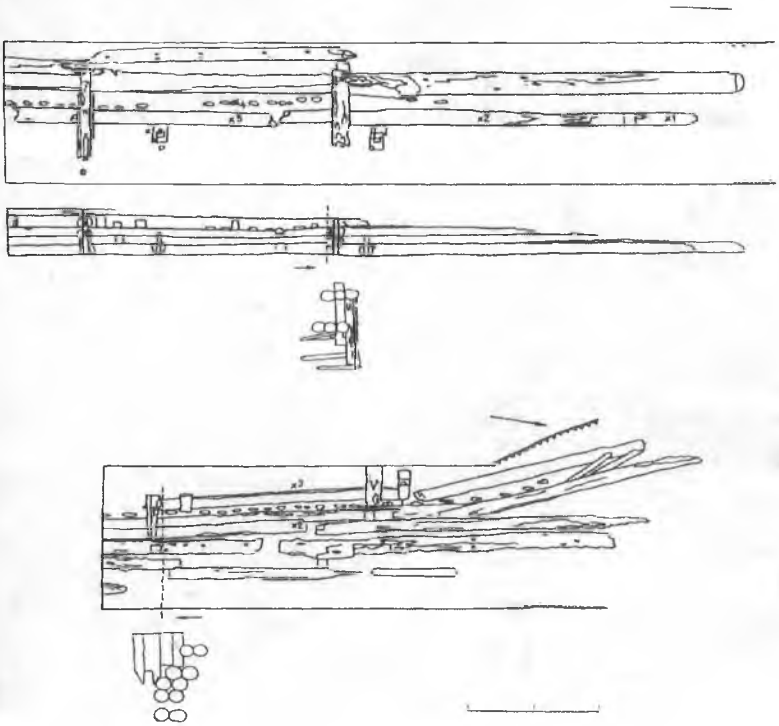

Рис. 7. Обруб рва

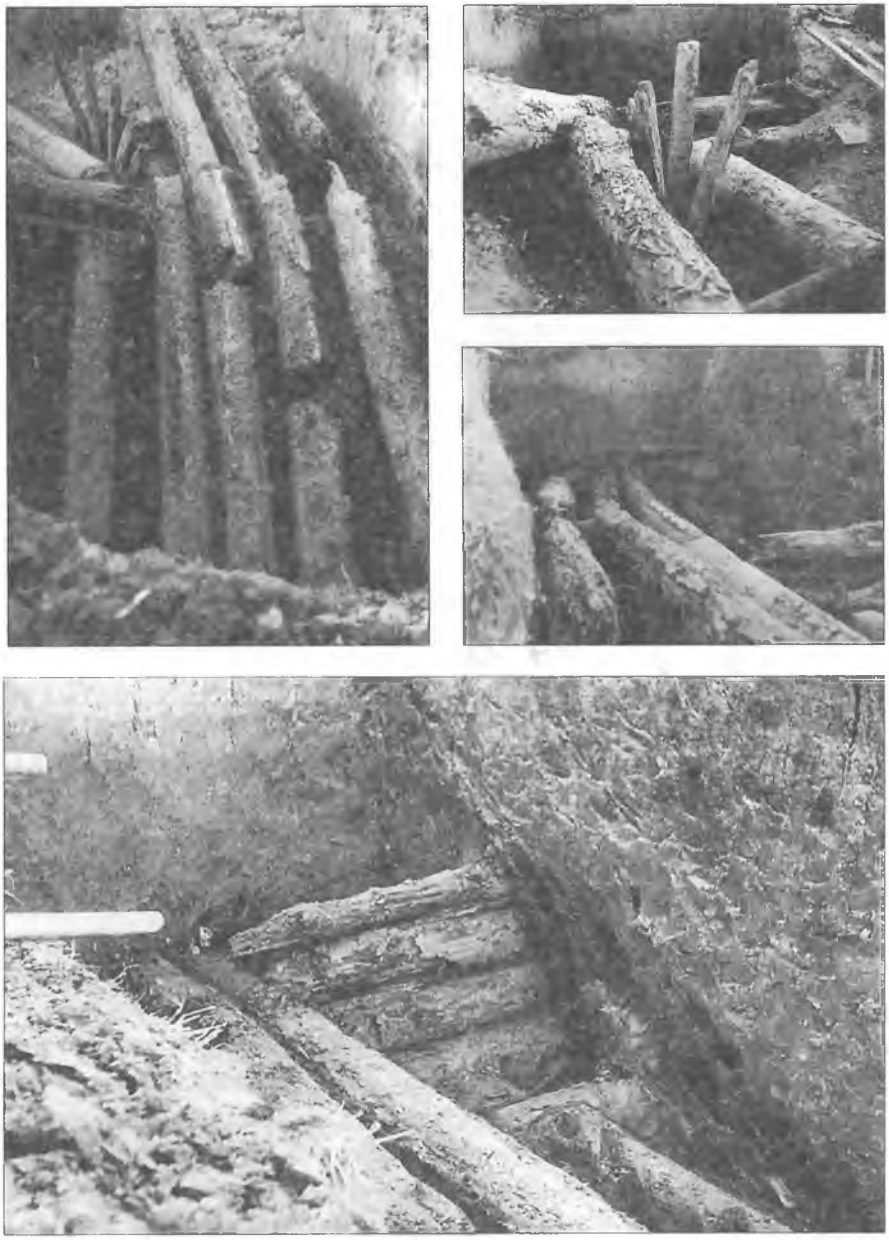

Рис. 8. Деревянные укрепления рва

ные крепления: через 0,88 и 0,4 м от поперечных стен в фасадные врубались короткие поперечные бревна с квадратными сквозными пазами, через которые в грунт были вбиты деревянные колья. В западной стенке рва – такой же обруб. По документам, существовали еще бревенчатые перемычки между стенами рва – «стрелы из стены в стену», но найти их в процессе раскопок не удалось. Видимо, они устанавливались не по всей длине рва.

В раскопе III, размещенном в северо-западном углу Меньшего города, вскрыты слабые полоски древесного тлена и следы сгоревших бревен различной длины, возможно, остатки сторожевой башни и примыкающего к ней с юга тараса (?).

В раскопе IV исследовалась территория крепостного двора (Рис. 9). Выявлены две параллельные каменные гряды с мощным углистым слоем между ними, деревянный настил и многочисленные находки бытовоо назначения: гончарная керамика, изделия из железа (лопата, ключи, кресала, гвозди), точильные бруски, кости животных и т. д. Небольшая площадь раскопа (120 м^2) не позволяет точно привязать сооружение к исторически известному объекту. Скорее всего, каменная гряда и настил не являются единым комплексом (каменная

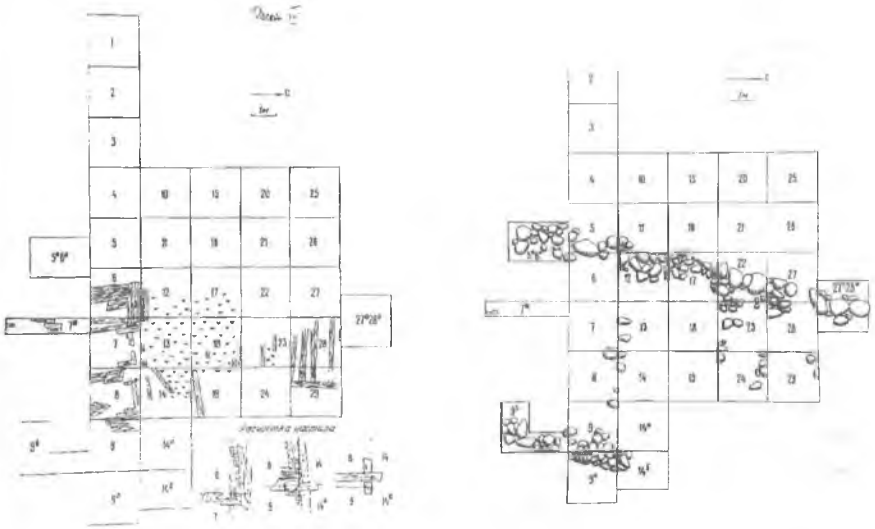

Рис. 9. Раскоп IV. Остатки жилой постройки

гряда моложе настила) и принадлежат, по всей вероятности к различным по времени жилым постройкам.

Не имеет отношения к периоду функционирования Олонецкой крепости и вскрытая в раскопе V четырехугольная деревянная камера размером 3×5 м. Сохранилась на высоту трех–пяти бревен. С восточной, южной и западной сторон зафиксированы стены, сложенные из красного кирпича (восточная и западная стены длиной 4 м, высотой 0,88–0,9 м, шириной 0,3 м, длина южной 3,55 м). Все три стены располагались на известняковой вымостке. Однако в этом же раскопе выявлена часть деревянного настила из вплотную пригнанных друг к другу осиновых и сосновых плах шириной 2,72 м. Вполне возможно, что он каким-то образом связан с угловой башней юго-западной оконечности города.

На плане Олонца конца XVII в. между каменным собором св. живоначальной Троицы и деревянной Богоявленской церковью схематически изображено кладбище. Никаких опознавательных знаков кладбища (кресты, холмики, впадины) не сохранилось. В процессе археологических работ (раскоп VI) удалось выявить 61 погребение (из них 28 детских) (Рис. 10). Детские выявлены в основном на глубине 0,6–0,8 м, взрослые захоронения располагались глубже – до 1,22 м от поверхности земли. Погребенные лежали на спине со сложенными на поясе руками, в вытянутом положении и ориентированы чаще всего на запад с некоторым отклонением к югу и к северу. В 34 захоронениях выявлены остатки деревянных могильных сооружений, в 12 – остатки древесного тлена поверх скелетов. Могильные сооружения разнообразны: гробовища из рубленых досок (4), колоды, выдолбленные из дерева (4), в остальных случаях использовались гробы. В некоторых захоронениях (7) имелись угольки.

Из погребального инвентаря найдены 22 нательных крестика, часть складной иконы, медные пуговицы, металлическая чашечка с чеканным растительным орнаментом и некоторые другие предметы (Фото 1. Вкл.). Но примерно в половине погребений не обнаружено никаких вещей. Все эти особенности погребального обряда свидетельствуют о стойком сохранении язычества в среде древних олончан.

Существовало ли кладбище до постройки крепости? Если принять на веру свидетельства документов о двух деревнях, существо-

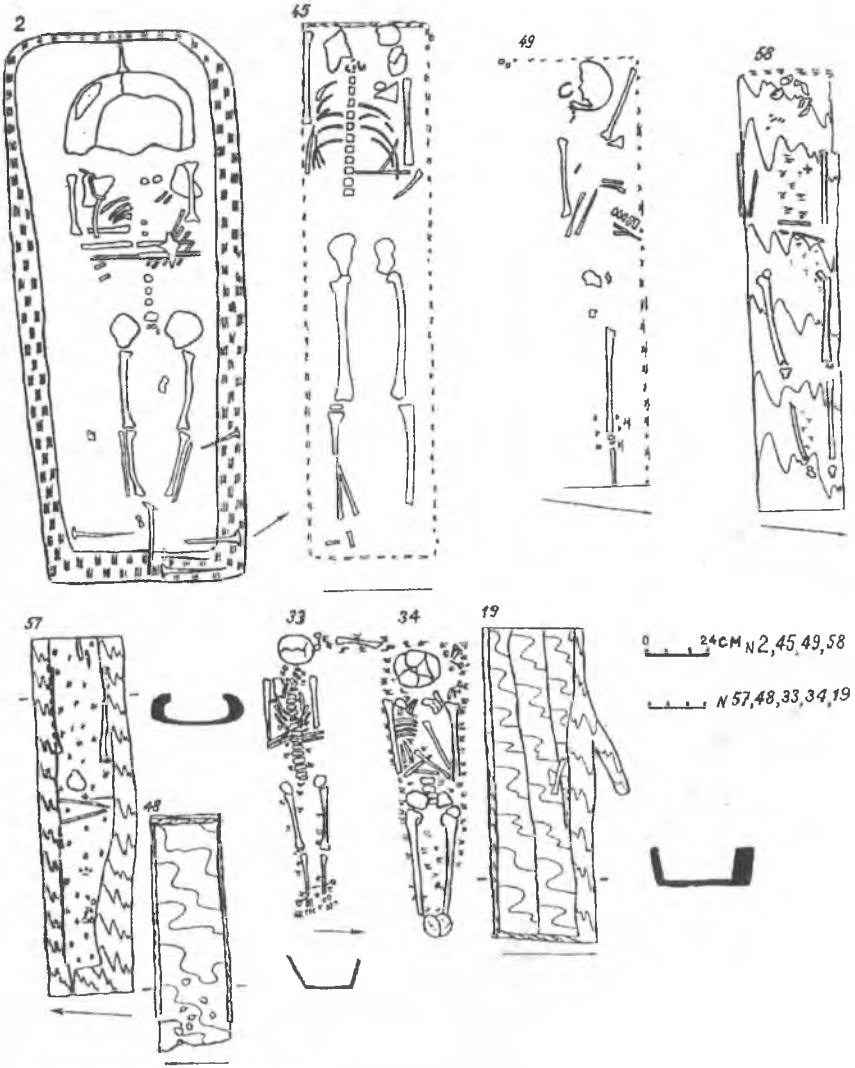

Рис. 10. Погребения

вавших до постройки крепости (Оксентьево и Толмачев Наволок), то можно предположить, что кладбище было основано жителями этих деревень. Но таких деревень ни в одной из писцовой и переписной книг не указано. Более того, о кладбище на территории, которую выбрали для строительства крепости, тоже нет упоминаний. Следова-

тельно, есть основания считать, что кладбище синхронно Олонецкой крепости.

Раскоп VII южнее деревянного здания, построенного в 1905 г. и периодически менявшего свое назначение (Екатеринское двухклассное училище, госпиталь, спортивная школа и т. д.), был размечен так, чтобы захватить часть крепостной стены, но, к сожалению, удалось проследить только слабые следы древесного тлена на валообразном земляном возвышении. Имеют ли эти следы отношение к крепостной стене, сказать трудно. Выявлен канализационный сток, проложенный от дома к р. Мегреге, в виде деревянного прямоугольного желоба из досок толщиной 5–8 см и покрытый сверху четвертой доской. Он хорошо сохранился во влажном глинистом грунте. Кстати, там же обнаружена монета 1910 г. Видимо, в это время и был сооружен канализационный сток.

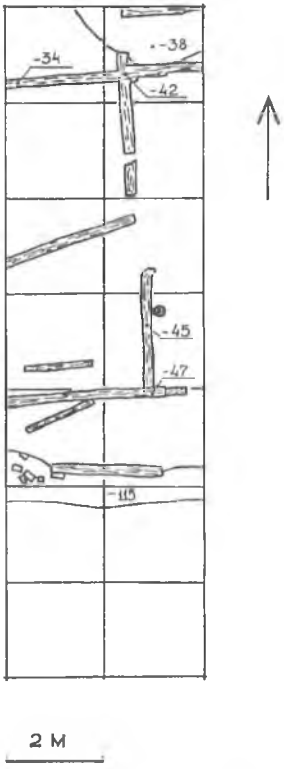

Рис. 11. Раскоп VIII. Остатки жилой постройки второй половины XVIII в.

Чуть позднее на участке вырыли глубокий колодец размером 2×2 м, глубиной 1,12 м. (Именно на этой глубине при раскопках появилась вода.) Внутри колодец был выложен деревянным срубом, углы которого рублены в «обло». Затем колодец забросили, засыпали мусором (битым кирпичом, обломками стеклянной тары, в том числе и аптечной) и сровняли с землей.

Другой раскоп (VIII) разбит в 30 м западнее этого здания. В нем обнаружен фундамент жилой постройки в виде бревенчатого сруба из двух венцов. Фундамент вскрыт частично, так как уходил за пределы раскопа. Жилище было двухкамерным. С северной стороны к нему примыкала хозяйственная яма, куда выбрасывались ненужные предметы, а с южной проходила водоотводная (дренажная) канава (Рис. 11). Датируется фундамент по монетам второй половиной XVIII в. Всего в этих двух рас-

копах вскрыто 116 м^2. Собрано много предметов из железа (обломки топоров, котлов, лопат, гвозди, ключи, пробои), стекла (фрагменты штофов, бутылок, оконного стекла), глины (посуда, изразцы, курительные трубки), меди (пуговицы, нательный крест). Найдены 63 монеты достоинством в 1, 2 и 5 коп., а также деньги, полушки, чеканенные в 1727–1770 гг.

Роспись 1672 г. упоминает центральную Московскую Пробойную улицу, от нее шли улицы к Верховским и Мегрегским воротам. Есть они и на плане Олонца XVII в. Археологически изучены две деревянные мостовые города (раскоп IX). Одна, более древняя (ширина ее 3,2 м), лежавшая на материковом грунте на глубине 0,7–0,86 м от поверхности земли, шла в направлении с запада на восток, почти параллельно р. Мегреге и Никольской башне (Рис. 12). Она была построена так: на две параллельные слеги, ориентированные в направлении запад – восток с небольшим отклонением к югу и к северу, уложены, тоже параллельно друг другу, бревна вперемежку с плахами, ориентированы в направлении север – юг с небольшим отклонением к западу и востоку. Надо сказать, что мостовая сохранилась довольно хорошо, потому что бревна (диаметр 0,24 м) предварительно смолили или обжигали. Возможно, мостовая вела к стрелецкой караульне, располагавшейся у Никольской башни, или к воеводскому двору.

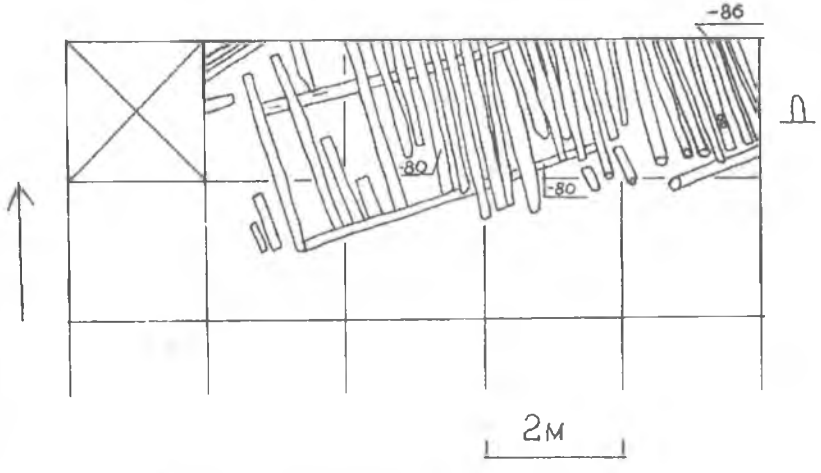

Рис. 12. Раскоп IX. Нижняя мостовая

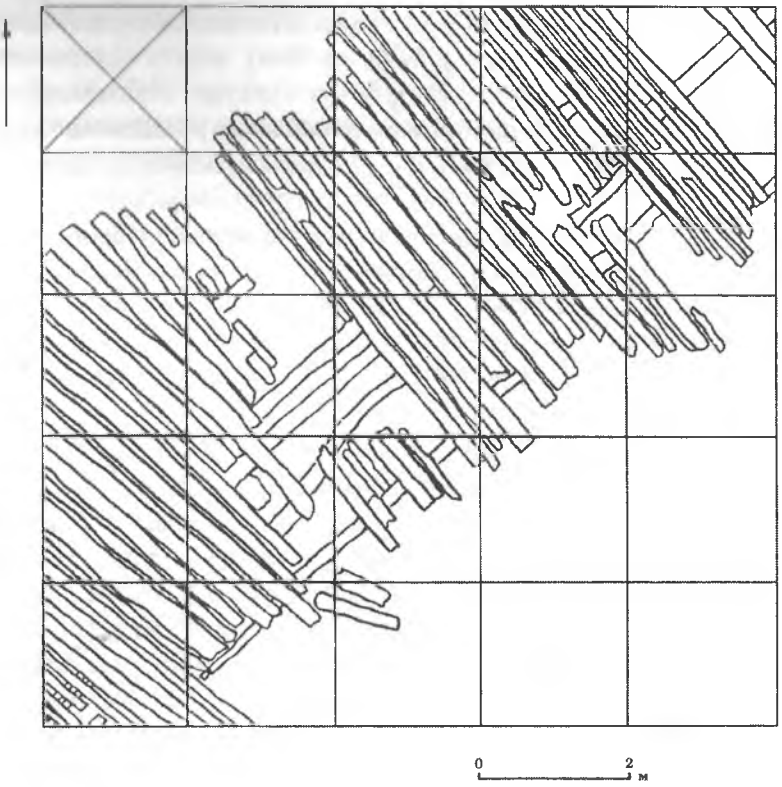

Рис. 13. Раскоп IX. Верхняя мостовая

Вторая мостовая выявлена на глубине 0,44–0,6 м (Рис. 13). Максимальная ширина – 6,4 м, что соответствует документальным данным. Сделана в основном из сосновых плах диаметром 0,2–0,3 м. Гвозди употреблялись редко. Железная скоба найдена всего одна. Конструкция второй мостовой аналогична предыдущей. Хорошо сохранились две центральные слеги-бревна, идущие в направлении северо-восток – юго-запад. Здесь же тесали и ошкуривали бревна. Именно эта мостовая, указанная на плане XVII в., вела от Московской Пробойной улицы к Никольской башне.

При раскопках улицы найдены 12 монет. Из датированных самая ранняя 1727 г., а самая поздняя – серебряная монета 1855 г. достоинством в 20 коп. Точно датировать мостовую трудно, но, по всей веро-

ятности, построенная в XVII в., она продолжала функционировать и в более позднее время.

Раскоп X располагался в 17 м восточнее предыдущего. По плану города Олонца XVII в., именно здесь, как нам казалось, располагалась приказная палата. На участке площадью немногим более 120 м^2, на глубине 0,4–0,76 м от поверхности расчищена часть настила (остальная часть уходит за пределы раскопа) из досок шириной от 0,15 до 0,32 м, толщиной 0,03–0,04 м, ориентированных в направлении север – юг. С западной стороны примыкали остатки кирпичной кладки (размеры ее 3×1,4×0,2 м) с редкими кусочками раствора под нижним слоем. Под кирпичной кладкой лежали доски, но какой-либо системы в их расположении не прослежено (Рис. 14). Может быть, это остатки носилок.

Найденные на настиле и под ним 15 медных монет представлены в основном полушками 1730-х гг., что дает основание датировать его первой половиной XVIII в. Находок немного. Судя по их составу, раскопанный объект не принадлежал жилым сооружениям. Скорее всего, нами выявлена хозяйственная постройка без фундамента (им служила плотная глина с битым кирпичом), предназначенная, может быть, для хранения кирпича и других строительных материалов

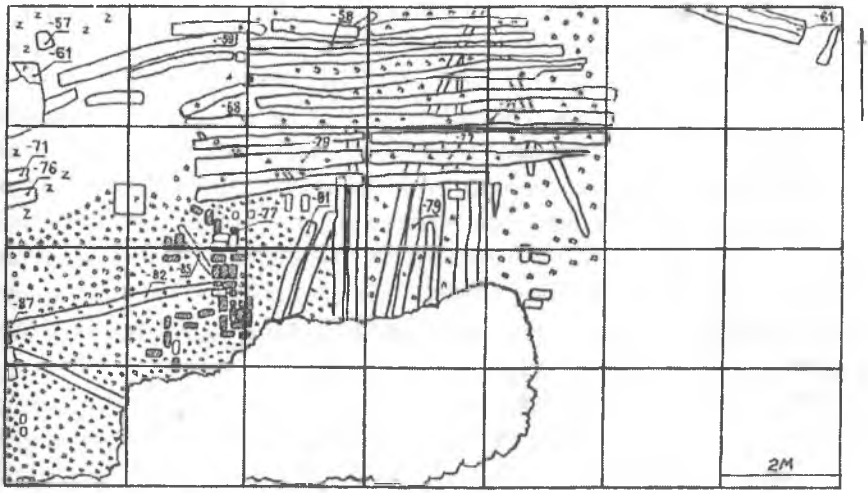

Рис. 14. Раскоп X. Остатки хозяйственной постройки

в связи с возведением каменной палатки (из документов известно, что для кирпичного дела соорудили три сарая), а затем за ненадностью разобранная, как это произошло с более древним объектом, остатки которого расчищены в этом же раскопе. Более ранний строительный горизонт, меньший по площади и толщине, прослежен на глубине 0,8–0,9 м. Он представлен поврежденными прослойками из битого кирпича, слабого древесного тлена, крошек раствора, остатков дерева, причем основная его часть ушла в северную стенку раскопа и за его пределы, поэтому сказать что-либо определенное о древнем строительном горизонте нельзя.

Раскопы XI (32 м²) и XII (20 м²) заложены на предполагаемой трассе западной стены, XIV (20 м²) – на южной. К сожалению, бесспорных остатков крепостной стены в процессе раскопок не обнаружено. О причине такого явления расскажем ниже.

Продолжение мостовой, выявленной в раскопе IX, удалось проследить при исследовании комплекса XVII–XVIII вв., который, помимо небольшого участка мостовой, захватил частично Никольскую башню и примыкающую к ней городовую стену (раскоп XIII) (Рис. 15). Вскрытый участок мостовой, шириной 5,84 м, сохранился хуже из-за повреждения ее при прокладке телефонных кабелей.

При разборке мостовой выявлены деревянные плахи 1,08; 1,48; 2,12 м, шириной 0,12–0,16 м, оставшиеся, видимо, от ремонта мостовой, когда изношенные, но невыброшенные плахи были заменены новыми. Собраны фрагменты керамики, медная монета 1857 г., пуговица; под мостовой отмечены скопления обломков гончарной черноглиняной и белоглиняной керамики, кремни для ружей, ножи, медная монета 1812 г., фрагмент стеклянных песочных часов. Под ее восточным краем в материке расчищена конической формы яма (диаметр верхней части 1,2 м) со следами древесной трухи и бересты. На дне обнаружены кусочек слюды, обломок розового цвета гончарной керамики и шляпка железного болта. Возможно, ямой в качестве тайника пользовались до прокладки мостовой.

Мостовая вела к лежащим на материке валунам, которые предположительно являются фундаментом самой башни, ее северной части. Проезжая шестиугольная Никольская башня находилась в южной стене, на спуске, у ее основания располагались пристань и мост че-

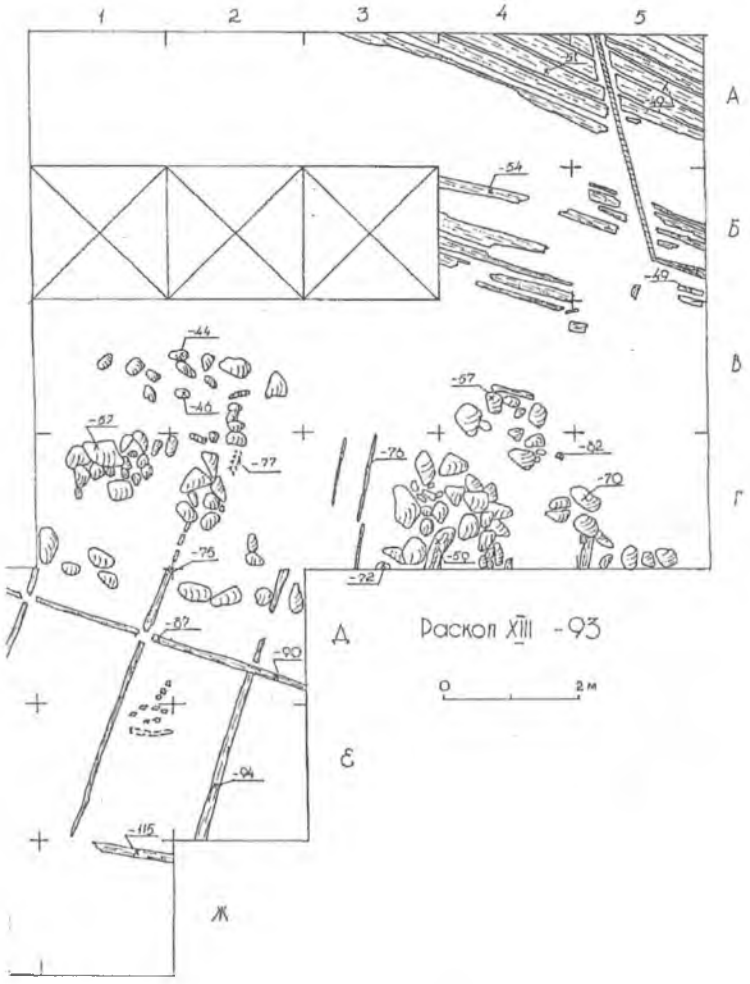

Рис. 15. Раскоп XIII. Комплекс сооружений XVII–XVIII веков (мостовая, валуны, тарасы)

рез реку. Юго-западнее валунов выявлены следы трех деревянных камер – тарасов крепостной стены. (По документам, городовая стена состояла из тарасов и камер трапециевидной формы: тарасы были обращены наружу широкой сторой, а камеры – узкой.) Длина продольных бревен, идущих с северо-востока на юго-запад, 2,45–3,5 м, длина поперечных бревен 1,36–1,6 м, ширина 0,1–0,14 м. Бревна, за-

мыкающие камеры с юга, сохранились в виде слабого тлена. Тарасы находились в песке, привезенном сюда, по всей вероятности, для дренажа, на глубине от 0,8 до 1,15 м ниже репера. Отчетливо видно, что северная часть стены несколько выше, чем южная, а центральная часть слегка прогнулась.

К сожалению, места стыков бревен прослежены лишь частично: в одном случае бревно, ориентированное северо-восток – юго-запад, шло поверх бревна, ориентированного северо-запад – юго-восток, в других – бревно, идущее в направлении северо-запад – юго-восток, перекрывало бревно, идущее в направлении северо-восток – юго-запад.

С юго-западной стороны к тарасам примыкала деревянная конструкция, располагавшаяся примерно на том же уровне, но в границы раскопа не вошедшая. Остатки плах ориентированы по линии северо-запад – юго-восток длиной от 0,4 до 1,6 м при ширине от 0,16 до 0,24 м. Возможно, этот фрагментарно выявленный настил – остатки моста от стены к реке. Он параллелен мостовой и как будто бы продолжает ее. Может быть, уходящая в стену конструкция является секцией городовой стены или остатками быка – дополнительного укрепления с внешней стороны стены. В тарасах встречалась щепа, древесная труха, оставшаяся от строительных работ, а также от сгнивших тарасов и перекрытий, небольшое количество железных гвоздей, болтов; под тарасами – две железные обувные подковки, фрагменты керамики, медная монета XIX в.

К сожалению, границы раскопа не позволили выяснить способы соединения башни и тараса, башни и мостовой, функциональное назначение самих валунов.

Раскопки на территории Олонецкой крепости возобновились в 2004 г. На углу улиц 30-летия Победы и Свирских дивизий, на участке, отведенном под строительство магазина продовольственных товаров, согласно закону об охране памятников, мною были проведены археологически раскопки (раскоп XVI, 68 м^2) (Рис. 16).

На глубине около 1 м на слое материковой голубоватой глины выявлены остатки деревянной мостовой – Московской Пробойной улицы. Максимальная ее ширина 3,8 м, длина 10,5 м. Она уходит за пределы раскопа и далее под асфальтированную пешеходную дорожку по ул. 30-летия Победы. Мостовая повреждена более поздним фун-

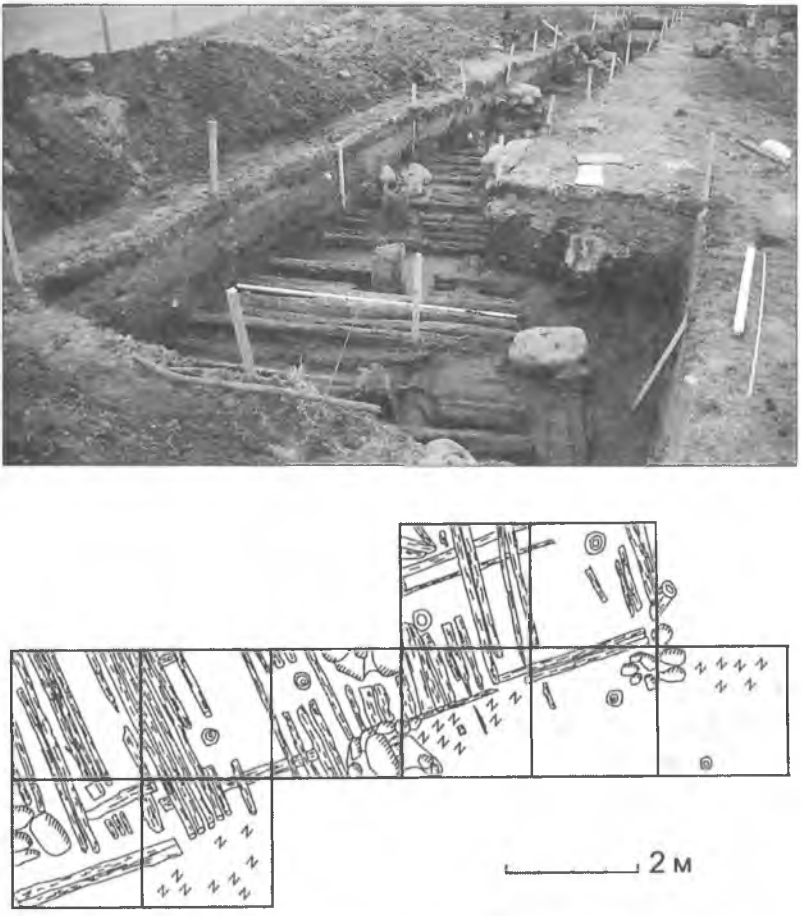

Рис. 16. Раскоп XVI. Участок Московской Пробойной улицы

даментом, сброшенными на нее огромными валунами и вертикально вбитыми столбами от прежних сооружений. Мостовая состояла из хорошо сохранившихся слег, в качестве которых использовались бревна в диаметре 0,23 м. Они ориентированы в направлении юго-запад – северо-восток. На параллельные слеги укладывались бревна (диаметр 0,12–0,2 м) в направлении северо-запад – юго-восток. Сохранилась щепа от подтесывания бревен. Эта мостовая отличается от двух раскопанных в 1990 г., сделанных в основном из плах,

и лишь в одном случае отмечена подтеска для верхнего бревна. Здесь же использованы мощные бревна (одно из них длиной около 4,5 м было шириной 0,4 м), видимо потому, что Московская Пробойная улица как главная при въезде в город испытывала большую нагрузку. По документам, ее ширина достигала более 12 м, вероятно, по этой причине мостовая покоилась на трех слегах. Среди бревен встречена покрытая ржавчиной неопределенная монета XVIII в.

Известно, что в 1649 г. на первом этапе существования Олонецкой крепости с восточной стороны города между рекой Мегрегой и Олонкой был выкопан ров в четырех саженях от стены, чтобы вода, заполнив ров, не разрушила стену. В 1672 г. во время второго строительного периода, когда после пожара восстанавливали крепость, ров был очищен с напольной стороны, так как во время пожара он обвалился под тяжестью земли, высыпавшейся из сгоревших быков. Против каждой из трех башен, в том числе и против Московской, через ров соорудили мосты с решетками и надолбами – «мост на срубе». Возможно, остатки деревянного строения в восточной части раскопа связаны с укреплениями рва.

Раскоп 2007 г. (XVII, 20 м^2) (Рис. 17) расположен на территории Олонецкой крепости вблизи старого двухэтажного деревянного здания (бывш. гостиница). В этой части крепости ранее раскопки не производились. Под толстым слоем техногена на глубине немногим более метра выявлен деревянный настил, располагавшийся на слое темно-серой материковой глины, ориентированный в направлении юго-запад – северо-восток. Его максимальная ширина 7,6 м, длина 3 м. Он сделан из бруса, лишь в редких случаях использовались бревна. Ширина их в среднем 16–17 см, толщина 7–15 см. Для укрепления настила использовались нагели. Северо-восточный край деревянного сооружения перекрывался брусьями шириной 12–28 см. Часть из них уходила в северную и южную стены раскопа. Выявлено скопление щепы, так как в древнем Олонце при сооружении мостовых строительные отходы оставлялись на месте. Основой настила являлись слеги, в качестве которых использовались бревна толщиной до 12–14 см. Под одной из них обнаружены большие куски берёсты. Находок, за исключением маленького кусочка слюды и челюсти свиньи, не найдено.

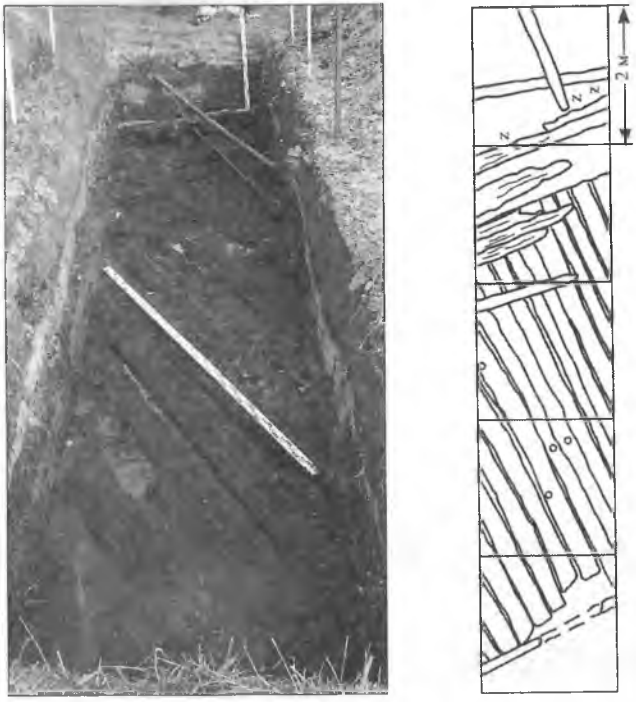

Рис. 17. Участок мостовой от центральной улицы к р. Олонке (раскоп XVII)

Мостовую можно идентифицировать с переулком на плане Олонца XVII в. (см. Рис. 5), ведущим от шестиугольной башни (через нее был выход к реке Олонке) к центральной мостовой. Но на плане он показан незамощеным. Однако вполне допустимо, что этот сырой, как показали раскопки, участок на стыке с центральной улицей для удобства въезда на нее благоустроили.

Археологическое наблюдение за прокладкой траншеи для водопровода позволила сделать ряд важных наблюдений, не прибегая к широкому вскрытию участков. В соответствии с инженерным планом, утвержденным архитектурным отделом мэрии г. Олонца, траншея для водопровода шла от водозабора на берегу р. Олонки в направлении с востока на запад, поднималась на территорию крепости, пересекала ее почти в направлении север – юг, затем вновь поворачивала на запад вдоль обочины ул. 30-летия Победы по кустар-

никовой полосе и поворачивала под тупым углом к дому Куттуева и вновь под углом подходила непосредственно к зданию. Экскаватором прокладывалась траншея шириной 60 см, максимальной глубиной 200–210 см, длиной 124 м.

На профиле траншеи к дому Куттуева просматривается перемешанность слоев, связанная, по всей вероятности, с его строительством и реконструкцией. Дом Куттуева, построенный в 1871 г., в 1995 г. был разобран до основания. Перед тем как возвести на старом фундаменте новое здание, научно-производственным центром по охране и использованию памятников истории и культуры при Министерстве культуры Республики Карелия было предложено провести археологическое обследование фундамента. В результате выяснилось, что в процессе сооружения фундамента (располагался на природных мощных валунах) и сопутствующих строительных работ культурный слой крепости разрушен. Собраны фрагменты гончарной керамики, кусочки слюды, две медные монеты 1728 и 1896 гг.

Профиль северного конца траншеи на склоне показал, что никаких остатков деревянной крепостной стены здесь не сохранилось, т. е. предположения о том, что р. Олонка основательно подмыла береговую часть мыса и обрушила крепостную стену в реку, подтвердились (кроме укреплений рва со стороны р. Олонки, о которых говорилось выше). Не удалось выявить остатков городовой стены на берегу р. Мегреги в 2008 г. (раскоп XVIII, 16 м^2).

Далее траншея, идущая с севера на юг вдоль здания суда и пешеходной асфальтовой дорожки, обнажила слой битого кирпича, достигавший максимальной толщины 32 см. Этот слой образовался, вероятно, при разборке из-за ветхости находившихся в этой части крепости каменных Троицкого собора и церкви Богоявления Господня (разрушились из-за зыбучести грунта).

Северная сторона траншеи вдоль ул. 30-летия Победы и пешеходной дорожки весьма информативна. В профиле выявлена кладка из валунов высотой до 2 м, шириной в некоторых местах до 4 м. Под валунной кладкой зафиксированы остатки мощных бревен (Рис. 18). Валуны для территории крепости не характерны, они привезены со стороны, так как четвертичные отложения Олонца состоят из суглинков и глинистых грунтов мягкопластичной и текучей консистенции.

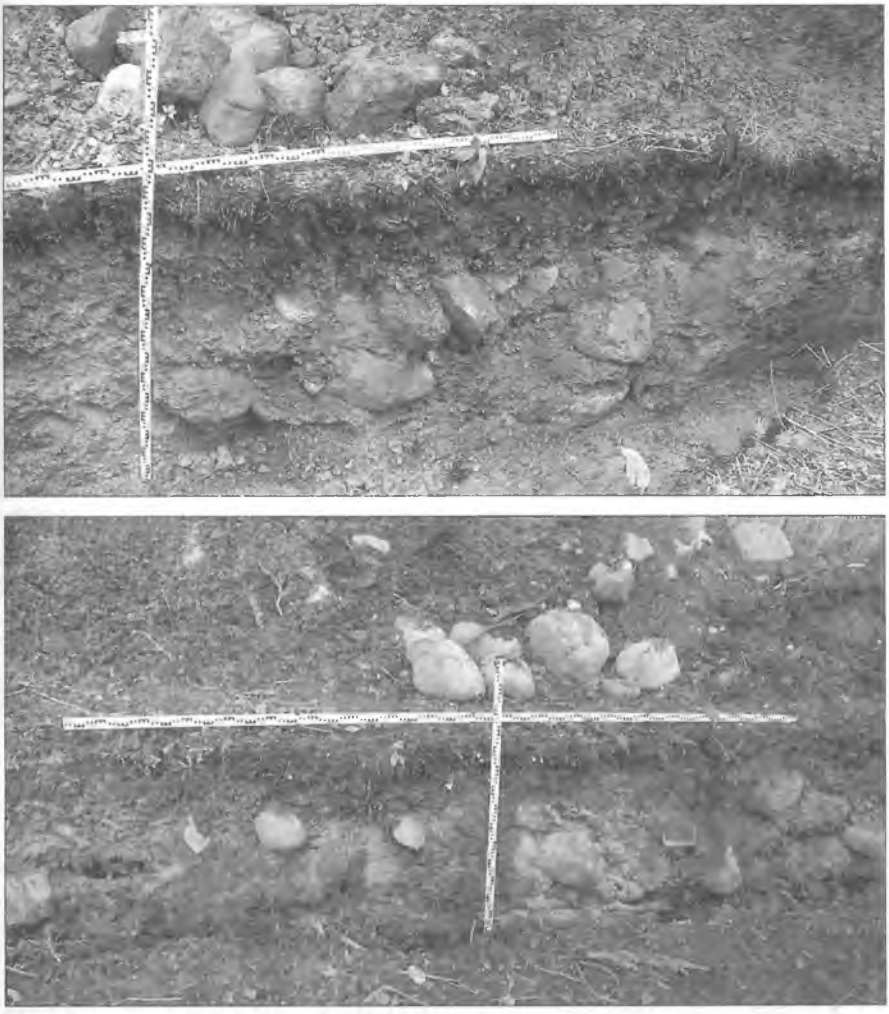

Рис. 18. Следы каменной палатки в траншее

Описанный участок траншеи, на мой взгляд, является фрагментом каменной палатки, которую в прошлом мы так долго и безуспешно искали. Напомню ее документальное описание.

В 1674–1676 гг. в Олонецком городе строилось первое каменное здание – приказная палата для хранения денежной казны, пороха, свинца и прочих припасов. Под фундамент был выкопан ров общей

длиной (в пересчете на современные меры длины) немногим более 77 м и глубиной около 1,8 м. К сожалению, в смете не указаны размеры здания. В дно рва было вбито 959 свай длиной 2,1 м каждая, на торцы которых уложены 84 пластины-лежни, после чего ров забутили диким камнем. Сама постройка была кирпичной. Трудно представить, как выглядела каменная палатка: на плане XVII в. она изображена в виде высокой, может быть, двухэтажной постройки, на плане XVIII в. – в виде длинного одноэтажного здания. В конце XVIII в. это здание называлось ветхим. При многолетних археологических работах на участке, примыкающем к р. Мегреге (раскопы VII–X, XIII–XV), вскрыта большая территория, но следов такого мощного сооружения обнаружено не было. Понятно, что план Олонца XVII в. не является топографическим планом, и не все архитектурные детали реалистичны. В этом убедились многие исследователи, пытавшиеся совместить план крепости с современным городским планом. Несовпадение плана XVII в. с современной топографией подтвердилось и в полевом сезоне 2007 г.

Находки в траншее не найдены, поскольку на территории крепости они сопутствуют только жилым сооружениям, но вынутый грунт был вновь возвращен на место, за исключением валунов, так как они могли бы повредить водопровод. По моей просьбе они оставлены на краю траншеи, чтобы напоминать о каменном рве под кирпичной палаткой.

Итак, на территории Олонецкой крепости в 1973–1975, 1988, 1990–1991, 1993, 1995, 2004, 2007, 2008 гг. вскрыта площадь около 1000 м^2 (18 раскопов, несколько шурфов, траншея). Конечно, в сравнении с территорией, занимаемой крепостью, это небольшая часть, но следует учитывать плотность застройки исторической части города, а также отсутствие бюджетного финансирования, что не позволяет исследовать крепость большими участками. Однако археологические исследования прояснили и существенно дополнили письменные источники по истории военно-административного центра Олонца, защищавшего западные рубежи Московского государства.

Большинство находок, собранных на территории Олонецкой крепости, – фрагменты гончарной керамики (более 2500), обломки железных (170) и медных изделий (70), точильные бруски (20), об-

ломки курительных трубок (21) (Фото 2. Вкл.), кремни оружейные (24) и т. д.

О постепенном превращении Олонца в торговый город свидетельствуют находки монет (107), в основном, мелких медных XVIII–XIX вв. (Фото 3. Вкл.). Ни одной монеты, относящейся к периоду строительства крепости, не обнаружено. Наиболее ранняя группа из пяти монет датируется концом XVII – началом XVIII в. Монет времени правления Анны Иоанновны (1730–1740) – 40, Елизаветы Петровны (1741–1761) – 22, Екатерины II (1762–1796) – 15. Монеты Павла, Александра и Николая (первых) немногочисленны.

Своеобразие и неповторимость Олонцу придавали церкви. Они неоднократно перестраивались и за малым исключением до наших дней не сохранились. Здания в основном были деревянными. Кирпич в силу дороговизны применялся мало. Культовые здания города концентрировались на территории крепости, на о. Мариам и ближайших береговых участках рек Олонки и Мегреги. Олонец в те времена был крупным центром художественной культуры Севера.

Усилиями энтузиастов в 1990 г. Олонец обрел статус исторического города России. В 2009 г. Олонецкой крепости исполнилось 360 лет. Надо об этом помнить и бережно относиться к сохранению историко-культурного достояния, оставленного предшествующими поколениями.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. ТОРГОВЛЯ

С 1649 г. Заонежские погосты имели самостоятельное воеводское управление. Первым воеводой в январе 1649 г. был назначен Дорофей Карпович Ельчанинов, а в декабре того же года – Федор Федорович Волконский и Степан Парфеньевич Елагин, которые и осуществили целый комплекс мероприятий по строительству Олонецкого города. Ф. Ф. Волконский быстро был отозван в Москву, на его место назначили Василия Александровича Чоглокова, но С. П. Елагин оставался вторым воеводой до 1659 г. В. А. Чоглокова в 1656 г. сменил Петр Михайлович Пушкин, но лишь на один год, а потом вновь назначили В. А. Чоглокова. После воеводства Терентия Васильевича Мышецкого в 1663 г. в третий раз В. А. Чоглоков появился в Олонце в качестве воеводы, в общей сложности пробыв на этом посту 11 лет (Барсуков, 1902, с. 76–78).

Олонецкие воеводы несли большую ответственность не только за выполнение своих прямых воеводских обязанностей – судить, собирать налоги, управлять, – но и должны были осуществлять мероприятия, связанные с обороной, военными делами, обучением солдат и т. д. В 1657 г. удалось отразить нападение неприятеля на Олонец. Напавшие уничтожили ряд деревень в Олонецком погосте, но от города были отброшены. Олонецким воеводам, как мы уже упоминали, поручалось тайно собирать информацию, т. е. шпионить за приезжающими из-за рубежа, решать спорные пограничные вопросы. В 1659 г. Василий Чоглоков получал письма от шведского генерала по поводу набегов русских «шишей» (разбойников). Воевода отвечал, что никто из местных жителей за рубеж не уходил, а если «шишуют» люди с Валаама или из Корельского уезда, то ответственности за это олонецкий воевода не несет (Карелия в XVII в., 1948, с. 137–138).

Административное управление находилось в западной части города, в приказной избе. Сохранившийся архив дает представление о характере дел. Это прежде всего рассмотрение земельных споров

между крестьянами. Штат приказной избы включал воеводу, дьяка, подьячих и пристава для рассылок. Их главными задачами были сбор денег, составление отчетности и суд. Дело начиналось с подачи потерпевшим челобитной. Если дело было незначительное, в пределах пяти рублей, челобитную рассматривал только дьяк, но более крупные иски разбирались вместе с воеводой. Сохранилась челобитная олонецкого коновала Максима Антипова, датированная 1664 г., о привлечении к суду крестьянина Ладвинской волости Докучая Васильева, не уплатившего денег за лечение. Олончанин вычистил ему желвак под щеками, а Докучай Васильев за лекарство не заплатил и время тянет. На обороте резолюция – «велеть судить» (Карелия в XVII в., 1948, с. 172).

Караульную службу в Олонце несли солдаты, а с 1660 г., когда в город было прислано 30 стрельцов, Олонец стал одним из немногих северных городов, в котором находился стрелецкий гарнизон (Мюллер, 1947, с. 160). Любопытен в этом отношении документ 1664 г. В нем речь идет о недоборе кабацких денег, за точностью сбора которых московское правительство строго надзирало. В 1656 г., говорится в документе, в Олонце было в привозе дешевое московское вино, а народу собралось много: драгуны, солдаты, новгородские стрельцы, донские казаки, и «питью был росход», а в 1663 г. вино стало дорогим, а ратных людей мало, и оттого «учинился недобор» (Карелия в XVII в., 1948, с. 179).

Возникнув как военно-административный центр, Олонец постепенно превращался в торговый город. Есть сведения, относящиеся к 1694 г., об олончанах, которые «привозят из-за моря всякие товары» и торгуют ими не только в Олонце, но и в Повенецком и других рядках, а также отвозят товар в Москву (Мюллер, 1947, с. 162). Посадское население, продолжая поддерживать связь со своими семьями, оставшимися в погостах, иногда меняясь с ними местожительством, установило торговые отношения не только с карельскими деревнями (в них были торговцы щепетиньем – галантерейными товарами), но и с отдаленными русскими и шведскими территориями. Из Олонца вывозили за рубеж «карбасов по 20 и болши, а на всяком карбасе бывает товару тысяч по 10 и болши», а из-за рубежа привозили золотые и яфимки, медь, железо и т. д., которые затем отправляли в Мо-

скву и другие города (там же, с. 193). В то же время посадские люди жаловались, что им негде развернуться, город Олонец удаленный, пограничный, торгов и промыслов нет, но связей со Швецией не отрицали: «...у нас одно торговое промыслишко за Свейский рубеж» (Карелия в XVII в., 1948, с. 207). В челобитных олончане писали, что с них взимают, вопреки государеву указу, двойные пошлины: одну за себя, другую за иноземцев, и просили уменьшить их. Надо сказать, что жалоба возымела действие и двойные пошлины отменили.

Государство использовало регулирующие меры при торговле с приграничными территориями, контролировало взимание пошлин. В декабре 1661 г. олонецким стрельцам, направляемым на Кондушскую заставу, адресуется «наказная память», в которой предписывалось: строго следить, чтобы граница тайно не нарушалась и ссор по этой причине между государствами не возникало, чтобы тайно за границу не провозились съестные припасы, медные деньги и другие «заповедные» товары, а обратно не ввозились медь, вино, табак. Кто же имеет такое разрешение, тому «шкоты и убытка не чинить», иначе от великого государя последует жестокое наказание без всякой пощады. Как же должны были поступать стрельцы, если обнаруживались запрещенные к вывозу товары? Нарушившие правило вместе с товаром и провожатыми отправлялись в Олонец (Древние акты, с. 85–86).

В 1686 г. ограничения относительно провоза за границу съестных припасов (свинина, говядина, рыба и другая провизия) были сняты, потому что крестьяне, не продав товар, не могли платить податей, торговцы терпели убытки, государство не получало таможенных пошлин (там же, с. 108–109).

Порой государство сознательно шло на убытки. Так, по просьбе семи лопских погостов, видимо, жаловавшихся на обилие привозимого спиртного, голове Олонецкого кружечного двора с товарищами в 1686 г. запрещалось ездить в лопские погосты «с вином и с пивом и с медом», чтобы жителей этих погостов оберегать, «чтоб им жить в покое» (там же, с. 110).

На ярмарку в Тихвин из одних карельских деревень, расположенных в низовьях р. Олонки, везли деревянные резные изделия, из других – железные. На всероссийском рынке продавались «олонецкие сохи», «олонецкие топоры». Медный промысел существовал

в Ильинском. Олонецкий погост славился изготовлением сермяжного сукна, а также кож. Предметами широкой торговли были рыба и меха – наиболее ходовые товары на ярмарках. По тихвинским таможенным книгам подсчитано, что ярмарку посетили в 1654 г. 56 олончан, в 1675 – 44, в 1693 – 62 человека. Посадские люди Олонца привозили крупные партии товаров, оцененные на сумму свыше 800 руб. (Мюллер, 1947, с. 165). Причем среди олонецких торговцев не было специализации: один и тот же торговец привозил разные товары как местного производства, так и зарубежные.

С 60-х гг. XVII в. из числа олонецких посадских людей выделяются купцы, ведущие торговлю крупными партиями одного товара: Григорий Игумнов, а потом его сын – солью, Семен Горбов и Петр Сиверикков – медью и железом. Первый поставлял железо на строительство каменной палаты в Олонце. Андрей Чусов, например, в 1667 г. привез такие товары: «2 бочки сигов шуйских, 17 лососей свежих онежских да 17 лососей же просольных, 100 лемешей, 215 сох, 22 пуда уклада юстозерского, 325 полиц чренных, 219 кругов меди проволоки, 4 плоты красной меди, 2 ½ п. шпилевой меди, 14 возов железа прутового, 3 воза дощатого, 60 лисиц, 30 хвостов выдреных – всего на сумму в 800 рублей» (Мюллер, 1947, с. 166).

В конце 70-х гг. XVII в. Олонец вместе со слободами насчитывал более 700 дворов, а среди посадских людей около 60 состоятельных семей: Свечниковы, Гуттоевы, Рухтоевы, уже упомянутые Игумновы, Распутины, Лергоевы и другие. Их денежные средства росли и в результате ростовщичества, торговли и скупки у населения предметов земледелия и промыслов для перепродажи их на крупных рынках. В конце XIX в. П. Минорский писал: «Олонецкий корел не наживает денег на стороне; он крепко держится дому, и все его богатство – в полях, покосах, извозе, мастерстве и домашней трудовой работе. Но есть из них люди, занимающиеся торговлею, промыслами и денежными операциями, которые нажили себе большое состояние. Эти изворотливые люди, которых по Олонцу можно считать десятками, служат ясным примером, что и из кореляков может быть не хуже другаго, да и не лучше любаго русскаго кулака, живущего на счет другах и на плечах его зиждущаго свое благосостояние» (Минорский, 1886, с. 185).

Об этом свидетельствуют, как уже говорилось выше, найденные при раскопках Олонца 107 в основном мелких медных монет XVIII–XIX вв.

Начало XVII в. ознаменовалось реформами Петра I в отсталой денежной системе, без которых невозможны были крупные преобразования в стране, создание всероссийского рынка. В XIV в. с возобновлением чеканки русских монет сложилась особая техника их производства, сохранившаяся в неизменной форме до петровских времен. Вместо того чтобы расковывать серебро в листы и вырезать или вырубать кружочки, как это делалось в других странах, слиток серебра вытягивали в проволоку, которую разрубали на равные отрезки, а затем расплющивали (Спасский, 1970, с. 100). К концу XVII в. серебряная копейка в результате постоянного уменьшения в ней металла стала крохотной, чеканка тонкой неполноценной монетки приносила немалый доход казне, но создавала большие трудности при розничной торговле. В конце XVII в. для мелких расчетов серебряную копейку разрезали на части.

На одной стороне проволочной серебряной монеты изображался всадник, на другой – пояснение (легенда) к картинке, что всадник – государь. На олонецкой монетке легенда отсутствует, а изображение всадника неполное и нечеткое.

Введение медной монеты было далеко не простым делом. Народ еще помнил «медный бунт» 1662 г., возникший в результате реформ Алексея Михайловича, отца Петра I, и приведший к финансовому краху и ухудшению жизни народа. Надо было преодолеть недоверие народа к медным деньгам. Поэтому серебряные проволочные монеты чеканились до 1718 г., хотя в 1704 г. в обиходе уже использовалась большая медная копейка с таким же изображением и такой же славянской датой, как и на серебряной. В 1700 г. в обращение вошли круглые машинной чеканки медные деньга и полушка. До Петра I в русском языке не было слова «монета», металлические платежные единицы именовались деньгами, и это название получила одна из новых монет (Спасский, 1970, с. 144, 160).

На олонецкой медной полушке 1707 г. обозначен номинал со славянской датой внизу и царскими титулами по краю, на другой – герб (двуглавый орел).

Вес медных монет не был постоянным, поскольку государство подбирало выгодный для себя вариант. Так, например, в 1704 г. из пуда меди чеканили монет на 20 руб., с 1718 г. – на 40, в 1723 г. началась чеканка очень выгодных для казны медных пятаков (их было выпущено на сумму около 4 млн руб.), однако это вызвало огромное количество поддельных, фальшивых монет, которые привозились из-за границы, что привело к расстройству денежной системы, повышению цен, к тому же пятаки были неудобны для мелкого торга. В правление Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны они шли за 4, 3 и 2 коп., а затем стали вообще изыматься из обращения.

У трех пятикопеечных монет 1726–1727 гг. из Олонца крестообразно дано обозначение номинала и год выпуска, на другой – небольшой герб в окружении пяти точек. Примечательной особенностью мелких петровских монет было двойное – для грамотных и неграмотных – обозначение достоинства – словом и соответствующим количеством точек. Эта традиция сохранилась до начала XIX в. (Спасский, 1970, с. 149, 158).

С начала царствования Анны Иоанновны (1730–1740) количество монет, изготовленных из пуда меди, резко меняется: в течение 25 лет из пуда их изготавливали на 10 рублей, что способствовало стабилизации денежного обращения, исчезновению фальшивых денег. С 1730 по 1757 г. денег и полушек было выпущено на сумму около 3 млн. руб. На одной стороне у них изображен герб, на другой в картуше – обозначение номинала и год. В правление Елизаветы Петровны (1741–1761) (22 монеты из Олонца) была предпринята попытка чеканить копейки из пуда меди на 8 руб. В 1757 г. была установлена стопа (количество монет из пуда меди) в 16 руб. (Спасский, 1970, с. 191).

Монеты времени правления Анны Иоанновны, найденные в Олонце, представлены полушками (31, две из них отнесены предположительно) и деньгами (9), времени правления Елизаветы Петровны – деньгами (18), достоинством в 1 коп. (1 монета), 2 коп. (2), 5 коп. (1). У четырех монет XVIII в. год чеканки не определен. На них с одной стороны изображен вензель Елизаветы Петровны, прозванный решетом, на другой – змееборец-всадник с обозначением номинала на бандероли.

Перечеканка монеты из 16-рублевой стопы в 32-рублевую произошла в кратковременное правление Петра III. В Олонце найдена монета 1762 г. достоинством в 2 коп. Вместо вензеля на ней надпись с обозначением номинала и даты чеканки, помещенные над трофеем, на другой – змееборец и две звездочки, соответствующие номиналу.

Монеты времени правления Екатерины II (1762–1796) в Олонце – это полушки (8), пятаки (5), деньги (2). Екатерина II сразу же отменила перечеканку, и монеты вновь стали переделываться в 16-рублевую стопу. Они похожи на монеты Елизаветы Петровны, но вензель заменен екатерининским.

Монет Павла I (1796–1801) в олонецкой коллекции 2; Александра I (1801–1825) – 3, Николая I (1825–1855) – 4, Александра II (1855–1881) – 2, Александра III (1881–1894) – 1, Николая II (1894–1917) – 5 монет. Монеты Александра I чеканились в весовых нормах (16 руб. в пуде) и в традиционном наборе монет. С 1810 по 1830 г. выпускалась новая монета на 24 руб. из пуда, с 1830 по 1839 г. – на 36 руб. из пуда. Первые бумажные деньги появились при Екатерине II.

В олонецкой нумизматической коллекции кроме русских есть две шведские монеты достоинством в 1 эре, что неудивительно, учитывая порубежное расположение Олонца и его торговлю со шведами. Одна шведская монета с вензелями, двумя лилиями и императорской короной наверху на одной стороне и двумя скрещенными стрелами – на другой чеканена в 1736 г. Вторая монета без года чеканки на одной стороне имеет изображение трех корон, трех латинских букв, на другой – две скрещенные стрелы с графской короной и обозначением номинала по бокам.

Об Олонце XVIII в. рассказывают различные источники. В 1769 и 1779 гг. поездки с научными целями по Карелии с посещением Олонца совершил К. Г. Лаксман, член Российской академии наук. По результатам первой поездки им написан отчет «Экономические ответы, касающиеся хлебопашества в лежащих около Свири и южной части Олонца местах». Автором рассматривались и другие виды занятий населения: животноводство, птицеводство, пчеловодство, рыболовство, охота и т. д. Во время второй поездки основное внимание было уделено геологическим исследованиям Карелии (Пименов, Эпштейн, 1969, с. 34–42).

Оставил свои впечатления и Н. Я. Озерецковский, путешествовавший летом 1785 г. по заданию Академии наук по Ладожскому и Онежскому озерам. В свои путевые заметки он включил также сведения о городах Олонецкого наместничества на 1788 г., полученные им от корреспондента Российской академии наук из Архангельска В. В. Крестинина, известного историка Русского Севера, автора многих интересных работ, но в Карелии не бывавшего. Многочисленные же статистические таблицы, касающиеся числа крестьянских дворов, социального расслоения населения, развития сельского хозяйства, промыслов, фабричной промышленности, показались Н. Я. Озерецковскому сомнительными, неточными и отрывочными.

Описание Олонецкого наместничества полностью повторено в рукописной книге 1838 г. Андрея Попова, хранящейся в Рукописном отделе Национальной библиотеки России. В этом же отделе находятся генеральные планы городов Олонецкого наместничества, в том числе и Олонца.

В 60–90-е гг. XVIII в. Российская академия наук составила так называемые «Топографические запросы» относительно всех городов наместничества, по ответам на которые планировалось издание обстоятельного описания Российской Империи. Запросы, касающиеся Олонецкого наместничества, датируются примерно 80-ми годами XVIII в., т. е. временем, когда губернатором Олонецкой губернии был Г. Р. Державин. Ставились такие вопросы, как местоположение города относительно близлежащих городов: Новой Ладоги, Вытегры, Петрозаводска, Кексгольма, Санкт-Петербурга, Москвы; топографическое описание; история и современное состояние города, его застройка; «какими людьми город населен, нет ли между ними какого различия во исповедании веры...», характеристика торговли и промыслов и т. д. Ответы на поставленные вопросы (хранятся в Рукописном отделе указанной библиотеки в фонде Г. Р. Державина) содержат важные сведения, касающиеся г. Олонца и его жителей.

Правда, составителями были, видимо, не очень образованные и не слишком исполнительные чиновники, поскольку на вопрос «история его (города. – *С. К.*) начала, кем, когда и на какой случай построен», отвечали: «Сей город был пограничный со Швецией, а когда, кем и на какой случай построен, об оном письменных документов не отыска-

но». Об этническом происхождении людей, их вероисповедании составители тоже не смогли ответить по существу: «...есть много сект, друг от друга различных, но чем они... от православной церкви отделяются, неизвестно».

В этом же отделе библиотеки есть рукопись «Исторические примечания о древности Олонецкого края и о народах, прежде там обитавших, и топографическое описание городов и уездов Олонецкого наместничества» 1784–1790 гг. Рукопись генерал-губернатора Т. И. Тутолмина примерно такого же названия является выдержкой из «Исторических примечаний...» Еще одна рукописная книга конца XVIII в. «Историческое описание Олонецкой губернии» находится в Москве в Российской государственной библиотеке.

Из рукописных книг и путевых заметок известно, что кроме собственно г. Олонца имелись слободы: Каменный Наволок, Аглинская Горка, Коблуковская, Лапоевская, Солдатская, Поддубьевская, Большие и Малые Вонголицы и о. Мариам (при слиянии рек Олонки и Мегреги). Крепостные сооружения к этому времени, видимо, разрушились. «Сей город был по реке Олонке, речке Мегреге и каналу укреплен деревянною стеною с башнями, коих ныне за погнилостью не имеется». В самом городе насчитывалось 8 церквей, из них 3 каменные, 4 часовни (одна из них каменная). Казенная каменная кладовая использовалась для архива и казны. В 12 казенных деревянных зданиях размещались различные административные службы, винные, соляные и «ржаной» магазины с караульной службой при них, пивоварня и т. д. Удивительно много питейных домов – 6, лавок – 68, кузниц – 8 и одна мельница. Общественных купеческих домов насчитывалось 4, жилых дворянских домов – 2, домов служителей культа – 16, остальных сословий (разночинные, купеческие, мещанские, крестьянские) – 331. Действовала в городе школа по обучению детей грамоте, но специального школьного здания не было. Всего же жителей на конец XVIII в. числилось 1596, причем мужчин меньше – 750 человек, но, как и в XVII в., среди купцов и мещан было немало таких, которые лишь «прописаны» в городе, а на самом деле жили в деревнях и занимались сельским хозяйством. Однако были и такие крестьяне, которые жили в Олонце и одновременно занимались торговлей и земледелием.

Дворянство в Олонце и Олонецкой губернии в целом было малочисленным. Дворяне редко покидали свои дома, занимаясь хозяйством, «а отдаленность от обращения лишает их людности, соответственной благородному происхождению». Они не в состоянии были дать своим детям достойного образования, всю жизнь удерживая их при себе.

Из ремесленного люда известны 3 медника, 11 кожевников, 3 овчинника, 3 портных, 5 сапожников, 8 серебряников, 2 калашника и хлебник. Жители Олонецкой губернии вынуждены были уходить на промыслы в другие города Российской Империи, добывая дополнительные средства к существованию, и даже считалось, что они более склонны к промыслам, чем к сельскому хозяйству. О столярах и каменотесах из Олонецкого погоста знали в Санкт-Петербурге, в Выборге и Сердоболе. Выходцы из Олонецкого уезда, как и из других мест Карелии, оказывались способными лоцманами и работниками на мореходных судах.

Ярмарки проходили дважды в год. Н. Я. Озерецковский встречал в олонецких лавках куда больше всяких товаров и съестных припасов, чем в Петрозаводске. Объяснялось это тем, что в Олонец привозились товары из разных мест: Тихвина, Санкт-Петербурга и из других населенных пунктов. Рыбу, меха, дичь, продукцию деревообрабатывающих ремёсел, древесный уголь, деготь отвозили в Санкт-Петербург, иногда даже в ущерб себе продавая по низкой цене. Жители из окрестностей и лопских погостов торговали шелковыми и бумажными тканями, сукнами, нитками, холстами, деревянной посудой, продуктами.

Хлеба не хватало, поэтому его ввозили летом водным путем из Новой Ладоги и Вытегры, а зимой – из Каргополя. Из овощей на огородах олончане выращивали редьку, репу, капусту, морковь, бобы. Сеяли рожь, овес, ячмень, льняное и конопляное семя, в небольшом количестве пшеницу и горох. По-прежнему применялось подсечное земледелие.

«Лесу во всем Олонецком уезде... довольно», хватало его и для строительства, и на продажу, хотя из-за трудностей доставки много его оставалось на местах невывезенным. От устья р. Олонки до Ильинского погоста ходили галиоты (парусные озерно-морские

суда), а выше, из-за порогов, – только соймы (одномачтовые суда с палубой), но и для них в летнее мелководье путь был затруднен. Весной, во время разлива, возили с пильных мельниц тес малыми полубарками к Олонецкому устью.

Поскольку деревни Олонецкого погоста располагались по обоим берегам, через р. Олонку были переброшены мосты. Они так описаны Н. Я. Озерецковским: «На сей реке находится несколько мостов, от одного берега к другому наискось на воде лежащих, которые узки и походят на зимние обтаявшие дороги, на реках еще держащиеся. Мосты сии составлены из обтесанных с одной стороны бревен вдоль сплоченных и по бокам цельными, больше возвышенными, бревнами скрепленных; одним концом прикрепляются они к берегу, а другой конец привязывают на противном берегу веревкою, которую, отвязав, спускают мост вниз по течению реки, когда какому судну пройти по ней надобно, и пропустя оное паки притягивают его к прежнему месту, что и скоро и очень удобно производится» (Озерецковский, 1989, с. 95). Постройка мостов связана с именем уроженца Олонца петербургского купца Якова Фомина, инженера по мостовой части, потратившего на эти цели свои собственные деньги.

В верховьях р. Олонки находился железный завод петербургского купца Кирила Филипова, на р. Туломе – олонецких купцов Ивана Бармина и Матвея Чогина.

В лесах Олонецкого края водились медведи, барсуки, волки, лисицы, хорьки, зайцы, куницы, горностаи, олени, норки, рыси, выдры, лоси и белки. Их промысел служил населению источником значительной прибыли. На ближайших ярмарках десяток лисьих шкур продавался по 22 руб., заячьих – по 1 руб. 40 коп., горностаев – по 2 руб., белок – по 50 коп., оленей – по 10 руб., куниц – по 22 руб., выдры – по 7 руб.

Охотничья дичь (тетерева, глухари, рябчики, куропатки, дикие голуби, утки, гуси, журавли, бекасы, вальдшнепы и гагары) поставлялась в Санкт-Петербург. Богатыми были в Олонецком крае урожаи ягод и грибов: «...великое везде множество клюквы, брусники, черники, земляники, морошки, черемухи, малины, черной и красной смородины и костяники». Бытописатель конца XVIII в. замечает, что грибы и ягоды за пределы уезда не вывозят, «потому что главную

составляют они пищу тамошних жителей» (Исторические примечания... 1784–1790 гг., с. 62–63).

Для жителей Олонецкой земли основным продуктом питания была рыба: щука, окуни, плотва, налимы, ерши. Из документов первой четверти XVIII в. видно, что часть жителей Олонца имела своей обязанностью «ставить рыбу на государя». С этой целью около города в р. Олонке «про его великого государя обиход» производился лов лосося и леща. Более значительным было рыболовство в устье р. Олонки и на Ладожском озере, оно носило промысловый характер (История Карелии, 1957, с. 165).

О карелах говорили, что они «роста хорошего, лицом недурны и вообще имеют изрядный наружный вид, а особенно жители Олонецкого и Каргопольского уездов, которые здоровее и лучше других лицом. Карелы, живущие в округах этой губернии, сохранили доныне язык свой и некоторые лучшие нравы, они откровеннее и понескольку праводушнее прочих, но дерзки и запальчивы... Глубокой старости достигшими почитаются те в здешнем краю, которые дожили до 80 лет, по большей же части умирают между 55 и 60 годами не столько от дряхлости, как от болезней» (Исторические примечания... 1784–1790 гг., с. 85). Причинами болезней считались свойства воздуха, наполненного «множеством минеральных и металлических частей», и переменчивость погоды, вызывающая частые простудные заболевания. Но больше всего бед приносила цинга. Грустное впечатление произвело на Н. Я. Озерецковского питание олончан, которое он назвал скудным. «Из ней (репы. – *С. К.*) состоят все их зимние кушанья, из нее делают свой квас, который для непривыкших к нему может служить чистительным лекарством. Сушеная же репа, сварена будучи в воде, сладкое представляет яства. Харч сей во всем уезде есть общий и первейший» (Озерецковский, 1989, с. 94). Крестьяне лишь в праздники употребляли мясо, а в обычные дни – рыбные щи, рыбу, грибы, ягоды, овощи, толокно, рыбники. Чистый хлеб ели до марта – апреля, а затем к муке примешивали сушеную истолченную сосновую кору и некоторые травы.

Еда состоятельных крестьян, естественно, отличалась большим разнообразием блюд: рыбники и пироги с соленой рыбой, щи (недостаток капусты восполняли ячневой крупой), различные каши, бли-

ны, калитки, пирожки, косовики, начиненные яйцами, сыром, ячневой кашей, кисели, кулебяки с мясом, мясо диких зверей и птиц и т. д. (Исторические примечания... 1784–1790 гг., с. 93–94).

Крестьянская одежда состояла из овчинной шубы, кафтанов и балахонов. Кафтаны делались из простого сукна, балахоны – из холста. Уходящие на промыслы в другие города «привыкли к некоторым в одежде излишествам и употребляют тонкие на кафтанах сукна». Обувь обычно кожаная, но для работы в поле использовались лапти из березового лыка. Женская одежда включала сарафаны, головные уборы – сороки, повойники и платки, обувь – коты и башмаки. «Вообще во всей губернии праздничные женские наряды доведены до излишества, которые покупают поселяне несоразмерное прибыткам крестьянским ценою» (там же, с. 91–92).

Крестьянские деревянные жилые постройки – высокие и просторные с печами, имеющими трубы. Крыши покрывались тесом и дранкою. Лошади и рогатый скот не крупный, но имели хороший вид благодаря тщательному уходу, содержанию в теплых хлевах и хорошему корму. Кроме того, выращивали овец и свиней, держали кур (там же, с. 96, 97).

Своеобразие и неповторимость Олонцу придавала церковная архитектура.

ЦЕРКОВНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ОЛОНЦА

Олонец знаменит не только деревянной военно-оборонительной крепостью, но и своеобразной церковной архитектурой. Культовые здания города концентрировались на сравнительно небольшой площади: на территории крепости, на о. Мариам и близлежащих береговых участках рек Олонки и Мегреги. Комплекс церковных и крепостных сооружений XVII–XVIII вв. – в период их расцвета – надо полагать, представлял впечатляющую картину.

Церковь Рождества Богородицы. Известно, что Рождественский Олонецкий погост как один из древнейших на территории Карелии упомянут в Уставной грамоте Святослава Ольговича. Однако первое письменное сообщение о церкви Рождества Богородицы относится только к 1582 г. В Писцовой книге Андрея Плещеева и Семена Козьмина 1582/83 г. сказано: «место церковное, пожгли немецкие люди в 7087 г.» (1578/79). Прошло более 30 лет, прежде чем она была восстановлена. В Писцовой книге 1616–1619 гг. Петра Воейкова и Ивана Льговского значится: «древяная, клецки, поставлена в 124 г.» (1615/16). Как существующая церковь «древяна, клецки» и «древяна, с трапезою» она упомянута в Писцовой книге 1628–1631 гг. Никиты Панина и Семена Копылова и Переписной книге 1646 г. Ивана Писемского и Якова Еуфимьева. На ее местоположение – почти напротив о. Мариам, на левом берегу р. Олонки – указывают более поздние планы Олонца. На Плане города Олонца XVII в., точнее, на его обрезе, рядом с Никольской церковью изображена часть другой клетской церкви, очевидно, Рождества Богородицы.

В. Г. Брюсова (1972, с. 101) без ссылки на источники пишет: «Одна из древнейших церквей в городе – Рождества Богородицы, упомянутая в писцовых книгах 1628–1629 годов. В 1677 году церковь разобрана и поставлена новая, в 1752 году она сгорела». Однако приведенная исследовательницей дата гибели церкви вызывает сомнение, так как на Плане города Олонца 1785 г. и планах конца XVIII – начала

XIX в. на месте Рождественского погоста условными знаками показаны по две церкви и только на Плане города Олонца 1837 г. значится одна Никольская церковь. Действительно, по сведениям Е. М. Прилежаева (1894, с. 226), «...церковь Рождества Пресвятые Богородицы, поставленная на месте прежней, обветшавшей в 1677 году, ...сгорела в 1752 году, вновь построенная вместо нея церковь, ...существовала до 1831 года и за совершенною ветхостью была разобрана».

Церковь Николая Чудотворца. Данные писцовых книг свидетельствуют о том, что первоначально Никольская церковь была на о. Мариам. С древних времен олончанами использовался этот маленький (160×50 м) островок при слиянии рек Олонки и Мегреги под названием Мариам. Он располагался почти в центре погоста и был удобен для устройства переправ и мостов через протоки, а продольная ориентация его оси по линии восток – запад как нельзя лучше отвечала специфике храмового строительства. Так, в Писцовой книге Андрея Плещеева и Семена Козьмина 1582/83 г. пишется: «...место церковное на острову, что была церковь теплая, пожгли немецкие люди в 7087 г.» (1578/79), в Писцовой книге 1628–1631 гг. Никиты Панина и Семена Копылова о Никольской церкви сказано: «древяна, верх шатром, ставят вновь». Новое место было уже не на острове, а напротив него, на южном берегу р. Олонки, рядом с церковью Рождества Богородицы. На Плане города Олонца XVII в. (Рис. 19) она изображена с трапезной и высоким крыльцом, «верх шатром», со «странным поясом» у основания. М. И. Мильчик и Ю. С. Ушаков (1981, с. 121) так пишут о ней: «Перед нами, без сомнения, еще один тип храма, некогда распространенный в Обонежье. Из тех, что сохранились, к нему близок только недавно реставрированный памятник – Никольская церковь 1696 г., стоящая совсем недалеко от Олонца, – в Согинском погосте. У нее на основном восьмериковом срубе стоит второй, меньший восьмерик, а переход от одного к другому выделен фронтонным (конструктивным) поясом. В отличие от этого, в олонецком и тихвинском храмах, по-видимому, было не два, а три соответственно уменьшавшихся восьмерика».

Однако анализ упомянутого изображения, при всей его условности, не дает основания говорить о главном срубе церкви как восьмериковом. Это явный четверик, что подтверждается приводимыми

Рис. 19. Церковь Николая Чудотворца
(прорись фрагмента Плана Олонца XVII века)

далее документами, и, следовательно, для выявления облика церкви надо искать другие аналоги – близкие по времени сооружения. Скорее всего, Никольская церковь относится к широко распространенному типу шатровых церквей, у которых храмовая часть построена как «восьмерик на четверике». Известно, что этот тип сформировался в XVII в. (Орфинский, 1972, с. 24–97). Так, среди круга Прионежских шатровых церквей XVII в. можно отметить существующие церкви в Гимреке (около 1650 г.), на Лычном острове (1620 г.), Варваринскую в Яндомозере (1650) и церковь в с. Деревянном (1683 г.), обмеренную Л. В. Далем в конце прошлого века.

Реставрационные работы в Рождественской церкви Гиморецкого погоста, проведенные в последние годы, позволили восстановить ее облик: повал четверика закончен фронтонным поясом, а повал первого восьмерика украшает еще один фронтонный пояс, подобный сохранившемуся у Никольской церкви в Согинцах. Новые исследования

Варваринской церкви в Яндомозере также говорят о существовании в храме двух фронтонных поясов: «...нижний, решенный в крупном ритме, отмечал переход четверика в восьмерик, второй, расположенный под повалами восьмерика, вторил ему в более частом ритме аналогичным орнаментальным рисунком» (Вахрамеев, 1988, с. 92). Подобные переходные формы от четверика к восьмерику наблюдаются в Лычноостровской церкви и в Никольской в с. Деревянном.

Таким образом, план древней Никольской церкви в Олонце нам представляется в виде трех прямоугольных клетей – алтаря, собственно церкви и трапезной. К трапезной с запада примыкало крыльцо. Квадратная в плане клеть собственно церкви поднималась над трапезной и алтарем. В таком виде церковь существовала до 1795 г., когда появляется «Дело по прошению Олонецкого Николаевского собора протопопа Л. Андреева ...о дозволении им Соборную Николая Чудотворца перекрыть и поправить». В прошении написано: «Наместная сего собора во имя святителя Николая Чудотворца, стоящая на грунте деревянная шатровая церковь, поелику она построена в ...1630 году, по давности своей под шатром близь середины с вонной стороны от полудня подгнила и покривилась, от которого подгнития, как оная в фасаде своем есть весьма высокая, угрожает скорым падением, но падением таковым, которое близлежащим к той церкви домам может учинить раздавление, а жителям оных опасное приключение.

В рассуждение сего обстоятельства мы, нижеподписавшиеся, положили намерение разобрать тот шатер или колпак до подгнившего места, оную унизить и те же самые нижние стены, которые в существе своем еще весьма тверды, покрыть пятиглавым верхом и тесом обшить».

Консисторией решение этого вопроса было отдано на усмотрение Олонецкого городничего, и перестройка церкви состоялась (1831–1839 освящ.). Об этом свидетельствует старинная фотография, на которой четверик уже венчался пятиглавьем (Рис. 20). Кроме того, на ней видно, что ранее с западной стороны от церкви построена колокольня, имеющая купол с главой и шпилем. Снимок дает основание считать ее ветхой.

Из архивных дел известно, что в 1856 г. усердием олонецкого купца Кузнецова она была «возобновлена и окрашена приличною краскою». Именно такой увидел ее К. К. Случевский (1888, с. 457), посетив-

Рис. 20. Церковь
Николая Чудотворца
Фотография конца XIX века
вверху – общий вид;
внизу – фрагмент

ший Олонец в 80-х гг. XIX в.: «Древнее других, видевший с 1630 года не одно столетие, храм Николая Угодника на Мегреге с его пятью куполами и отдельно стоящею, снабженной галереею колокольней, с очень длинным центральным нефом и алтарем в кубической пристройке. Это несомненно одна из типичнейших церквей». Упоминая о другом древнем храме – Тихвинской Божьей Матери, он заключает: «Оба эти храма простоят едва ли долго, и приходят в ветхость не по дням, а по часам».

Его пророчество относительно Никольской церкви быстро сбылось – в 1891 г. она была полностью перестроена по утвержденному проекту, о чем свидетельствует переписка между олонецкой духовной консисторией и олонецким губернским правлением. Ведомости страховой оценки собора 1910 г. (Ведомости страховой оценки церквей г. Олонца) дают важные сведения об его размерах и особенностях строения: «Деревянный на каменном фундаменте, снаружи и внутри обшит тесом и покрыт масляною краскою. Длина собора, считая и колокольню, 19 саж., ширина 7 саж., высота над передней частью храма 3 саж., а над средней частью 5 саж. На храме 5 глав и на его алтаре одна глава, все они покрыты железом.

Иконостас в главном приделе длиною 8 арш., высотою 9 арш. 5 вершков. В двух приделах длиною 5 арш. 3 вершка, высотою 5 арш. 10 вершков. Собор построен в 1891 году, строение сохранилось очень хорошо».

На старом снимке (см. Рис. 20) на втором плане просматривается вновь построенный собор на месте древнего. Он получился широким собственно церковного помещения (около 15 м), и мелкие по рисунку главы его «разлетелись» по сторонам от центральной. Преобразилась и колокольня. Так десятилетие за десятилетием постепенно утрачивали свои неповторимые архитектурные формы сооружения древнего погоста. В советское время в здании собора после снятия глав и верха колокольни размещался Дом пионеров. В послевоенные годы он разобран, так как сруб был поражен грибком.

Собор Смоленской иконы Божьей Матери. В Писцовой книге Андрея Плещеева и Семена Козьмина 1582/83 г. речь шла о располагавшейся на о. Мариам церкви Николая Чудотворца, позднее возведенной на «матером» берегу р. Олонки. Но уже в Переписной книге 1646 г. Ивана Писемского и Якова Еуфимьева упоминается церковь

Пречистые Богородицы Одигитрии, которая, очевидно, была сооружена на острове. Так, на Плане города Олонца XVII в., где подробно показаны олонецкие крепостные сооружения, на левом обрезе помещено изображение деревянной клетской церкви на острове.

Дальнейшая ее судьба описана в «Краткой исторической записке об Олонце»: «Вместо стоявшей на острову деревянной церкви Смоленской Божьей Матери Одигитрии (перестроенной в 1681 году) была сооружена в 1752 г. каменная церковь в честь той же святой иконы, существовавшей до 1824 года» (Прилежаев, 1894, с. 221). Перестройку деревянной церкви на каменную осуществили костромские каменщики С. Васильев и Ф. Алексеев, о чем свидетельствует подрядная запись. Изображение церкви отсутствует, поэтому можно лишь предполагать характер ее архитектуры. Известно, что в 1819 г., когда Александр I посетил Олонец и молился в этой церкви, она уже была ветхая. Обратив внимание на состояние церкви, царь назначил 20 тысяч рублей на ремонт или постройку новой церкви. В 1824 г. приступили к строительству, а в 1830 г. сооружение было освящено.

Новая церковь отвечала всем основным принципам архитектуры александровского классицизма и традиционного пятиглавия. С западной стороны деревянные мосты, перекинутые через протоки реки, приводили к трехъярусной колокольне, увенчанной шпилем на покрытии, близком к купольному. Ярусы колокольни имели ордерную декорацию, оформляющую арочные проемы. Основное помещение церкви после более низкой передней части имело большую высоту, четко выделялось своим объемом и пятиглавием. Северный и южный фасады основного объема отличались приставными четырехколонными портиками, завершенными фронтонами. Пять глав, водруженных на барабанах с окнами, образовывали живописную пирамидальную группу, а вся композиция собора с колокольней имела острый динамичный характер, напоминала плывущий корабль, наиболее выразительно раскрываясь при въезде в город со стороны Ладоги.

Следует отметить, что, очевидно, тогда же были возведены стены, укрепляющие береговые откосы острова вдоль северного и южного фасадов собора. Сказанное хорошо иллюстрируется старыми фотографиями и рисунками. Кроме того, К. К. Случевский (1888, с. 457) дал описание храма: «Собор во имя Смоленской Божией Ма-

Рис. 21. Собор Смоленской иконы Божьей Матери. Фотография начала XX века

тери стоит на островку, при слиянии Мегреги и Олонки, каменный, не старый; он под круглым куполом, покоящимся на четырех столбах, с пятиярусным иконостасом; нельзя не заметить древности икон, украшающих храм во множестве: они вообще довольно мелки, несомненно принадлежали когда-то другому, несуществующему храму, и для любителя древней живописи нашей представляют обильное поле для исследований». На старых фотографиях также можно «прочесть» характерную для классицизма окраску собора – белые ордерные формы и обрамления проемов на цветном фоне стены (Рис. 21).

Уже упомянутая страховая оценка собора 1910 г. гласит: «Длина храма, считая и колокольню, 21 саж., наибольшая ширина 7 саж., высота до верха крыши над переднею частью храма 6 арш. 8 вершков, и над среднею частью храма 11 арш.

Над среднею частью храма имеется большой купол с 8 окнами и по бокам 4 малых с 6 окнами...

Колокольня в 2 яруса, общая высота до верха карниза 10 саж. 2 арш. Церковь построена в 1828 г. и строение сохранилось очень хорошо».

После революции собор лишили всех его высотных частей от колокольни до глав, в разное время он служил то кинотеатром, то музеем. Вход в здание был сделан с востока, для чего в алтарной части была прорублена дверь.

Собор св. живоначальной Троицы. Появление Троицкого собора и его судьба тесно связаны с историей Олонецкой крепости. Первая деревянная церковь в Меньшем городе появилась в 1649 г. Это была «...церковь древяна клецки и с трапезою и с попертми во имя... Троицы» с двумя приделами Алексея Божьего человека и Дмитрия Солунского (Росписной список… 1649 г.). Была возведена и деревянная колокольня. Существовали они недолго – пожар, уничтоживший первую крепость в 1668 г., не пощадил церковь и колокольню. Воссоздание крепости в 1671 г. сопровождалось строительством новой трехшатровой церкви на «прежнем месте» и «прежним строением», которая тоже простояла недолго (около 13 лет) и после 1685 г. заменена каменной. Из вероятных аналогов среди имеющихся трехшатровых церквей назовем Успенский собор в г. Кеми.

Если об облике первых деревянных церквей можно получить представление по письменным документам – описям крепости, то о каменном соборе – по графическим изображениям на планах XVII в. (Рис. 22) и 1702 г. На планах рядом с Троицким собором по-

Рис. 22. Собор св. живональной Троицы (фрагмент Плана Олонца XVII века)

казана еще одна церковь, а на Плане города Олонца 90-х гг. XVII в. – к тому же и колокольня. Выстроен собор на высоком подцерковье и имел с северной стороны придел Петра и Павла. Увенчан пятиглавием на восьмерике. В.Г. Брюсова (1972, с. 107) обращает особое внимание на крыльцо, «спускающееся с западной стороны двумя крытыми лестницами-рундуками», которое «перекрыто бочками, лестницы опираются на двухъярусную аркаду, площадки внизу перекрыты шатриками на точеных столбах». На этих планах крыльцо собора изображено по-разному, что привело некоторых исследователей (Мильчик, Ушаков, 1981, с. 116) к неверным выводам о возможной достройке крыльца. В действительности мы имеем дело с двумя разными изображениями одного и того же здания – на плане XVII в. Троицкий собор показан южным боковым фасадом (виден его алтарь), а на плане 1702 г. – западным (виден его северный придел).

Каменные церкви в Олонце уже через столетие сильно обветшали. Интересно в этом отношении описание к Плану города Олонца 1787 г. На нем на месте бывшей крепости обозначены две церкви и дано в пояснении: «...соборные каменные ветхие церкви, из коих в одной по крайней опасности и службы не происходит». Однако под литерой А на плане показано место для новой каменной соборной церкви. В архиве сохранилась также переписка за 1787 г., озаглавленная «Дело о разобрании на освидетельствование в г. Олонце каменной ветхой соборной церкви и при ней часовни. 1787 г.». В рапорте городничего сказано: «Та церковь и часовня, находящиеся при большой дороге, весьма ветхи, так, что разрушаются и мимо ходящим и проезжающим людям вред причинить могут и о разобрании их требовало население...» На это последовал ответ генерал-поручика Т. И. Тутолмина: «разобрание сей церкви и часовни удобнее производить с заплатою денег, по условию за каждую тысячу целого и половинчатого кирпича, вынутого из стен, надлежащим образом очищенного и годного к употреблению в строение...» В смете, составленной на разборку собора, есть важные данные о его размерах: «церковь каменная длиною семь сажен, вышиною семь же сажен, стены толщиною два аршина», «алтарь с каменною для теплой церкви пристройкою длиною восемь сажен, шириною

четыре сажени, вышиною четыре ж сажени, стена толщиною два аршина».

Итак, собор был разобран. Возникал ли вопрос о возведении нового взамен утраченного? В Центральном государственном архиве Республики Карелия на этот счет сохранились документы (Дело по отношению митрополита Амвросия...). Митрополит Новгородский Амвросий в 1803 г. в письме олонецкому гражданскому губернатору А. А. Ушакову сообщает об отдаче гражданам г. Олонца материалов от разобранной каменной церкви «и о дозволении другую ветхую разобрать подобно и употребить все, сколько каких будет, на создание в том городе новой каменной соборной церкви». Митрополит просит ознакомить его с планом новой соборной церкви и надеется на ее прочность. Из рапорта в марте 1803 г. видно, что такой проект церкви был сделан, подписан митрополитом и утвержден губернатором. Однако осуществить задуманное не удалось – виной тому события в стране и мире, развернувшиеся в начале XIX в.

Церковь Богоявления Господня. Исследователи относят появление церкви ко времени восстановления крепости после пожара 1668 г. Вначале в крепости, как уже было сказано, появился Троицкий трехшатровый собор, вскоре около него – шатровая колокольня с вышкой-смотрильней, а в июле 1675 г. воевода Иван Чаадаев и дьяк Степан Польков подрядили Трофима Дубакова «с товарищи» «подле соборной церкви построить теплую.., а в ней две службы срубить из готового лесу и покрыть и изготовить ... добрым мастерством» (Мильчик, Ушаков, 1981, с. 116). Артелью в 40 человек к ноябрю были закончены основные работы.

В результате в крепости образовалась тройственная группа культовых зданий в составе холодной и теплой церквей, а также колокольни. Такие группы широко бытовали в крупных погостах Русского Севера. Главную роль в композиции, несомненно, играл трехшатровый Троицкий собор. На Плане города Олонца XVII в. он показан в каменном исполнении, Богоявленская церковь – в деревянном. Это клетский храм с трапезной и северным приделом, увенчанным второй главой. Однако на плане 1702 г. уже иная картина – нет колокольни, а Богоявленская церковь изображена каменной

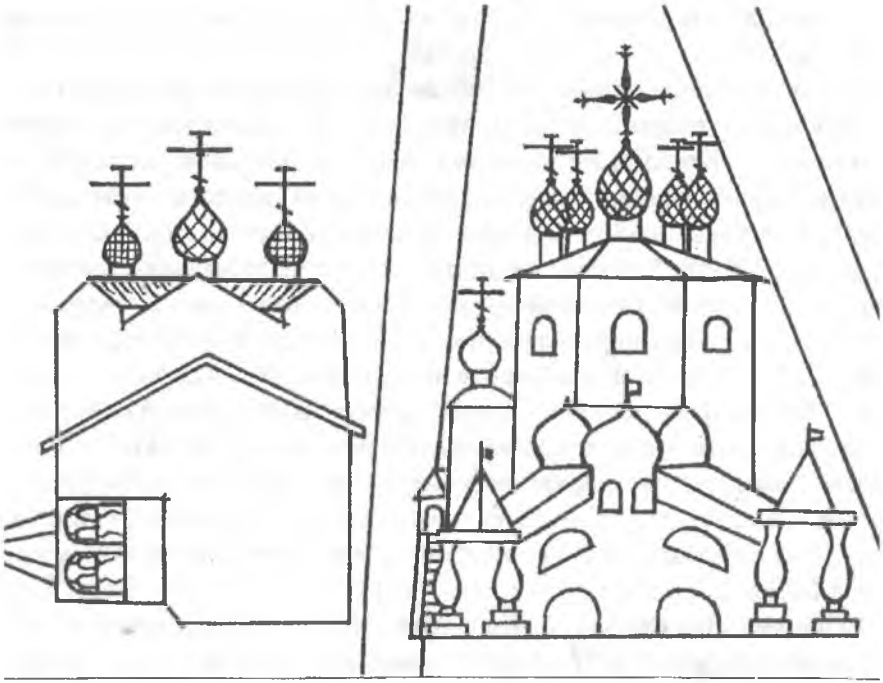

Рис. 23. Церковь Богоявления Господня (фрагмент Плана Олонца XVII века)

(Рис. 23). Исследователи Олонецкой крепости пишут по этому поводу: «Значит, в промежуток между составлением первого и второго планов и эту церковь заменили каменной. Теперь она получила три главы, что, вероятно, соответствовало двум приделам, и звонницу, установленную, по-видимому, по образцу псковских на кровле трапезной» (Мильчик, Ушаков, 1981, с. 116).

В. Г. Брюсова (1972, с. 101), кроме того, отмечает новгородский характер этой церкви со щипцовым покрытием и шатровой звонницей на западной стороне. Она же сообщает, что церковь разобрана в 1800 г. Однако эти сведения документами не подтверждаются. В уже упоминавшемся «Деле по отношению митрополита Амвросия...», посвященном разборке церкви, имеется рапорт олонецкого городничего в Олонецкое губернское правление от 31 марта 1815 г.: «В вверенном мне городе Олонце в 1-м квартале на берегу реки

Олонки стоит ветхая каменная церковь во имя Богоявления Господня с давних уже времен упраздненная, крыша коей сгнила и большая часть обрушилась, от чего и своды вовнутрь церкви в двух местах провалились, с наружной стороны время от времени углы и стены начинают разваливаться, от чего клонится к падению, сверх сего замечено много еще, что ежегодно при разлитии в весеннее время реки Олонки от глинистого грунта земли берег постепенно оседает, почему о вышеупомянутой церкви сообщал в Олонецкую городскую думу и духовное правление».

Переписка продолжалась до января 1820 г., но у бедного средствами города, отягощенного сборами на военные нужды, не было денег. Наконец, было принято такое решение: «Относительно же разобрания ветхой каменной церкви в городе Олонце, дабы от падения ея не можно причинено быть какового либо кому вреда, то в сем случае поступить так, чтобы никто из граждан обойден не был, ибо разбор церкви зависит от них без изъятия кого либо...»

Так, по-видимому, прекратила свое существование церковь Богоявления Господня. При изучении олонецких церквей возникает естественный вопрос, почему многие деревянные сооружения стояли длительное время (до 250 лет), а каменные ветшали менее чем за 100 лет? Можно предположить, что причиной разрушений церковных сооружений были особые геологические условия местности, на которой они были возведены. В рапорте олонецкий городничий отмечал отрицательное воздействие на церковь весенних разливов реки. Возможно, этот же фактор сказался на прочности Троицкого собора и первой каменной церкви Смоленской Божьей Матери на острове, просуществовавшей немногим более 70 лет. Новейшие исследования по инженерной геологии города и его центральной исторической части показали, что основанием для фундаментов этих сооружений были пучинистые суглинки и глинистые грунты мягкопластичной и текучей консистенции. Весенние паводки нарушали структуру этих грунтов, что вело к постепенному понижению их несущей способности. Косвенным подтверждением этих выводов является многовековое существование каменных церквей в относительной близости от Олонца, например, в Александро-Свирском монастыре, Никольском в Сторожино и других.

Рис. 24. Стрелецкие церкви Архистратига Михаила и Тихвинской иконы Божьей Матери. Фотография начала XX века

вверху – общий вид; внизу – фрагмент

Стрелецкие церкви. С возникновением крепости вдоль левого берега р. Мегреги разместилась стрелецкая слобода, основной ход от которой в крепость был по мосту через Никольскую башню. На Плане города XVII в. хорошо виден этот сложившийся основной узел – центр стрелецкой слободы, состоявший из двух церквей – Ар-

хистратига Михаила и Тихвинской иконы Божьей Матери (холодной и теплой) в отдельной ограде (Рис. 24) и располагавшейся ближе к мосту часовни Во имя креста Господня, построенной в 1619 г. Обе церкви на плане изображены клетскими.

Церковь Архистратига Михаила – деревянная, холодная, с приделом святых князей Бориса и Глеба. Поэтому иногда ее называли по имени придела. По Клировым ведомостям датой постройки церкви считается 1672 г. В Ведомости об Олонецком Николаевском соборе за 1873 г. о церкви написано: «Зданием деревянная, холодная. В 1861 году перекрыта и окрашена. Ветха. Престолов в ней два (в приделе во имя св. мучеников Бориса и Глеба)». На последних фотографиях (см. Рис. 24) церковь имела основной кубический объем, перекрытый четырехскатной кровлей, завершенной главой, с востока примыкала более низкая кубическая пристройка алтаря, увенчанная главой, а с запада – помещение трапезной с простым входным крыльцом. На фотографиях видно, что церковь уже не служила своим целям – глава ее лишена креста, но и в таком виде впечатляет своим суровым древним обликом. К. К. Случевский оставил описание этого комплекса: «Так высится до сих пор, но по ветхости не служит более тому, для чего она назначена, построенная стрельцами в 1674 году деревянная церковь св. Бориса и Глеба... Те же стрельцы в 1619 году поставили часовню во имя Животворящего креста, перестроенную в 1769 году, в ней хранится современный основанию, с приличествующей надписью, раскрашенный крест в пять аршин высоты, третья память стрельцов – колокол 1684 года звонит до сего дня с Тихвинской церкви, примешивая свой старый голос к голосам более молодым» (Случевский, 1888, с. 457).

Церковь Тихвинской иконы Божьей Матери, деревянная, теплая, построена стрельцами на 10 лет позже первой, т. е. в 1682 г. Со временем она претерпела значительные изменения. В архиве сохранилось дело о проекте перестройки Тихвинской церкви (Дело канцелярии...). Из документов видно, что прихожане просили церковь из-за ветхости перебрать и поставить ее «на каменный фундамент и новый мох с употреблением новых лесов и поставить на том же самом месте, где ныне существует, не изменяя плана и фасада оной, по уважению к ея древности, восходящей почти до двух столетий...». Снятые

с церкви чертежи в 1852 г. были отосланы в Олонецкую губернскую строительную и дорожную комиссию. Однако в своем ответе комиссия потребовала «...изменить и самый фасад существующей церкви, который по неблаговидности своей и несоблюдении в оном достоинства в архитектурном отношении не может быть оставлен в настоящем виде». После этого был составлен новый проект, утвержденный в 1856 г. Судя по церковным записям, в 1864 г. ее перестроили с разрешения епархиального начальства и 9 сентября 1867 г. вновь освятили. Очевидно, тогда же она получила форму креста в плане и над трапезной была построена звонница своеобразной формы – квадратная в плане, перекрытая на два ската, с крошечной главкой.

Центральный объем церкви тоже приобрел оригинальное завершение – четырехгранный шатер, крытый железом, с граненой главкой на тонкой шейке. Ее декоративное оформление мало отвечает древним формам культовых зданий. По четырем сторонам возвышающегося основного объема церкви были вынесены своеобразные «галереи», увенчанные фронтонами, где, видимо, располагались окна (или иконы?). Такой мы видим эту церковь на старых фотографиях. Были ли подобные переделки и других церквей? Один из дореволюционных исследователей так охарактеризовал состояние церковной архитектуры: «Начинают исчезать постепенно и памятники родной старины. Та же участь постигает и наши храмы. Вместо них, бывает, появляются храмы нового типа, «медальные», т. е. построенные разными благотворителями для получения медали. Какая разница между новым и старым? В старом видно стремление ввысь, к небу, к Богу, в новом забота о том – как бы дешевле обошлась постройка: тысячи на 4–5, словом на столько, за сколько выдается медаль. Поэтому если древние храмы поучительны – как памятники веры и благочестия, то многие новые будут для наших потомков свидетелями против нас, обличающими нас в слабости святых стремлений, в пошлых чувствах скупости и честолюбия...» (Островский, 1912, с. 36).

М. А. Круковский (1904, с. 91) в своей книге приводит фотографию перестроенной древней церкви в дер. Большая Гора, основание которой относится к 1628 г. По-видимому, ее тоже обновляли и так же, как и в Тихвинской, построили квадратную в плане звонницу с «де-

ликатнейшей» булавочной главкой. Печи в рассматриваемой церкви, судя по трубам на снимках, размещались в северном и южном прирубах к основному объекту. Снаружи она была обшита тесом и окрашена. На древность и ветхость Тихвинской церкви обратил внимание К. К. Случевский, предрекая ей скорую гибель, однако стрелецкие церкви сохранились и после 1917 г.

В первые годы после революции предпринимались некоторые шаги по сохранению исторических и архитектурных ценностей. В 1918–1920 гг. специальные комиссии Петрограда выезжали в Карелию. Охранительные действия касались в первую очередь таких выдающихся памятников, как Кижи, но не были обойдены вниманием и стрелецкие церкви в Олонце (Богуславский, 1984). Однако в роковые для культовых памятников 30-е гг., когда были уничтожены многие исторические объекты, пострадали, видимо, и стрелецкие церкви. Они уже не значились в довоенных списках памятников архитектуры. На фотопанораме Олонца военных лет (1941–1942 гг.) просматривается контур Тихвинской церкви без глав и звонницы. По словам очевидцев, остатки сруба одной из стрелецких церквей использовались под магазин, располагавшийся на углу улиц Свободы и Володарского, и были раскатаны в 80-е гг. К сожалению, эти древние свидетели нашего прошлого не были исследованы.

Церковь Соловецкая. Под таким названием на правом обрезе Плана Олонца конца XVII в. показана деревянная церковь за рвом, ограждавшим крепость с востока. Других сведений о ней нет. Может быть, не случайно в Коблуковской церкви, построенной позже в этом районе, в память об утраченной церкви появился придел Зосимы и Савватия Соловецких.

Церковь Казанской иконы Божьей Матери в Коблуковской слободе стояла на правом берегу р. Мегреги в месте впадения ручья, недалеко от бывшей крепости (Рис. 25). Время ее создания в документах указывается по-разному. В Ведомости обретающимся в городе Олонце.., которая может быть отнесена к 1781–1782 гг., годом постройки церкви назван 1778, в ранней Ведомости о церкви Олонецкого уезда за 1840 г. – 1799, а в более поздней Ведомости об Олонецком Николаевском соборе за 1873 г. – 1719 г. То, что 1799 г. назван ошибочно, сомнений нет, так как на Плане города Олонца 1785 г.

Рис. 25. Церковь Казанской иконы Божьей Матери в Коблуковской слободе. Фотография начала XX века

церковь присутствует. Построена «тщанием коллежского асессора Р. П. Романова». В Ведомости 1873 г. церковь представлена так: «Зданием деревянная, с таковою же колокольнею, в 1857 году и 1858 перекрыта, купол и глава на ней устроены новые и обшиты железом, с внешней стороны вся обшита тесом и окрашена, но внутри обшиты тесом одни приделы.

Престолов в ней три: в настоящей холодной во имя Казанския Божия Матери, в приделах же теплых, в правом – во имя Преподобных Отец Зосимы и Савватия Соловецких, а в левом во имя Св. Чуд. и Безсеребряников – Косьмы и Дамиана».

На старом снимке церковь изображена после ремонта обшитой и окрашенной. Двухъярусная проходная колокольня с крыльцом увенчана шатром с главой. Главное помещение церкви кубическое с окнами в два яруса завершалось главой на восьмигранном барабане. К основному объему с запада и востока примыкали более низкие трапезная и алтарь. После революции помещение было реквизировано и использовано под городские нужды (в настоящее время здесь размещается ресторан).

Старая кладбищенская церковь. На Плане города 1785 г. на кладбище показана деревянная церковь. Само кладбище располагалось примерно в 200 саженях юго-восточнее Никольского собора в пределах территории, вошедшей в 1785 г. по новому плану в городскую черту. Позднее на планах оно обозначено как «старое кладбище» с церковью и как территория, свободная от застройки. Однако уже на Плане города Олонца 1837 г. на этом месте находился квартал застройки и ничто не напоминало о прошлом.

Кладбищенская церковь Успения Божьей Матери в дер. Кунелица. Появление церкви в Кунелице связано с размещением в 1787 г. кладбища за пределами городской территории, согласно новому плану города. В архивных документах сохранились переписка по этому поводу и рапорт городничего, который сообщает, что «...кладбища еще по сие время внутри оного (города. – *Н. К.*) состоят» (Дело о распоряжении.., 1785–1794 гг.). На рапорт получено разрешение об отводе места для кладбищ за Олонкой и Мегрегой, и 21 октября 1787 г. городничий рапортует об исполнении. Через год на новом кладбище «тщанием прихожан» была сооружена церковь. В документах 1847 г. (Дело Олонецкого Николаевского собора.., 1847 г.) она описана так: «деревянная, холодная, без колокольни, имеет один колокол на столбах, покрыта тесом и обшита». В 1862 г. ее подняли на фундамент, подправили, обшили тесом и покрасили, сделали теплой, паперть снабдили тремя колоколами (Ведомость об описании Олонецкого Николаевского собора. 1855 г.).

Рис. 26. Церковь Успения Божьей Матери на кладбище в Кунелице (современная фотография)

По мнению В. Г. Брюсовой (1972, с, 107–108), «кладби-

щенская церковь Успения – пятиглавая и, если судить по внешнему виду, позднейшей постройки или же сильно перестроенная после сооружения ее... Церковь действующая, и, как обычно в таких случаях, сюда перевезены иконы из других, закрытых или несуществующих храмов. Местные иконы в иконостасе и деисус – XVIII века». Это предположение весьма вероятно, так как на планах Олонца конца XVIII в. на городской территории обозначено старое кладбище с деревянной церковью юго-восточнее Никольской церкви, а на планах XIX в. оно отсутствует. Сейчас эта церковь приобретает особое значение как одна из двух оставшихся старых церквей и к тому же с сохранившимся внутренним убранством (Рис. 26).

Часовни. Документов, описывающих часовни в границах города, сохранилось мало. При внимательном рассмотрении Плана Олонца конца XVII в. можно заметить, что у стен крепости вблизи Никольской башни показана «часовня каменная», вторая – на левом берегу Мегреги – «часовня стрелецкая за мостом за рекой», третья – за рвом у Московских ворот. По подсчетам Н. Я. Озерецковского (1989, с. 91), в городе были одна каменная и три деревянные часовни.

Что касается каменного сооружения, то, вероятно, имеется в виду часовня, располагавшаяся вблизи Троицкого собора и разделившая его судьбу (разобрана вместе с ним). О часовне, стоявшей около Стрелецких церквей, по церковной Ведомости об Олонецком Николаевском соборе за 1873 г. известно, что «...часовня одна во имя Честного Животворящего креста Господня, в 25 саженях от церкви, деревянная, построена часовня в 1619 г., после она перебрана в 1672 г., а в 1863 году поновлена окраскою». Ее внешний облик можно представить по некоторым старым фотографиям. Исчезла, видимо, в послереволюционные годы. Третья часовня в честь св. князя Александра Невского находилась на территории крепости (Россия, 1900, с. 388). На Плане города Олонца 1837 г. ее нет, очевидно, еще не была построена. В архивном деле за 1886–1887 гг. (Дело по представлению...) по застройке полуострова, где прежде располагалась крепость, на чертеже на основной дороге (ныне ул. 30-летия Победы) она уже присутствует. Обозначена она и на последующих землеотводных делах по застройке полуострова за 1905, 1908 гг. (Дело о постройке...; Дело об отводе...). Сохранилась фотография часовни

Рис. 27. Здание часовни Александра Невского.
Фотография 1947 года (Олонецкий музей)

1947 г. (Рис. 27). В часовне до 1958 г. размещалась библиотека, затем на этом месте сооружено каменное двухэтажное здание.

В церковной Ведомости об Олонецком Николаевском соборе за 1873 г. упомянута еще одна часовня св. великомученика Дмитрия в дер. Кянялица (или Кинелица), построенная в 1669 г. Согласно Плану города Олонца 1785 г., эта деревня вместе с десятками других была частью города (ныне район ул. Карла Либкнехта за территорией больницы). По опросам местных жителей, такая часовня действительно существовала между современными домами № 49 и 51 по этой улице и была разрушена.

Завершая рассмотрение истории церковного зодчества города, изложим некоторые свои наблюдения (Рис. 28). Пик культурного строительства приходится на конец XVII в. и первую половину XVIII в., когда город как важный пограничный форпост России оказался вовлеченным в круговорот событий общегосударственного значения. В екатерининское время его роль заметно снижается, и недаром возникает идея, правда, неосуществленная, о переносе города в более выгодное место – с. Ильинское. Ослабление роли Северо-Запада во внешнеполитических делах России и превращение Олонца в уездный город значительно ограничили его возможности в XIX в. Основные заботы по церковным делам сводились

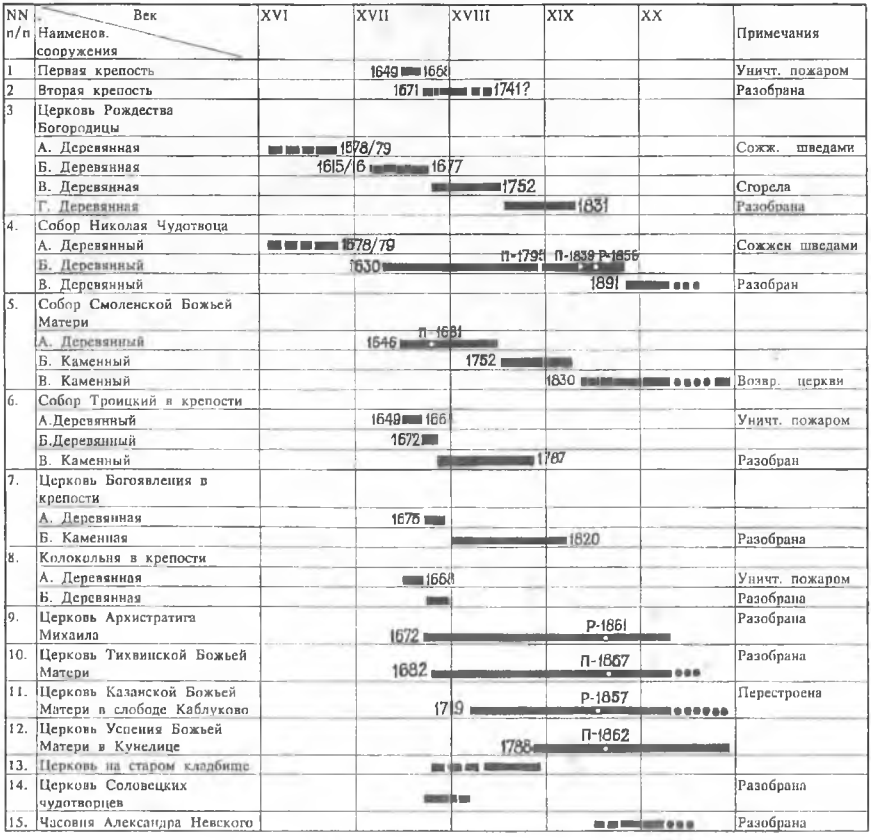

Рис. 28. Хронограмма существования крепостных сооружений и церквей г. Олонца в XVI–XX веках

к попыткам поддержать былой уровень, ремонтируя и перестраивая существующие храмы. При этом заметно падал уровень архитектурного мастерства.

В свое время к подобному выводу пришел академик В.В. Суслов (1889, с. 64–65), путешествовавший по Северу России и Норвегии в конце XIX в. Посетив Александро-Свирский монастырь, Олонец и ближайшие к нему селения, он написал: «Почти все встреченные здесь мною деревянные церкви ныне переделаны и не представляют большого значения в области истории русского зодчества. Оне, видимо, и не имели замысловатых форм или особого типа. Обыкновенно

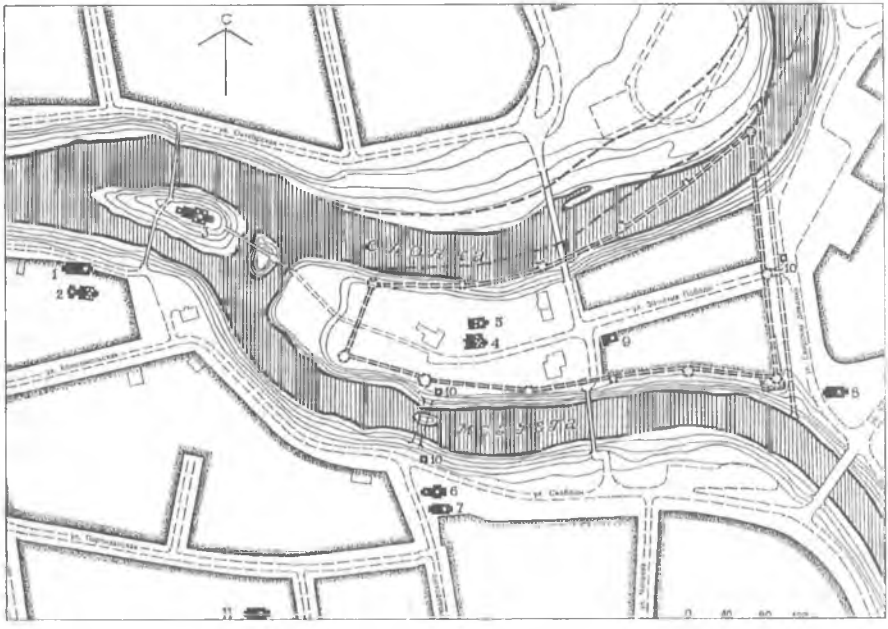

Рис. 29. Схема расположения исторических церквей, нанесенная на современный план центра г. Олонца

1 – церковь Рождества Богородицы; 2 – церковь Николая Чудотворца; 3 – собор Смоленской иконы Божьей Матери; 4 – собор св. живоначальной Троицы; 5 – церковь Богоявления Господня; 6 – церковь Тихвинской иконы Божьей Матери; 7 – церковь архистратига Михаила; 8 – церковь Соловецких Чудотворцев; 9 – часовня Александра Невского; 10 – часовни; 11 – церковь старая кладбищенская

На схеме показано положение крепости 1670–1671 гг. по исследованиям М. И. Мильчика и Ю. С. Ушакова

к главному прямоугольному срубу церквей примыкает один прируб для алтаря и другой, больших размеров, с западной стороны для паперти.

Церкви эти, хотя простых форм, не лишены изящных пропорций».

Расположение церквей было таково, что они находились во взаимной видимости, и, будучи в городе, житель был как бы окружен хороводом церквей, разнообразных по своим формам. При въезде в город со стороны Ладоги первой встречала высокая шатровая церковь Рождественского погоста. Позже эта роль высотной доминанты перешла к собору Смоленской Божьей Матери на «обливном острове» Мариам. В XVII в. возникает второй культовый комплекс крепостных соборов и связанных с крепостью Стрелецких церквей. Однако существование крепостных соборов было непродолжительным. Дальнейшее развитие этой системы идет вширь в связи с ростом города (Коблуковская и Кунелицкая церкви). Можно представить себе ту удивительную, захватывающую панораму древнего города, где гармонично сочетались церковные и крепостные сооружения (Рис. 29).

Сейчас эта сложная система исторических зданий практически сошла на нет. Однако в наше время в обществе идут и противоположные процессы: усилиями энтузиастов с 1990 г. Олонец, как уже отмечалось, обрел статус исторического города России, и сейчас встает задача изучения и увековечения всеми доступными средствами славного исторического прошлого города, где церковные сооружения играли громадную роль.

ИКОНОПИСЬ ОЛОНЕЦКОЙ ЗЕМЛИ

Одно из важнейших мест в художественном наследии Олонецкого края принадлежит иконописи, которая развивалась как составная часть искусства древнего Обонежья. Искусство на землях, расположенных по берегам Онежского и Ладожского озер, возникло как особая ветвь новгородской школы, но уже в конце XV–XVI в. обрело самобытные черты.

Иконописному искусству древней Карелии посвящено немало исследований. Еще в начале XX в. С. Н. Дурылин впервые попытался определить некоторые особенности иконописи «Олонецкого края», имея в виду всю территорию Олонецкой губернии. Среди найденных здесь древних икон он выделял произведения местного письма – своего рода «малого стиля», порожденного «большим» – новгородским (Дурылин, 1913, с. 41). В искусстве северных мастеров этот исследователь видел лишь упрощение приемов новгородской иконописи.

Многочисленные экспедиционные находки второй половины XX в. и широко развернувшиеся реставрационные работы позволили уточнить представления об истории «северных писем». В работах В. Г. Брюсовой, Э. С. Смирновой, Г. И. Вздорнова, С. В. Ямщикова и других исследователей был обоснован взгляд на северную иконопись как на своеобразное художественное явление, в котором традиции крупных художественных центров Древней Руси получили особую интерпретацию. По мере изучения сохранившихся до нашего времени произведений выявились черты своеобразия иконописи различных регионов Карелии, в том числе и Олонецкой округи.

XV–XVI века

Памятники иконописи Олонецкого погоста, созданные ранее XV в., до нашего времени не сохранились, хотя можно с уверенностью сказать, что в местных храмах находились и более древние

произведения новгородских и северных мастеров. Высокий уровень исполнения икон XV–XVI вв. как бы предполагает существование местной иконописной традиции.

Замечательным памятником северной иконописи рубежа XV и XVI вв. является икона «Св. Власий» из церкви Св. Флора и Лавра с. Мегрега (Фото 4. Вкл.). Это произведение можно поставить в один ряд с лучшими творениями древнерусских мастеров. Образ севастийского епископа Власия (ум. ок. 316 г.) довольно часто встречается в иконописи и культовой резьбе по дереву, что объясняется особым почитанием этого святого как охранителя домашнего скота. Интересно отметить, что св. Власий изображен и на созданной в XVIII в. северной алтарной двери того же мегрегского храма. Надо думать, что не случайно изображения св. Власия находились в церкви, освященной в честь покровителей коневодства Флора и Лавра. Связь этих образов и их совместное почитание были очень характерны для народной религии.

В лике св. Власия, с тонко прорисованными чертами и высоким лбом мыслителя, отражается погруженность в молитву и интенсивность духовной жизни. Впечатление необыкновенной одухотворенности образа усиливается благодаря легчайшим розоватым высветлениям, которые положены на золотистую основу. Особой красотой отличается нежно-дымчатая цветовая гамма, созданная из сочетания светлого, почти белого фона с золотисто-охристыми полями и голубовато-сиреневым цветом облачения. Тонкость этой гаммы оттеняется красным обрезом евангелия и белым омофором с черными крестами.

По своему художественному строю икона св. Власия в чем-то родственна памятникам ведущих направлений искусства этого времени, связанных с именем Дионисия. В то же время она не имеет прямых аналогий в искусстве больших художественных центров. Это вполне самостоятельное творение северного мастера, который энергично очерчивает контуры лика и облачения, трактует световые блики на одежде в виде кристаллически четких граней. Своеобразный динамизм облику святого придает акцентированное встречное движение форм – обращенного вниз контура лика с острым клином бороды, и резко суживающегося кверху торса.

До нашего времени дошли лишь единичные образцы иконописного наследия Олонца XV–XVI вв., поэтому так важен каждый древний памятник, связанный по своему происхождению с этим краем.

К числу древних произведений относится «Спас на престоле», хранящийся в Успенской церкви под Олонцом. Авторская живопись пока скрыта под позднейшим поновлением, и только по особенностям обработки иконной доски, а также деталям композиции и пробным расчисткам, сделанным в свое время В. Г. Брюсовой, можно установить, что перед нами памятник искусства XV–XVI вв. Монументальный образ Спасителя, восседающего на престоле, некогда являлся центром композиции деисусного чина – одного из рядов иконостаса. Некоторые характерные особенности иконографии позволяют отнести икону к кругу произведений новгородской традиции.

В этой же церкви находится сильно пострадавшая от времени икона «Рождество Богоматери, с акафистом» XVI в. Это монументальное по размеру произведение входило в состав иконостаса крупного храма. В. Г. Брюсова высказала предположение, что икона была храмовым (главным) образом в церкви Рождества Богородицы древнего Олонецкого погоста. В описании иконостаса данной церкви, которое содержится в Писцовой книге 1628–1631 гг. Никиты Панина и Семена Копылова, читаем: «По правую сторону царских дверей образ местной Рождества Пречистые Богородицы с икосы на золоте» (РГАДА, ф. 1209. № 308, л. 1 об.). Вероятно, икона была написана для церкви, стоявшей на берегу реки Олонки и сгоревшей в конце XVI в. во время набега шведов.

XVI столетие было временем формирования общерусской художественной культуры. В определенной степени этот процесс затронул и северные окраины Московского государства. Иконопись Олонецкого края обогащается новыми стилевыми явлениями. Свою роль при этом сыграло соседство с такими значительными духовными центрами, как Александро-Свирский и Тихвинский монастыри, куда поступали в качестве вкладов иконы и приезжали мастера-иконники не только из Новгорода, но также и из среднерусских городов (Смирнова, 1967, с. 61; Соловьева, 1990, с. 10).

Икона «Св. Иоанн Предтеча из деисусного чина» была найдена экспедицией в с. Тукса (Фото 5. Вкл.). Древнейшая церковь в этом

селе была построена, судя по данным писцовых книг, в первой половине XVII в. Икона св. Иоанна Предтечи написана несколько ранее, во второй половине XVI в. Художественное решение иконы отличается гармонией светлых голубых и охристых тонов, мягкими интонациями в трактовке образа. Это сильно контрастирует с аналогичными иконами из древних новгородских деисусных чинов, для которых было характерно акцентирование сурового аскетизма св. Иоанна Предтечи. Думается, что на стиль автора этой иконы оказали влияние московские образцы, но некоторая упрощенность рисунка говорит о том, что перед нами произведение северного мастера.

Столь же характерна для второй половины XVI в. икона «Св. Троица». В ее духовном строе преобладают лирические интонации, сравнительно новые для бывшего новгородского севера (Фото 6. Вкл.). Спокойный ритм склоненных голов ангелов передает неторопливое течение безмолвной беседы. В красоте сопоставления светлых тонов, просветленности образов улавливается воздействие образцов московского искусства XV–XVI вв. с их особой поэтичностью в раскрытии темы.

Своеобразно колористическое решение иконы, в котором довольно редкий оранжевый цвет одежд соединяется с охристым, голубым и светло-зеленым. Обращают на себя внимание и особенности живописи одеяний, отличающиеся от обычных иконописных приемов. Здесь нет системы пробелов, обозначающих блики света. Для выявления объемности линии складок одежд усилены притенениями. Этот прием напоминает манеру художников-миниатюристов, исполнивших в середине – второй половине XVI в. иллюстрации к Лицевому летописному своду (Подобедова, 1965, с. 149). Такое сочетание черт, свойственных иконописи и книжной миниатюре, выдает руку мастера, владевшего разными видами изобразительного творчества. На Севере такая широкая специализация не была каким-то уникальным явлением вследствие сравнительной редкости профессии иконописца.

Тонкостью письма отличается небольшая икона «Св. Параскева Пятница» XVI в. из дер. Матчезеро (Фото 7. Вкл.). Лик святой, претерпевшей многие муки за христианскую веру, излучает доброту, милосердие, но есть в нем и затаенная скорбь, печаль. Нарядное сочетание золотого фона со светло-красным цветом одежды призвано прославить мученицу, придать иконе торжественное звучание.

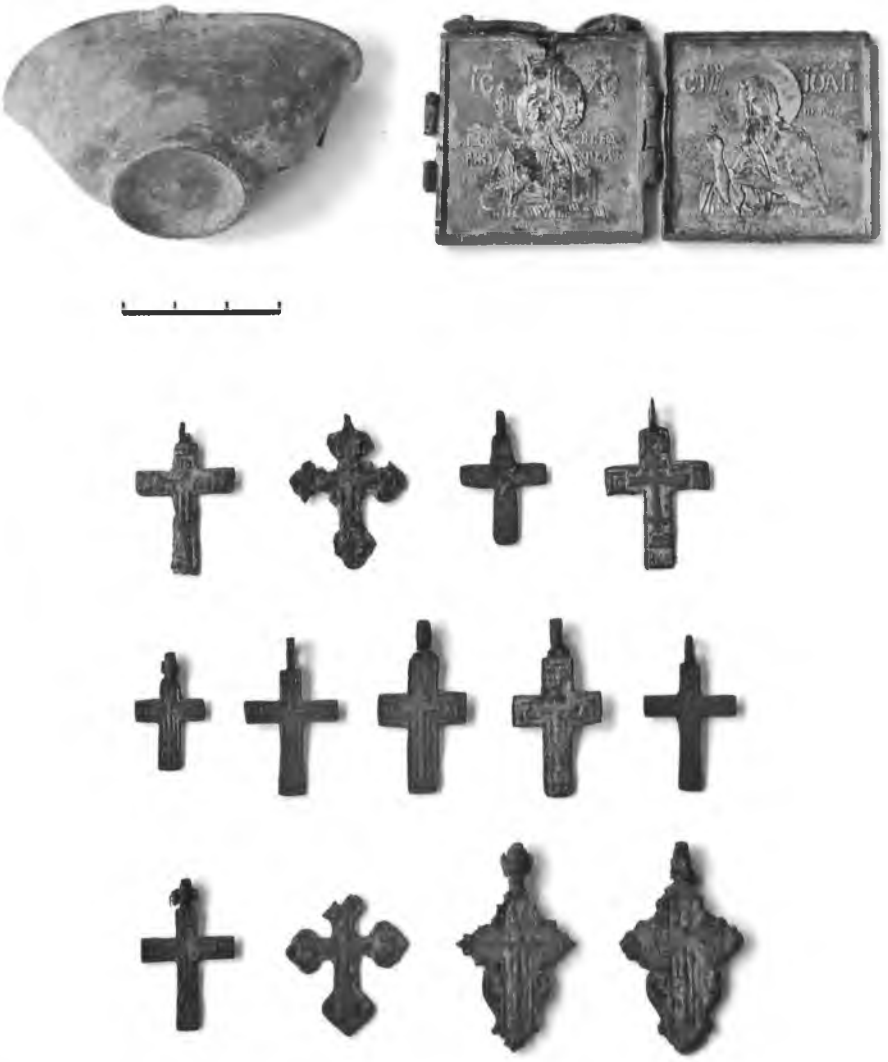

Фото 1

Находки из погребений:

металлическая чашечка с чеканным растительным орнаментом,
часть складной иконы, нательные крестики

Фото 2
Пуговицы, обломки курительных трубок

Фото 3
Монеты

К лучшим иконам Олонецкого края относится «Успение» из дер. Инема (Фото 8. Вкл.). Она посвящена теме успения (смерти) Богородицы, но наполнена, казалось бы, неожиданной для этого скорбного сюжета светлой радостью, выражает победу жизнеутверждающего начала. Такая трактовка «Успения» нередко встречается в древнерусском искусстве, особенно в XV–XVI вв., и перекликается со словами Акафиста (церковного песнопения) Успению Богородицы, где наряду с печальными, погребальными мотивами звучит тема прославления Девы Марии, восходящей к небесному блаженству. Этот круг мыслей и чувств выражен на иконе прежде всего сияющими красками, среди которых преобладают красный, желтый, нежные оттенки голубого, розового. Красочный слой местами настолько тонок и прозрачен, что невольно возникает впечатление некоторой незавершенности иконы. Оно подкрепляется тем обстоятельством, что на одеждах святителей имеется подготовительная графья (разметка по грунту) для орнамента. Возможно, после завершения работы краски приобрели бы большую плотность и яркость, характерную для искусства XVII в.

Строгая композиция иконы построена в соответствии с древней традицией, однако в динамике движений, беспокойном ритме складок одеяний чувствуется воздействие новых тенденций в развитии древнерусской живописи периода распространения изысканного искусства «строгановской школы». В этом отношении олонецкие мастера шли впереди иконописцев более консервативного Обонежья.

XVII–XVIII вв.

Если от XV и XVI столетий до нашего времени дошли лишь единичные произведения иконописи Олонецкого края, то искусство последующего времени представлено в музейных собраниях гораздо полнее, причем в некоторых случаях сохранились целостные ансамбли иконостасов или их важные части.

Рубеж XVI–XVII вв., отмеченный политическим и экономическим упадком Русского государства, был малоблагоприятен и для развития культуры, в том числе и на Севере страны. В конце Ливонской войны шведские отряды совершили несколько рейдов в Карелию, пройдя через селения Олонецкого перешейка. Здесь в конце 1560-х – начале

1580-х гг. было сожжено несколько церквей. Выражение «а церковь пожгли немецкие люди» неоднократно встречается в Писцовой книге Андрея Плещеева и Семена Козьмина 1582/1583 г. В числе пострадавших были церкви Рождества Богородицы и св. Николая Чудотворца Олонецкого погоста, св. Иоанна Предтечи Ильинского погоста, св. Георгия в Видлице, Троицы Сяндебского монастыря и Введения во храм Андрусова монастыря. Селения Олонецкого погоста разорялись и в 1613–1614 гг., когда по этим местам прошли польско-литовские отряды.

С возрождением хозяйства в Заонежских погостах началось восстановление разрушенных и возведение новых храмов. Из их числа в Олонецком погосте сохранилась только церковь святых Флора и Лавра на кладбище с. Мегрега, о которой мы говорили выше. В Писцовой книге 1628–1631 гг. Никиты Панина и Семена Копылова говорится: «Сельцо что была деревня Заручье Кабуева у часовни… Да в той же выставке поставлен вновь на бору храм священномучеников Флора и Лавра древян шатровой…» (РГАДА, ф. 1209, № 308, л.46 об., 48). Эта церковь является одним из немногих культовых сооружений Олонецкой округи, сохранившихся до нашего времени, поэтому заслуживает более подробного описания.

В церковной метрике храм святых Флора и Лавра датируется 1613 г. Старинное предание связывает его основание с памятью об ожесточенном сражении с литовскими отрядами. В метрике церкви упомянут старый крест, поставленный «на погребенных телах» воинов и возобновленный в конце XIX в. (Метрика церкви св. Флора и Лавра в с. Мегрега, 1887 г.). Храм также мог иметь мемориальное значение. Это объясняет, почему на новом месте («на бору») и к тому же поблизости от только что построенного храма Воскресения в Мегреге поставили не часовню, а довольно большую церковь. Не вполне обычно ее посвящение святым Флору и Лавру. Достаточно сказать, что это единственная в Обонежье церковь во имя указанных святых, упомянутая в Писцовой книге 1628–1631 гг. Возможно, что церковь унаследовала название одной из древних часовен, так как Флор и Лавр относились к числу наиболее почитаемых святых. Им поклонялись не только как покровителям коневодства, но и как целителям, защитникам воинов-всадников. Это последнее обстоятельство могло учитываться при посвящении храма (Лазарев, Мнева, 1978, с. 194). Возможно, некоторое

значение имел и сюжет из жития святых Флора и Лавра, согласно которому святые построили христианскую церковь вместо языческого храма Аполлона. Тема борьбы с иноверцами, а к ним причисляли «немецких и литовских людей», разорявших северные погосты, была актуальной в эпоху «смутного времени».

Живописное убранство этого храма складывалось на протяжении длительного времени, в основном в XVII–XVIII вв. Об иконостасе времени постройки церкви мы можем составить представление по материалам Писцовой книги 1628–1631 гг. Он имел два яруса (местный ряд и деисусный чин), завершаясь иконой Спаса нерукотворного. Такой тип двухрядного иконостаса был наиболее распространенным в Обонежье XVII в. Справа от царских врат – центрального входа в алтарь – размещалась храмовая икона «Святые Флор и Лавр, с житием», далее – «Святой Власий, с житием» (с древним вставным средником), «Рождество Христово», «Преображение» и иконы наиболее чтимых святых – Николая, пророка Ильи и Георгия. Слева от царских врат располагались иконы «Богоматерь Одигитрия», «Святые Зосима и Савватий Соловецкие», «Святой Александр Свирский» (РГАДА, ф.1209, № 308, л. 48, 48 об.).

Сравнивая иконостасы церкви святых Флора и Лавра и других храмов Карелии первой трети XVII в., можно отметить, что он обладал целым рядом особенностей. Иконы святых Флора и Лавра в этот период встречались довольно редко и находились лишь в храмах южного Обонежья (Олонецкий, Остречинский и Андомский погосты). Не менее редкой является икона св. Власия, причем из числа обонежских храмов его изображения имелись только в церквах Олонецкого погоста (церквах Рождества Богородицы на погосте и Воскресения Христова в Мегреге). К сказанному можно добавить, что мегрегская церковь была единственной в Обонежье, имевшей житийную икону св. Власия. Нечасто встречались в этот период и иконы основателей северных монастырей – Соловецкого и Свирского.

Некоторые из упомянутых в писцовой книге икон дошли до нашего времени. Об иконе «Св. Власий» конца XV – начала XVI вв. уже говорилось. Этот древний памятник живописи перешел, вероятно, из часовни во вновь построенный храм, причем для него была изготовлена рама с житийными клеймами. Из числа икон деисусного

чина сохранилась «Богоматерь» (Государственный Русский музей). Чин также древнее церкви и датируется XVI в. В собрании Русского музея хранится икона-рама с клеймами жития святых Флора и Лавра. Ее древний вставной средник (изображение в середине иконы) утрачен. Живопись на раме пока находится под позднейшими записями. Судя по характеру развитого архитектурного фона клейм, икона написана также в XVII в., но позднее времени постройки церкви.

В конце XVII в. в иконостасе этой церкви появился ярус «праздников» – икон на сюжеты из Нового Завета (о них речь пойдет ниже). В XVIII–XIX вв. иконостас неоднократно переделывался и приобрел четырехрядную структуру. Древние тябла (простые полки для икон) заменили столярной рамой. В 1865 г. церковь святых Флора и Лавра и ее иконостас были «переправлены» на средства местного крестьянина Ивана Яковлева Такуева. Об этом сообщает надпись на иконе с изображением святых Флора, Лавра, Власия, Троицы Новозаветной и Странствий души после смерти (Брюсова, 1972, с. 117). Из мегрегского храма происходят не только иконы, но и монументальное «Распятие» XVIII в., исполненное в традиционной для Севера технике плоскорельефной резьбы.

Внутреннее убранство церквей XVII–XVIII вв. отличалось скромностью. Наиболее типичный иконостас сельского храма XVII в. состоял из двух рядов – местного и деисусного, но в Олонецком погосте встречались довольно необычные их варианты. Так, в церкви Воскресения на р. Мегреге небольшой трехфигурный деисус во втором ярусе иконостаса был окружен иконами св. Георгия, пророка Ильи, св. Власия, св. Николая. Здесь же находился «Покров» и икона со сложной композицией. Над иконостасом, как обычно в то время, стояла икона Спаса нерукотворного (РГАДА, ф.1209, № 308, л. 47). Еще более редкий вариант двухрядного иконостаса отмечен в церкви Апостолов Петра и Павла в с. Горы на р. Видлице. Здесь в центре второго яруса была размещена икона Спаса нерукотворного, а по сторонам «на одной цке» (доске) написаны архангел Михаил, Воскресение Христово, св. Николай и св. Параскева Пятница. Писец специально отмечает, что эти иконы стояли «в деисус места», то есть на обычном месте деисусного чина. В церкви Пророка Ильи дер. Вахтерсалма «в деисус места» также находилась икона Спаса нерукотворного (там же, л. 620, 637). По мнению известного исследователя древнерусской

живописи Э. С. Смирновой, подобные композиции могут восходить к древним приемам оформления алтарных преград, существовавших в храмах до появления высокого иконостаса (Смирнова, 1976, с. 354). На такой преграде устанавливали один ряд икон, центр которого занимал Деисус, а края – иконы «праздников» (Бетин, 1970, с. 44). Икона Спаса нерукотворного в сходных по типу композициях как бы заменяла деисус, олицетворяя идею Воплощения – пришествия Христа в земной мир как одну из тем деисусного чина (Лазарев, 1946, с. 67–76, ил. 26).

Развитие иконостасных композиций в XVII в. способствовало расцвету иконописания. Хороший профессиональный уровень исполнения икон объясняется еще и тем, что Олонецкий край, расположенный в южной части Обонежья, имел долговременные культурные связи с Новгородом и другими художественными центрами этого региона. Находящийся поблизости Тихвинский посад стал в XVII в. крупным ремесленным городом, в котором имелись иконописные мастерские. Тихвинские мастера работали для обширной округи, исполняя заказы по созданию иконостасов (Сербина, 1951, с. 152–156). Александро-Свирский монастырь, не имея собственной иконописной мастерской, приглашал художников из ближних и отдаленных городов – Новгорода, Каргополя, Тихвина, Москвы, Костромы. Торговые связи города способствовали притоку икон, написанных в других центрах. Например, сохранилась икона «Праздники, сцены из житий святого Николая, преподобного Александра Свирского, великомученика Никиты», написанная в 1656 г. в Великом Новгороде «по повелению Олонецкого города подьячего раба Божия Иоанна Перфильева сына Фишакова» (ныне в собрании Государственного Эрмитажа).

О развитии иконописного дела в Олонце и его округе сохранилось мало сведений, но его мастера были известны далеко за пределами погоста. Среди мастеров, приехавших в Александро-Свирский монастырь, упоминаются иконники из Олонца, сел Кондуши и Сермакса (Соловьева, 1990, с. 10, 14). Источники называют живших в Олонце серебряников, иконописцев, переписчиков книг.

Насколько можно судить по дошедшим до нашего времени произведениям, олонецкие мастера сочетали новые художественные приемы с характерным для «северных писем» общим традиционным

подходом. Любовь к звучным краскам и обильному узорочью характеризуют стиль исполнения иконы «Успение» XVII в. из дер. Большие Горы. Художник использует чистые тона ярко-красного и желтого, контрастно сочетая их с темно-зеленым.

В «Преображении» второй половины XVII в. проявился интерес к повествовательной стороне (Фото 9. Вкл.). Здесь изображены не только основная сцена явления Христа ученикам на горе Фавор, но также предшествующий и последующий эпизоды восхождения Христа с учениками на гору и их обратный путь. На ликах апостолов читается целая гамма чувств: живое любопытство, радость познания истины, потрясение увиденным. В изображении пейзажа художник дал волю живописному началу, используя выразительность свободного мазка.

Среди творений олонецких мастеров выделяются своеобразием «праздники» конца XVII в. из церкви св. Флора и Лавра с. Мегрега. Сохранилось 11 икон, однако первоначально, с учетом обязательных сюжетов, в иконостасе их было не менее 15.

Авторы мегрегских икон хорошо знали искусство своего времени и использовали некоторые характерные приемы иконописи позднего XVII в., что проявилось в несколько манерном рисунке фигур и складок одеяний, нетрадиционной форме горок, колорите. Чертами фольклорного простодушия отмечена трактовка «Рождества Христова». Хрупкие большеголовые фигурки словно участвуют в неком таинственном ритуале. Действие происходит на фоне пологих холмов с причудливыми волнообразными контурами. Художник строит композицию по традиционному плоскостному принципу, мало заботясь о пространственных эффектах, столь распространенных в иконописи этого периода. Ясли с фигуркой младенца Христа, лежащая Богоматерь изображены параллельно иконной плоскости, тогда как волхвы и персонажи нижнего регистра даны с иной точки зрения.

Несколько иначе написано «Сошествие во ад», относящееся к лучшим иконам праздничного цикла из Мегреги (Фото 10. Вкл.). В образе Христа, обычно строгом и величественном, неожиданно звучат задушевные ноты. Взяв Адама за руку, Христос тихо и ласково беседует с ним. В живописи фигур есть изящество и динамика. Мегрегские «праздники» своеобразны по колориту. Теплые оранжевые,

охристые, коричневые тона контрастно сочетаются с темно-синим, голубым, ярко-желтым и белым.

На фоне развития искусства Обонежья XVII в. иконопись Олонецкого края представляет собой особое, вполне самобытное явление и в тоже время оно имеет точки соприкосновения с памятниками из соседних, более южных областей Севера. Для искусства олонецких мастеров характерен живой отклик на появление новых направлений и иконописи XVII–XVIII вв. Развитию иконописного дела способствовало, несомненно, превращение Олонца в довольно крупный ремесленный центр. В середине XVII в. строится Олонецкая крепость, обновляются старые и возводятся новые храмы. Среди последних – Успенская церковь XVIII в. на кладбище при дер. Кунелица. Надпись на храмовой иконе «Успение» сообщает даты постройки (1788 г.) и возобновления (1862 г.) церкви, которое сопровождалось поновлением иконостаса.

Четырехъярусный иконостас представляет собой простую столярную раму с частичным золочением деталей. Иконографическая программа и стилистика икон отражают те значительные изменения, которые произошли в художественном оформлении северных храмов в XVIII в. «Праздничный» ярус иконостаса теперь размещается под деисусным чином, то есть ближе к прихожанину. Деисус по иконографии принадлежит к «апостольскому» типу, появившемуся в храмах Карелии не ранее конца XVII в. Новым явлением было и размещение в самом верхнем ярусе иконостаса сюжетов «страстного» цикла, повествующих о страданиях Христа.

Среди икон нижнего, так называемого «местного» ряда особенно интересен храмовый образ, состоящий из трех частей – средника со сценой «Успения Богородицы», вставленного в икону овальной формы с изображением сонма киевских святых, и прямоугольной рамы с образами святых Иакова брата Божия и мученика Терентия (храм был освящен в день поминовения апостола из числа семидесяти Тертия-Терентия). Икона «Успение» имеет несколько необычный горизонтальный формат и украшена металлическим окладом. Надпись на ее нижнем поле сообщает: «Изображение и мера чудотворного образа Успения Пресвятыя Богородицы иже обретается в Лавре Киево-Печерской». Вероятно, икона восходит по иконографии и композиции к древней киевской святыне. Интересно, что очень близкая

икона находилась в Коневецком монастыре на Ладожском озере (это произведение, датируемое XVIII в., ныне хранится в Церковном музее г. Куопио, Финляндия. См.: Pyhät kuvat, 1985, k. 12). Все эти факты говорят о пока совершенно не исследованных связях устроителей церкви с монастырями Ладожского озера (Коневецкая обитель), а через них – с Киево-Печерской лаврой.

В Успенской церкви хранится много икон, перенесенных из других храмов. Среди них – уже упомянутые древние иконы, но преобладают памятники иконописи XVII–XVIII вв. Своими монументальными размерами выделяется «Огненное восхождение пророка Ильи» конца XVII в. – характерное произведение «северных писем». Из крупного иконостаса происходят иконы пророческого чина. Многие памятники, и в числе них «Св. Николай поясной», нуждаются в реставрации и изучении.

Значительный историко-художественный интерес представляют олонецкие часовни XVIII–XIX вв., в облике и убранстве которых отразились местные традиции. На территории Олонецкого района до середины XX столетия сохранялось около трех десятков часовен. Многие из них были построены в XVIII в., но в дальнейшем их архитектурный образ обогащался благодаря пристройке звонниц, возвышавшихся над западными членениями этих миниатюрных построек.

Часовня как культовое сооружение отличается от церкви отсутствием алтарной части и несколько иным устройством иконостаса. Художественное убранство часовен, особенно тех, что были расположены в отдаленных селениях и на кладбищах, в меньшей мере было подчинено регламентации, характерной для XVIII–XIX вв. В часовнях можно встретить необычные приемы оформления иконостаса, отражающие своеобразие «народного православия».

Даже в позднее время часовенный иконостас мог быть очень скромным, представляя собой лишь полку для икон, освещенную скупым светом из небольшого волокового окна. Обычной была композиция из двух рядов. Интересное описание живописного оформления олонецких часовен дал во второй половине XIX в. П. Минорский: «Внутреннее устройство их везде одинаково: на первом месте, или, лучше сказать, на передней стене стоит икона праздника, обвешана полотенцами и крестами, а перед ней – лампада со свечей и столик,

прикрытый скатертью; по ту и другую сторону главной иконы стоят, в параллель с нею, другие иконы, жертвованные, по усердию, разными лицами, или просто ветхие иконы, которых дома некуда девать» (Минорский, 1879, с. 743).

Характерным примером эволюции убранства небольшого сельского храма является иконостас часовни Св. Никиты архиепископа Новгородского, в дер. Матчезеро. По мнению известного исследователя архитектуры В. П. Орфинского, она была построена около середины XVIII в. и состояла из трех помещений – молельни, трапезной и сеней. Небольшое, почти квадратное пространство молельни освещалось двумя волоковыми окнами. Судя по характеру врубок на восточных концах продольных стен, первоначально в часовне существовала лишь полка для икон. Позднее ее заменили тябловым иконостасом. Это произошло, видимо, во второй половине XVIII в., когда в целях улучшения освещенности интерьера волоковые окошки переделали в трехкосящатые. К этому времени относится икона «Св. Никита епископ новгородский и св. Иоанн архиепископ новгородский». В иконостасе матчезерской часовни наряду с поздними иконами сохранились и древние памятники, перенесенные, очевидно, из часовни-предшественницы: «Св. Параскева Пятница», «Чудо архангела Михаила» XVI в., «Спас нерукотворный», «Успение» XVII в. Эти иконы, имеющие небольшой размер, отвечали камерному характеру интерьера часовни.

Значительно чаще встречаются иконостасы, в которых уже на раннем этапе имелся деисусный чин. Он нередко писался на одной длинной доске горизонтального формата. Подобный чин композиционно занимал довольно скромное место в иконостасе среди других икон, и в этом смысле напоминал невысокие чины древнейшей поры. Примером такого решения является иконостас из двух ярусов в часовне св. Димитрия Солунского дер. Чилмозеро. Здесь 17-фигурный чин «апостольского» типа был написан на трех узких горизонтальных досках. Это произведение датируется первой половиной XVIII в.

Тем же художником, судя по живописи, создана икона «Святые Флор, Лавр, Власий» (Фото 11. Вкл.). Она заслуживает особого внимания как пример иконографического творчества северного мастера. Святые покровители коневодства и домашнего скота изображены

стоящими на вершинах горок, а в нижней части иконы размещены два коня в геральдических позах и привольно пасущиеся на холмах домашние животные. Общая композиция напоминает весьма распространенные на Севере иконы «Чудо архангела Михаила о Флоре и Лавре», однако на иконе из дер. Чилмозеро на месте архангела Михаила в центре верхнего яруса изображен св. Власий. Светлый голубовато-охристый колорит, массивность фигур и живописная манера исполнения ликов характерны для русской иконописи XVIII в.

Среди произведений рубежа XVIII–XIX столетий из той же часовни выделяется «Чудо св. Димитрия Солунского». Эту икону отличает особая тщательность письма, виртуозное владение кистью, что свидетельствует о высоком уровне развития местного иконописания. Нельзя, однако, не отметить, что искусству этого периода часто недостает непосредственности восприятия сюжета, сочности живописного языка. Из чилмозерской часовни также происходит подписная икона «Собор Богоматери», созданная в 1899 г. мастером Семеном Ильиным Олонецким. Таким образом, на примере произведений из одной сельской часовни можно проследить развитие искусства олонецких мастеров на протяжении двух столетий.

Одной из наиболее характерных по своему убранству является часовня Архангела Михаила в дер. Новинка. Построенная в первой половине XVIII в., она состоит из двух помещений – молельни и сеней. Сруб молельни был более высоким и завершался традиционными повалами – плавным расширением продольных стен. Интерьер освещается через волоковые окна. Со временем строительства можно связать и установку многих икон местного ряда иконостаса. Его состав типичен. По сторонам от храмовой иконы «Архангел Михаил грозных сил воевода» стояли «Богоматерь Одигитрия», «Св. Власий», «Пророк Илья», «Св. Николай, с житием», «Чудо св. Георгия о змие», «Апостолы Петр и Павел». Нетрудно заметить, что выбор святых определяется их почитанием в народной среде как покровителей домашнего скота, урожая, защитников от нечистой силы. В настоящее время сложно сказать, какой характер в первой половине XVIII в. имели иконы второго яруса иконостаса. Возможно, это была композиция из вкладных икон «праздников» и избранных святых. Деисусный чин из 17 фигур (размещенных на 13 иконах) здесь появился в более позднее время.

Из произведений иконописи этой часовни отреставрирована наиболее интересная икона – «Св. Николай Чудотворец, с житием» (Фото 12. Вкл.). Ныне это широко известный памятник первой половины XVIII в. из коллекции Музея изобразительных искусств Республики Карелия, отражающий новые тенденции развития «северных писем». Для эпохи создания иконы характерен ее светлый колорит, составленный из голубых, розовых, охристых тонов в сочетании с серебром. Цикл житийных сюжетов из 14 клейм, окружающих средник, довольно типичен для северной иконописи. Так, три клейма посвящены изгнанию нечистой силы из человека, древа и кладезя. Вероятно, эта тема особенно привлекала внимание заказчиков. Очень любопытны клейма, рассказывающие о приведении отрока Николы во учение. Родители привели мальчика в монастырскую школу, где его встречает учитель-монах. В следующем клейме перед нами предстает интерьер бревенчатой кельи, где на скамье сидят ученики с азбуками в руках. Иконописцы XVIII в. часто вводили оживляющие повествование предметы русского быта. В клейме «Св. Николай избавляет Агрикова сына Василия от плена» передана сценка возвращения отрока в родной дом. За столом, уставленном яствами, изображены родители Василия. Они поражены чудом внезапного появления сына. Вероятно, художник использовал не только текст жития св. Николая, но и посвященные ему духовные стихи, широко известные в народе. В них, в частности, говорится, что при возвращении отрока во дворе приветственно лаяли собаки. Василий «стоит в сарацинской одежде, в руке держит вина скляницу полну, во второй руке он чару золотую» (Былины, песни и духовные стихи.., 1860, с. 63). На иконе мы видим мальчика, на голове которого одета иноземная шапка с загнутой назад тульей, а в руках сосуд. Не забыта и собака, радостно встречающая Василия. Подробности и метко схваченные детали быта не превращали икону в подобие жанровой картины. Каждый сюжет житийных клейм помогал выразить те идеалы милосердия, добра, справедливости, олицетворением которых в народном сознании стал св. Николай.

Иконопись Олонецкого края позднего периода уже не дала столь ярких, самобытных образцов, как в предшествующую эпоху. Глубокий кризис средневековой системы иконописания затронул и Север. Это чувствуется даже в произведениях мастеров-старообрядцев, стремившихся к консервации традиций прошлого.

В XIX в. значительное распространение получают иконы, изготавливаемые в больших количествах для продажи на ярмарках. В манере их исполнения преобладают приемы скорописного письма, предельное упрощение композиции и рисунка. В то же время в смелости обобщений, сохранении старой техники темперной живописи еще чувствуется дыхание уходящей великой культуры. Привлекательной чертой многих подобных произведений является особая близость к народным росписям по дереву, лаконизму и мудрой «простоте» крестьянского искусства.

Сравнительная близость Петербурга способствовала появлению в храмах Олонецкой земли икон, написанных в академической манере и новой технике масляной живописи. Так, в церковь Спаса нерукотворного Ильинского прихода были доставлены девять икон на холсте очень известного петербургского художника, профессора Императорской Академии художеств А.Е. Егорова. Как отмечает П. Минорский, они представляли собой эскизы для икон церкви Таврического дворца (Минорский, 1879, с. 743). Подобные произведения служили иногда образцами для местных художников, которые использовали некоторые приемы светотени, перспективного изображения пространства, соединяя их с традиционным композиционным и ритмическим строем иконы.

Завершая краткий обзор развития иконописи Олонецкого края, мы с полным основанием можем сказать, что на этой земле созданы замечательные памятники изобразительного искусства, нередко стоящие в одном ряду с лучшими творениями мастеров других областей Русского Севера. Произведения олончан отличались отточенностью приемов письма, колористическим своеобразием, живым откликом на новые художественные веяния и подчас неожиданной их интерпретацией.

Собранные в отдаленных селениях, порой спасенные от гибели музейными экспедициями древние иконы обрели новую жизнь. Их можно увидеть в постоянной экспозиции Музея изобразительных искусств Республики Карелия, на выставках. Многим памятникам древности еще предстоит пройти реставрацию, и, надо надеяться, нас ждут новые и интересные открытия.

ТОПОНИМИЯ ОЛОНЕЦКОГО КРАЯ

Олонец – это не только старое и довольно значительное поселение на юге Карелии. Олонец является самым древним топонимом, т. е. географическим названием (от греческих слов: топос – «место», онима, онома – «имя»), на карельской земле. Как уже отмечалось, в русских источниках впервые он был зафиксирован в приписке к Уставной грамоте князя Святослава Ольговича и в других письменных источниках XIII в. (см. с. 19 наст. издания). Более того, ряд ученых склонны усматривать это название в загадочной записи «Thiudos Inaunxis», сделанной в VI в. н. э. готским историком Йорданом при перечислении им северных народов (с опорой на греческие источники), – «Чудь в Олонце» (Халипов, 1988, с. 80). Видимо, для такого предположения есть основания, если иметь в виду местное, карельское обозначение Олонца – Anus (в Олонце – Anukses), откуда финское – Aunus.

Как и почти все древние, давно возникшие названия, ойконим Олонец – Anus по своему происхождению и по смыслу темен, загадочен. Неоднократно предпринимаются попытки его расшифровки (Керт, Мамонтова, 1976, с. 69–71; Мамонтова, 1982, с. 20), но пока ни одна из них не может считаться удовлетворительной. До сих пор остаются нерасшифрованными названия основных рек Олонии – Видлицы, Тулоксы, Олонки, Туксы, одного из крупнейших водоемов Европы – Ладожского озера и целого ряда других крупных объектов.

Топонимия Олонецкого района – совокупность всех его географических названий, являясь языковым свидетелем далекого прошлого, совместно с данными других наук проливает свет на решение вопросов, связанных с историей заселения края. В названиях мест заложена, кроме того, богатая информация о его естественно-географической среде, хозяйственном освоении, разнообразных сторонах жизни и деятельности местного населения.

Точных указаний на происхождение огромного большинства названий мест, естественно, нет. Они рождались, как правило, стихийно, в различные исторические периоды. Иногда прямо, а чаще косвенно топонимы несут на себе приметы того времени, когда они возникли.

Среди множества названий населенных пунктов (ойконимов) Оло-нецкого района довоенного периода выстраивается довольно длинный ряд однотипных, относящихся к поселениям, расположенным в большинстве вдоль основных рек: Аннюла, Сиртила, Чоппила (Большие Горы), Тюккула, Пирдойла, Пиккойла (Видлица), Веккойла, Дондейла, Канойла, Отчула, Чимойла, Теппойла (Кукшегора), Асиппала, Лехтойла, Локкала, Мергойла, Пеммула, Рабала, Теппила, Таккула, Чомала (Тулокса), Чотчойла (Тигверы), Виллала, Ватчейла, Гошкила, Тюгьяла (Коткозеро), Гушкала, Алексала, Антула, Герпеля, Гомала, Гошкила, Зивчала, Зубботала, Игатчала, Каройла, Кирилла, Корвала, Кунейла, Кярбяля, Котчила, Мартойла, Еройла, Пирпула, Платчойла, Ругойла, Сеппеля, Керкяля, Теркула, Угмойла, Яккойла, Проккойла (Ильинский), Валойла, Мельчула, Анкила, Виллейтула, Гарбала, Климшойла, Рышкала, Текатчула, Теппула, Эмчила, Юккула, Шаройла, Паппила (Тукса), Вангимала, Гамойла, Гейтойла, Канейла, Керойла, Керчула, Кожала/ы, Курчала/ы, Павойла, Рытчейла/ы, Хуккала, Тимойла, Гажела/ы, Керкойла, Онейла, Ройкойла, Ромойла (Олонец).

Добавим еще те, что оканчиваются на -лица/-лицы (ср. Юксила или Юксилицы, Нурмойла или Нурмолицы, Манейла или Манелицы): Ватчелицы, Иммалицы, Геркелицы, Гяккелицы, Кунелицы, Наннулицы, Рыпушкалицы, Судалицы, Татчалицы, Тергелицы, Чергелицы, Черелицы, Чимилицы, Юргелица и т. д.

Как те, так и другие формы представляют собой русские (официальные) названия, соответствующие старым карельским, в составе которых выделяется локативный, т. е. обозначающий место, суффикс -l (-la, -lu): Котчила – Kotčil, Созойла – Sozoilu, Пирпула – Pirppul, Капшойла – Kapšoilu, Копкела – Kopkel, Керкейла – Kerkoilu, Ромойла – Romoilu, Татчелицы – Tatčal, Тюгяла – Tuhjäl и т. д.

Подобные им, так называемые л-овые ойконимы отмечены не только у олонецких карел-ливвиков. Они довольно часто встреча-

ются на обширной территории проживания прибалто-финнов (карел. вепсов, финнов, эстонцев), но у каждого из этих народов представлены по-разному. Распространенность названий мест, образованных по л-овой модели, определенным образом свидетельствует о древности заселения обширной территории, включающей южную Финляндию, северную Эстонию, северо-западное и восточное Приладожье (Карельский и Олонецкий перешейки), Присвирье, бассейны рек Ояти и Капши (Ленинградская область).

По мнению исследователей, названия поселений с л-овым суффиксом появились в местах наиболее раннего оседлого земледельческого прибалтийско-финского населения (Муллонен, 1989, с. 103, 106). Чаще всего он присоединялся к антропонимической основе, иначе говоря, к имени или прозвищу человека, являвшегося первопоселенцем, основателем того или иного поселения. В Карелии наблюдается скопление л-овых ойконимов в Приладожье и Олонецком районе, реже они встречаются на севере Карелии, на территории проживания карел-людиков их почти нет.

В олонецкой ойконимии множество названий на -л произошли от христианских личных имен, усвоенных и переработанных карелами (согласно нормам карельского языка) после их обращения в православную христианскую веру. Ср. такие названия бывших и настоящих сел и деревень, как: Алексалица –Aleksal (Aleksii – рус. Алексей), Аннюла – Aṅṅul (Aṅṅi, Aṅṅu – рус. Анна), Антула – Antul (Antoi, Anttu – рус. Антон), Асиппала – Asippal (Asippu – рус. Осип), Гошкила – Hoškil (Hoški – рус. Осип), Еройла – Jeroilu (Jeroi – рус. Еремей), Иссойла – Issoilu (Is(s)oi – рус. Исаак или Исай), Климшойла – Klimšoilu (Klimšoi – рус. Клим, Клементий), Мартойла – Martoilu (Martoi – рус. Мартын), Онькулица – Oṅkul (Oṅk(k)u – рус. Андрей (Онька)), Павойла – Pavoilu (Pavoi – рус. Павел), Пирдойла – Pirdoilu (Pirdoi – рус. Спиридон), Проккойла – Prokkoilu (Prokoi, Prokku – рус. Прокоп(ий)), Ромойла – Romoilu (Romoi – рус. Роман), Созойла – Sozoilu (Sozoi – рус. Сазон), Теппула – Teppul (Teppu, Tepoi – рус. Степан), Тимойла – Timoilu (Timoi – рус. Тимофей), Чимойла – Čimoilu (Čimoi – рус. Тимофей), Юккула – Jukkul (Jukku, Jukoi – рус. Иван), Юргелица –Jürgil (Jürgi – рус. Егорий (Георгий, Юрий)), Яккойла – Juakkoilu (Juakoi, Juakku – рус. Яков) и т. д. (Nissilä, 1973, s. 259–260).

Однако среди олонецких л-овых ойконимов, несомненно, есть и более древние, восходящие к самобытным карельским (дохристианским или нехристианским) личным именам и прозвищам, которые и сейчас встречаются у карел, но только в качестве уличных прозвищ и фамилий. Ряд из них поддаются расшифровке, например: Вангимала – Vanhimal (кар. vanhim 'старый, старейший, старший'), Герпеля – Hörrpöl (видимо, от прозвища Hörrpö, Hörrpöi 'болтун', ср. кар. hörrpöta 'болтать'), Пиккойла – Pikkoilu (кар. pikku, pikoi 'маленький, малый'), Пятчила – Päčči1 (ср. кар. päčči 'печь (печка)'), Тюгьяла – Tühjäl (ср. кар. tühjä 'пустой, незаселенный'), Гиттойла – Hittoilu (кар. hitto, hitoi 'черт, леший, дьявол, нечистая сила'), Хуккала – Hukkala (кар. hukku 'волк'), Чомола – Čomal (кар. čoma 'красивый'), Сеппеля – Seppäl (кар. seppü 'кузнец'), Юксила – Jüksil (возможно, от кар. üksi 'один') и т. д.

Без особого труда вспоминаются соответствующие русские фамилии, также образовавшиеся от прозвищ и русских дохристианских личных имен: Старшов, Болтунов, Болтушкин, Малышев, Печкин, Бесов или Чертов, Волков, Красавцев или Красавин, Красин, Кузнецов, Одинец или Одинцов и т. д. Видимо, нехристианский именослов отразился и в ойконимах Геркелица – Kerkel, Каройла – Kuareilu, Гушкала – Huškal, Сорбола – Sorbol, Дондейла – Dondeilu и т. д., однако первоначальные значения слов, послуживших основой для этих карельских личных имен и прозвищ, пока не совсем ясны.

В качестве сравнения отметим, что у ближайших языковых родственников карел – вепсов, первоначально населявших пространства между тремя крупными озерами (Ладожским, Онежским и Белым), на сегодняшний день лишь 60% всех л-овых ойконимов поддаются расшифровке (Муллонен, 1989, с. 109).

Богатство и разнообразие топонимии Олонецкого района не ограничивается названиями населенных мест. В настоящее время записано более 10 тысяч олонецких названий из 66 населенных пунктов, т. е. практически из всех, где карелы-ливвики составляют основную массу населения.

По данным переписи 1926 г., на этой территории (включая Погранкондушский куст поселений, относящийся ныне к Питкярантскому району, но без населенных пунктов Михайловского сельсовета, где

проживают карелы-людики) насчитывалось около 300 поселений. Столь резкое сокращение их числа в последующие годы явилось следствием различных социально-экономических и политических явлений. Одни деревни были сожжены и порушены в годы военного лихолетья, другие оказались со временем в числе так называемых неперспективных, а потому заброшенных и покинутых жителями, которые переселились в города, поселки, центральные усадьбы совхозов. Все это не могло не сказаться на полноте и качестве собранного топонимического материала. Многое уже утрачено безвозвратно.

Вокруг каждого поселения, каким бы малым оно ни было, прежде существовала масса мелких географических объектов, многие из которых были поименованы. Почти каждый карел считал себя прежде всего земледельцем, хотя наряду с этим приходилось заниматься охотой, рыболовством, собирательством и прочими промыслами. Карелы, тесно связанные с природой, знали и любили ее, ориентировались на местности, как у себя дома, во дворе.

Многочисленными были лоскутки полей и особенно покосов, расположенных в поймах ручьев и рек, зачастую в радиусе 10–15 и более километров от деревни. Добираться к ним приходилось по лесным дорогам и тропам, пересекая ручьи и болота, чащи, урочища, низины и возвышенности.

Несмотря на то что в Олонецком районе природно-климатические условия для занятия земледелием были более благоприятны, чем в других районах Карелии (за исключением Заонежья), хорошей плодородной земли даже на Олонецкой равнине не хватало, поэтому у леса постоянно отвоевывались клочки земли путем устройства подсек. Подсечное земледелие (когда на небольшом участке лес вырубался, высыхал, сжигался; золой удобрялись бедные песчано-подзолистые почвы, где в течение нескольких лет высевали рожь, другие культуры, а затем все забрасывалось, постепенно зарастало лесом) было распространено у карел вплоть до революции даже в первые годы существования колхозов.

Все эти земельные участки (ближние и дальние поля и покосы, подсеки и пожоги), кроме нарицательных слов, обозначавших их (peldo 'поле', niittü, nurmi 'покос, пожня', aho 'поляна в лесу', aidu, aijoitus 'загон, огороженное место', halmeh 'поле в лесу', kaski, kases,

kaskes 'пожога, подсека', paikku 'место, пашня', poľanku 'поле в лесу', palo 'пожог, подсека', pergo, pergivö 'место, очищенное от камней и леса под покосы', puustu 'пустошь', rajakko 'заброшенная лесная пашня, подсека; пожня', sargu 'полоска земли', sordo 'выгон для скота', vana 'небольшая пожня' и т. д.), имели еще свои особые названия.

Были названы многочисленные объекты внутри водоемов – рек и озер: острова (suari), полуострова (niemi), проливы (salmi), заливы (lahti), омуты (vongu), броды (kualates), тони, т. е. места лова рыбы неводом (abai), пороги, водопады (koski), мели и отмели (luodo), берега (randu) и т. д. Названия давались возвышенностям (mägi 'гора', mättäs 'кочка, бугор', kallivo 'скала', selgü, vuaru 'гора, покрытая лесом'). болотам (suo, kublu), низинам и ложбинам (alango, alho, orgo), лесным массивам (kangas, boru 'бор', meccü 'лес', viidu 'молодой густой еловый лес'). В самой деревне (külä, hieru) и вокруг нее именовались колодцы (kaivo) и родники (hete, silmükaivo, nouzemu), мельницы (melličcü), риги (riihi), кузницы (paja), сенные сараи (sarai), избушки и шалаши на берегах озер, рек и дальних покосах для ночевок рыбаков, охотников, косцов сена (per't'i, mökki, koda, maja), мосты, мостины через реки, ручьи и влажные болотистые места (sildu, mostin, lava). Даже особо любимые места купания, катания с гор, гуляний и отдыха молодежи могли иметь свои названия.

В Олонецком районе, как, впрочем, и во всей Карелии, у карел существовала богатая разветвленная система географических названий, известных часто только узкому кругу жителей деревни, пользующихся ими. Этому способствовали и сама удивительная природа, и, как видим, особенности жизни и быта местного населения. В большинстве своем карельские по происхождению топонимы просты и бесхитростны: что каким виделось, то и запечатлевалось в названиях мест. Так, в границах одного населенного пункта названием наиболее значительного или важного (с точки зрения называвших) объекта могло стать обозначающее его нарицательное слово – географический термин. Ср. названия ряда деревень: Alango – рус. Аланго в Верхней Видлице и в Больших Горах (alango 'низкое сырое место, низменность'), Kangas – рус. Набор или Бор в Куйтеже (kangas 'бор'), Koskenniśku – рус. Коскен-Нишку в Видлице (koskenniśku 'начало порога в реке'), Liete – рус. Пески в Рыпушкалицах (liete 'пески'),

Lahti – рус. Лахта в Коткозере (lahti 'залив'). В этом ряду встречаются и заимствования из русского языка: Gora – рус. Гора в Коткозере. Особенно много таких названий среди прочих географических объектов, например, покосы, именуемые Alho, Alhot (alho 'низина'), отмечены в деревнях Сеппювара, Левендукса, Алексала, Еройла, Самбатукса, Сорбола; под названием Niemi (niemi 'мыс') существовали поля и покосы в Видлице, Тулосозере, Сорочьей Горе, Канзозере, Каскозере, Ченже-Кескозере, Умосту, Шулке, Сарипороге; покосы Kublu в Тулоксе, луда Kublu в Нурмойле (kublu 'топкое болото'); покосы Orgo в Сеппюваре, Гошкиле (orgo 'сырая низина'); покосы Vana в Утозере, Ипполитове (vana 'небольшая пожня, покос; низина, поросшая травой') и т. д.

При выходе за пределы небольшой территории неизбежно расширялся круг одноименных объектов, что существенно мешало ориентированию на местности, т. е. тому главному, чему призваны служить географические названия. Так появились топонимы, в которых объект не только обозначался, но и характеризовался со стороны присущих ему свойств и качеств: величины, формы, протяженности, цвета, состава почвы и т. п. Например, одна деревня недалеко от с. Видлицы называется Suurimägi – рус. Большие Горы (suuri 'большой'), а другая Raudumägi – рус. Железная Гора (raudu 'железо'), там же существовала еще одна деревня под названием Raudoja – рус. Равдуоя (в переводе 'железный ручей'). Среди «характеризующих» названий множество топонимов с определениями suuri 'большой' и pieni 'маленький':

Suuri/kivi -delanku, -lambi, -sildu (Видлица); -koski (Верхний Конец), -mägi (Ипполитово); -niittü, -selgü (Торосозеро, Гора), -jogi, -korbi, -suari (Коткозеро); -peldo (Заостровье, Шулку), -niittü, -sargu (Воронова Гора), -jürkü, -polanku (Кескозеро), -lambi (Чильмозеро), -suo (Улваны), -kivikkö (Нинисельга), -suari (Мегрозеро) и т. д.

Pieni/luodo (Канзозеро) -jogi (Речная Сельга), -järvi (Галватсельга, Самбатукса); -koski (Верхний Конец), -mägi (Ипполитово); -niittü, -selgü (Торосозеро), -selgü (Гора); -jogi, -korbi, -suari (Коткозеро); -peldo (Заживка, Шулку); -niittü, -sargu (Воронова Гора), -jürkü, -polanku (Каскозеро); -lambi (Чильмозеро); -suo (Улваны) и т. д.

Часто имеем дело с противопоставлением suuri – pieni: два лесных озерка Suuri Raučoi и Pieni Raučoi, а также Pieni Juakoilambi и Suuri

Juakoilambi (Кондусельга); Pieni Kesürdü, Suuri Kesürdü – два урочища (Березовая Гора); Pieni Palojärvi, Suuri Palojärvi (Кукшегора); Pieni Palolambi, Suuri Palolambi, Pieni Virgii, Suuri Virgii – два озерка и два урочища (Коткозеро); две деревни в составе с. Видлицы: Pieni Reboirandu и Suuri Reboirandu – рус. Большой Лисий Берег и Малый Лисий Берег и т. п.

Приведем еще ряд топонимов с определениями pitkü 'длинный', lühüt 'короткий', jürkü 'крутой', kaidu 'узкий', levei 'широкий', korgei 'высокий', madal 'низкий', kovera 'кривой, изогнутый', püöröi 'круглый', süvä 'глубокий' и другие: порог Pitkkoski (Коткозеро), мыс Pitküniemi (Березовая Гора), озеро Pitkülambi (Речная Сельга), поле Pitküjärvi (Тулосозеро), озеро Pitküjärvi, ручей Pitkoja (Пускусельга); порог Lühütkoski (Кескозеро, Тулокса); гора Jürkümägi (Чотчойла, Емельянова Сельга, Кимусельга, Кондусельга); болото Kaidusuo (Куйтежа, Рогокоски), озеро Kaidulambi, ручей Kaiduoja, Kaidoja и поле Kaidupeldo (Коткозеро), озеро Kaidulambi (Алексала, Мачезеро), ручей Kaiduoja (Самбатукса), мыс Kaiduniemi (Верхний Конец); бор Leveikangas (Обжа), порог Leveikoski (Канзозеро). Ср. также название деревни Levendus – рус. Левендукса (кар. levendüs 'расширение' – производное от levei); гора Korgeimägi (Мачезеро, Утозеро), остров Korgeisaari (Кавгозеро), бор Korgeikangas (Гошкила); камень Madalkivi (Гавриловка), гора Madalselgü (Гора, Новая Заживка), порог Madalkoski (Канзозеро), остров Madalsaari (Гавриловка); река Kovera, Koveranjogi, ручей Koveranoja, покосы при нем Koveranniittü (Кукшегора), гора Koverselgü (Торосозеро), порог Koverkoski, озеро Koverlambi (Сеппювара, Верхняя Видлица, Гора, Саримяги, Утозеро и т. д.); озеро Püöröilambi, болото Puöröisuo (Гавриловка, Пертозеро, Большие Сельги, Еройла), озеро Süväjärvi (Кукшегора), озеро Süvälambi, ручей Süväoja (Верхний Конец), ручей Süväoja, гора Süväselgü (Видлица), болото Süväsuo, берег озера Süvärandu (Тулосозеро) и другие.

К этой группе примыкают и такие оценочные названия, как Pahalambi –озеро и Pahasuo – болото (paha 'плохой'), мыс Kaunisniemi (kaunis 'красивый') в Тулосозере и другие, в том числе озеро Pohjatoilambi в Гавриловке (pohjatoi 'бездонный'), покосы Tüüneä в Нинисельге (tüüni 'тихий, спокойный, медленный'), мыс Terävüniemi

в Гавриловке (terävu 'острый'), гора Viäröiselgü в Мачезере, гора Viäröimägi в Коткозере, мыс Viärüniemi в Нурмойле (viäri, viärü 'кривой, изогнутый').

Одна из особенностей родников, а также ручьев и речушек, питающихся от них, отражена в названиях со словом vilu 'холодный': Vilukaivo – колодцы с родниковой водой – отмечены в Видлице, Мегреге, Емельяновой Сельге, Пускусельге, Речной Сельге, ручей Viloja, Viluoja в Ильинском, Лисьей Сельге, Нинисельге, Кимусельге, Тулоксе, Сорочьей Горе.

Цветовые характеристики содержатся в основном в названиях небольших рек, озер, ручьев, болот и связаны, как правило, с особенностью почвы на дне или с растительностью. Чаще всего в названиях фигурируют черный (mustu) и белый (valgei) цвета, в единичных случаях – красный (ruskei): Mustu/jogi, -järvi (Речная Сельга), -lambi, -oja (Кескозеро), -oja (Емельянова Сельга, Кондусельга, Мачезеро, Павойгора), -saari, -lambi, -niemi, -oja, Must/oja (Кавгозеро), -niemi (Нинисельга), -suari (Малые Сельги), -vongu (Инема); Valgeilambi, -suo, -vongu (Гушкала), -järvi (Коткозеро, Самбатукса), -lambi (Мачезеро, Кескозеро, Пертозеро), -suo (Сяндеба, Степаннаволок). Ср. название бывшей деревушки Valgei Vaśoi (Vaśoi – рус. Василий), на месте которой вырос современный пос. Речная Сельга. Встретилось название болота у дер. Пускусельга – Pimeisuo (pimei 'темный'), Ruskei/lambi (Мачезеро), -mägi (Саримяги Торосозерские), -suo (Речная Сельга).

Старицы (старые русла рек) обычно имели названия со словом vahnu 'старый' или kulu 'старый, изношенный': Vahnujogi (Березовая Гора, Торосозеро), Kulujogi (Верхний Конец, Гошкила).

Жители деревни Тенгусельга покосы и болото возле избушки Kuluperti именовали соответственно Kulunpertinalus, Kulunpertinalsuo (в переводе 'под старой избушкой'). Старая дорога на Кукшегору так и звалась сяндебцами Vahnu Kukšemäendorogu или короче – Vahnudorogu, а часть нынешнего поселка Сяндеба именовалась Vahnusändäm ('Старая Сяндеба').

Появление новых объектов – обычно ими служили земельные участки – также фиксировалось в их названиях, включающих слово uuzi 'новый': Uuzipeldo (Афанасьева Гора, Вехкусельга, Гушкала, Ивки, Кавайно, Кескозеро, Кимусельга, Кондусельга, Погранкондy-

ши, Пускусельга, Степаннаволок, Тигверы), Uuziaidu (Гавриловка, Вагвозеро, Пертисельга, Саримяги, Чильмозеро), Uuzikondu (Березовая Гора). Река, промывшая новое русло, получила название Uuzijogi (Гошкила), новый проулок в Нинисельге именовался соответственно Uuzikujo.

Характеристики почвы зафиксированы в названиях, содержащих слова čuuru 'гравий, крупный песок, дресва', raudu 'железо', liete 'песок', lemi 'топь', muda 'муть, ил; грязь, тина': горы Čuuru/selgü (Саримяги), -mägi (Кавайно, Кукшегора, Мачезеро, Улваны); покос Raudumua (Кимусельга), мыс Rauduniemi (Утозеро), болото Raudusuo (Большие Сельги, Веккойла, Инема, Рогокоски); поля Lietepeldo (Куйтежа), Lieterandu (Кимусельга), мыс Lieteniemi (Вагвозеро, Тулосозеро). Ср. название деревни Liete – Пески; покос Lemi (Верхняя Видлица), озеро Lemijärvi (Новая Заживка, Коткозеро, Нурмойла, Пертисельга), болото Lemisuo (Торосозеро), ручей Lemoja (Видлица, Гушкала); Muda/oja, -suo, -järvi, -kangas (Чильмозеро), -lahti (Кескозеро, Мачезеро), -lambi (Березовый Наволок), -randu (Вагвозеро).

И все же наиболее многочисленны в этой группе названия со словами kivi 'камень', kivikkö 'каменистое место': Kivi/-halmeh (Гора, Галватсельга), -pol'anku (Самбатукса), -niemi (Кукшегора), -niittü (Березовая Гора, Воронова Гора, Сеппювара), -oja (Тахтасово), -selgü (Речная Сельга, Сорочья Гора), -suo (Гушкала), -suari (Ильинский) и т. д. – всего около полусотни названий.

Сюда же примыкают топонимы, в которых также отмечаются определенные особенности объектов, выраженные словами lačču 'плоский, отлогий, низинный, ровный', lagei 'ровный, открытый, не заросший лесом', lomu 'хлам, мусор', redu 'грязь': Lomu, Lomun/niitüt (Кескозеро, Сорочья Гора, Тулосозеро), -suo (Саримяги, Умосту); Lačču/selgü (Сеппювара), -kangas (Березовая Гора, Гошкила, Речная Сельга), -niittü (Мачезеро, Сорочья Гора); Lagei/luhtu (Березовая Гора), -suo (Лисья Сельга), -peldo (Тахтасово, Чимойла, Гавриловка), -saari (Тулосозеро); Redu/korbi (Речная Сельга, Большие Горы), -lahti (Мачезеро), -luhtat; (Верхний Конец), -suo (Березовая Гора), Redoja (Кавгозеро, Умосту). Ср. название бывшей дер. Федорнаволок – Reduine.

У болот, помимо цвета (обычно valgei 'белый': из-за травы пушицы), отличительным признаком могла быть избыточная или недо-

статочная увлажненность (märgü 'мокрый', kuivu 'сухой'): Märgüsuo (Куйтежа); Kuivusuo (Кукшегора, Степаннаволок, Малые Сельги).

По названиям мест можно судить и о растительности края в прошлом и настоящем. Среди олонецких топонимов встречаются почти все произрастающие в Карелии породы деревьев и кустарников: береза (koivu), ель (kuuzi), сосна (hongu, mändü, pedäi), ольха (leppü), осина (huabu), липа (niini), ива (paju), вереск (kanabro), верба (birboi), смородина (čihoi), можжевельник (kadai), рябина (pihlai), черемуха (tuomi) и т. д. К ним примыкают и те, что образованы от названия участков с растительностью определенного рода: kangas 'бор', viidu 'молодой густой ельник', korbi 'чаща; глухой еловый лес', salo 'глухой лес', rošš̆u 'роща (обычно при кладбищах)', lehto, lehtikkö 'лиственный лес', pedäikkö, hongikko 'сосняк', kuuzikko 'ельник', koivikko, koivisto 'березняк', lepikkö 'ольховник, ольшаник'. Деревни Koivahanmägi – рус. Березовая Гора, Koivuselgü – рус. Койвусельга, Niiniselgü – рус. Нинисельга возникли в свое время, видимо, на возвышенностях (сельгах), где росли березы (береза) и липы (липа), что нашло отражение в их названиях. Очень много подобных названий в микротопонимии: гора Koivuselgü, покосы Koivikonniitüt в Тулоксе и Тулосозере, болото Koivusuo в Вороновой Горе, озеро Koivulambi в Сеппюваре, колодец Koivukaivo в Новой Заживке, мыс Koivuniemi в Гушкале и Пускусельге, покос Koivikko в Анхуле, болото Koivistosuo, мыс Koivistoniemi в Видлице и т. д.

Приведем и другие примеры «растительных» названий: покосы Korbiniittü (Коткозеро, Новая Заживка, Сорочья Гора, Тигверы, Тулосозеро); озеро Lehtolambi (Речная Сельга); поле Rošš̆upeldo, остров Viidusuari (Нурмойла); болото Birboisuo (Алексала); покос Čihoiniittü (Воронова Гора); болото Huabusuo (Чотчойла, Сорбола); озеро Hongulambi (Кескозеро); остров Kadaisuari (Самбатукса), ручей, озеро и покосы Kanabronoja, Kanabrujärvi, Kanabrunurmet (Погранкондуши); поля Kuuzipeldo (Саримяги Торосозерские), Kuuzaidu (Кельнаволок); мыс Leppüniemi, озеро Leppülambi (Мачезеро); пристань Pajuvalgamo (Коткозеро); мыс Pedäiniemi (Чотчойла); мыс Pihlainiemi (Кескозеро); ручей Tuomoja (Березовая Гора, Кимусельга) и т. д.

Помимо названных пород деревьев и кустарников, в топонимах встречаются и обозначения определенных травянистых растений,

сельскохозяйственных культур, например, деревни Vehkuselgü – рус. Вехкусельга (vehku 'вахта трехлистная, белокрыльник'), Ruogokoski – рус. Рогокоски (ruogo 'тростник'), покосы Kortehniittü в Лахте Утозерской (korteh 'хвощ'), болота Muuŕoisuo в Заостровье, Гавриловке, Тулоксе (muuŕoi 'морошка') и т. д.; Hernehrajakko – поле в Канзозере (herneh 'горох'), Ozruselgü – поле в Вороновой Горе (ozru 'ячмень'), Nižupeldo – поле в Вагвозере (nižu 'пшеница') и т. д.

Животный мир также находит свое отражение в олонецкой топонимии, хотя не всегда с уверенностью можно вести речь об этом, так как обозначения животных стали со временем употребляться в качестве личных имен или прозвищ людей. Например, остров на р. Олонке назывался Peuransuari не потому, что там водились олени (peura 'олень'), а потому, что принадлежал он Оленевым. Неясно, от чего происходят названия полей Dänöipeldo (Унойла), Jänöipeldo (Вагвозеро), Jänöipolanku: от слова dänöi, jänöi 'заяц' или от антропонимов Заяц, Зайцев. Название деревни Hukkal – рус. Хуккала навряд ли объясняется, как уверяли местные жители, обилием волков (hukku 'волк'): л-овый суффикс позволяет более уверенно говорить о его происхождении от имени или прозвища Hukku – Волк(ов). В дер. Антула называли мыс Heboniemi, однако к лошади (hebo) название имело весьма косвенное отношение: просто там росла в изобилии трава, именуемая heboheinü. Так и местечко на берегу Пускозера живущими в дер. Пускусельга называлось Joučenrandu – 'лебединый берег' (joučen – 'лебедь') по зарослям травы joučenheinü.

Тем не менее названия, которые обязаны своим происхождением животным, имеются, и в немалом количестве: болото Hirvoisuo вблизи Самбатуксы (hirvi 'лось'), болото Kondiisuo возле Гавриловки (kondii 'медведь'), гора Mügrämägi, ручей Mügräioja у Речной Сельги, мыс Mügränniemi в Куйтеже (Mügrü 'крот'), озеро и деревня Mägrätjärvi – рус. Мегрозеро, река, вытекающая из него, Mägriijogi, Mägriänjogi и расположенное вдоль нее село Mägrii, Mägriänhieru – рус. Мегрега (mägrü 'барсук') и т. д. Причины появления подобных названий могли быть разные: то ли называли по изобилию водившихся там животных, то ли одно-единственное промелькнуло и оставило след в памяти называвших, то ли еще по какой-то неведомой нам причине – остается только гадать. И правда, почему одна деревня называется Лисья Сельга – Reboiselgü, а две другие в Видлице Большой Лисий Берег – Suuri Reboirandu и Малый Лисий Берег – Pieni Reboirandu (reboi 'лиса')?

Что касается обозначений домашних животных в топонимах, то здесь все несколько проще. Как рассказывали жители деревни Гора, болото стало на-зываться Hebosuo после того, как в нем утонула лошадь (hebo 'лошадь'). В Лумбозере место выпаса лошадей называлось Hebožienaidu, так же как и поле Lammaspeldo в Тулосозере (lammas 'овца'). По дороге Lehmientie в Обже и проулку Lehmienkujo в Ипполитове выгоняли коров на пастбище (lehmü 'корова') и т. д.

В названиях урочищ, озер, ручьев, болот часто употребляются обозначения птиц, которые, возможно, там гнездились: болото Kurrensuo (Сарипорог), мыс Kurginiemi (Левендукса), бывшая деревня Kurrenselgü – рус. Курренсельга (kurgi – род. падеж kurren – 'журавль'); ручей Tedroja (Чильмозеро), болото Tedroisuo (Емельянова Сельга) (tedri, tedroi 'тетерев') и т. д. Нередко встречаются среди названий небольших озер те, что даны по тому или иному виду рыб, водившемуся в них, причем явно преобладают «окуневые» озера и ламбушки: Haugilambi (Речная Сельга) – 'щучье озеро' (haugi 'щука'), Särgijärvi (Нурмойла) – 'плотичное озеро' (särgi 'плотва'); Ahvenjärvi (Обжа, Речная Сельга, Березовая Гора), Ahvenlambi (Емельянова Сельга, Сеппювара, Пускусельга, Коткозеро) и т. д. – 'окуневое озеро', 'окуневая ламба' (ahven 'окунь').

В целом ряде названий мест характеризуется местоположение объектов. Причем в одних это делается непосредственно при помощи таких определяющих слов, как ala(haine) 'нижний', ülä(häine) 'верхний', например, деревни Alagii – рус. Нижний Конец, Ülägii – Верхний Конец. Ср. карельское название нынешнего пос. Ильинский – Alavoine 'нижний', т. е. расположенный в нижнем течении р. Олонки, в отличие от деревни в ее верховье Üllöine – рус. Верховье. Жители приречных поселений сохраняют в названиях эту ориентацию. Видличане, например, верхнее течение р. Новземы – Nouzem(u) именуют Ülänouzem(u), а нижнее – Alanouzem(u). Реки Ülijogi – 'верхняя река' и Alajogi – 'нижняя река' различают живущие в деревнях Березовая Гора, Вагвозеро, Кавайно, Обжа, а в Мачезере существуют названия Ülembänejogi и Alembainejogi.

Еще академик Н. Я. Озерецковский писал в свое время (имея в виду р. Олонку до г. Олонца и ее нижнее течение): «...одна река в разных местах разные носит названия, что и в других местах Олонецкого наместничества у жителей в обыкновении» (Озерецковский, 1989, с. 130).

Подобные пары названий широко распространены в микротопонимии, например, две дороги Ülembänedorogu и Alembainedorogu, а также два урочища Ülembäne Vehkoi и Alembaine Vehkoi различались жителями деревни Саримяги Торосозерские. Зафиксированы такие названия, как Ülembäne Papinniemi –Alembaine Papinniemi в Больших Горах ('Верхний Поповнаволок' и 'Нижний Поповнаволок'), покосы Üližet: ('верхние') и Aližet ('нижние') в Улванах и т. д.

Едва ли не в каждой деревне были свои «передние» и «задние» поля и покосы, а также те, что располагались напротив (обычно на противоположном берегу реки), т. е. очень употребительными были названия, в состав которых входили слова: očču 'передний; лоб', ezi 'передний', perä 'задний, отдаленный', taga 'задний', bokku 'бок, боковой', keski(mäine) 'средний'. В дер. Гавриловка противоположный берег р. Видлицы именовался Kohtu и, если требовалось, ее жители детализировали: мыс Kohtuniemi, поле на нем Kohtupeldo, гора Kohtumägi, а лес Kohtumečču. Столь же многочисленны микротопонимы – названия полей Oču/peldo (Большие Горы, Кукшегора, Левендукса, Малые Сельги, Новинка, Павойгора, Пертисельга, Речная Сельга, Сигозеро, Самбатукса, Саримяги Торосозерские, Сарипорог, Чимойла, Шулку), -pellot (Княщина, Умосту), -selgü, -suo (Видлица), -järvi, -peldo (Гушкала), -kaivo (Тигверы); поля Ezipeldo (Коткозеро), -pellot (Кавайно, Гора), Ezivuaru (Тулосозеро); Peräpeldo (Верхний Конец, Видлица, Виллала, Каппа, Кескозеро, Левендукса, Новая Заживка, Новинка, Нурмойла, Пертисельга, Пускусельга, Сеппювара, Тахтасово, Тенгусельга, Тигверы, Тулосозеро, Умосту и т. д.); поля Taga/luhtu (Павойгора), -sargu (Кавайно), -peldo (Верхняя Видлица), -selgü (Видлица); Keskimäinepeldo (Виллала, Заостровье), деревня Keskoijärvi – рус. Кескозеро; поля Bokkupeldo (Березовый Наволок, Веккойла, Новинка, Саримяги Торосозерские, Умосту).

Местоположение объектов, обычно отдаленных, находящихся в стороне от поселений, определялось также при помощи слов čurpu

'угол', agju (agd'u) 'конец', čura 'сторона, край', pohju (pohd'u) 'север', suvi 'юг', sürjü, sürdü 'сторона, край': например, части деревень Инемы и Утозера назывались Agju или Agjanhieru, поля Agjanpellot в Каменном Ручье; деревня Čuppu или Čupunhieru, река Čupunjogi, поле Čupunpeldo и тоня Čupunabai в Тулоксе, ручей Čupunoja в Пертозере, болото Čuppusuo в Заостровье; бор Čurakangas в Обже, озеро Čuralambi в Сеппюваре; деревня Sürju или Sürjanhieru и поля Sürjänpellot (Мегрозеро), урочище Sürjänperä (Верхняя Видлица). Часть оз. Коткозеро именуется Pohjupiä – 'северный конец' и по нему названы ламбушка, отмель в ней Pohjupiän/lambi, -luvvot и перекресток дорог Pohjupiäntiešuaru, а также Pohjumeccü (Инема); поле Suvi, дорога к нему Suvendorogu и проулок Suvikujo (Кавайно), а также поле Suvaidu (Сорочья Гора, Тулосозеро), берег Ладоги Suvenliete, луды Suvimadal (Погранкондуши), болото Suvisuo (Улваны) и т. д.

Есть и другие способы выражения пространственных отношений, например, ручей, пересекающий дорогу у указателя «8-й км», называется Kaheksavirstahiineoja 'восьмиверстовый ручей' (от kaheksa 'восемь' + virsta 'верста'). Косвенно указывалось на местоположение объектов путем привязки их к населенным пунктам или другим, более значительным физико-географическим объектам. Например, названия поля Lambipeldo (Чимойла), бора Lambikangas (Веккойла), болота Lambisuo (Кимусельга, Речная Сельга, Сарипорог) или покосов Niemi, Nieminiittü, Niemenniittü (Видлица, Тулосозеро, Сорочья Гора, Канзозеро, Кескозеро, Умосту и т. д.) фактически говорят о том, что все перечисленные объекты располагались в непосредственной близости от небольших лесных озер – ламбушек, на полуостровах, которые могли иметь и имели свое собственное название. Подобных топонимов, состоящих из двух ландшафтных терминов, тысячи. Они характеризуют, с одной стороны, положение объектов на местности, с другой – ландшафт края. Так как почти 65 % поселений, не считая многочисленных мелких объектов, располагались по берегам рек и озер, то наиболее часто представлены «речные» и «озерные» названия, т. е. те, что начинались со слов d'ogi, jogi 'река' и d'ärvi, järvi 'озеро', например: поля и покосы D'ogi/aidu, -niittü, -nurmet (Кавайно), D'oven/šuaru (Видлица), -šaaroinniitüt (Рогокоски, Пертозеро), Jogi/randu (Кавгозеро), -niitüt (Антула, Верхний Конец, Ивки, Кеско-

зеро, Левендукса, Тенгусельга, Тулосозеро, Нинисельга, Нурмойла); -peldo, -kangas (Ченже-Кескозеро) и т. д.; Järvi/peldo (Речная Сельга, Воронова Гора), -niitüt (Тенгусельга), -dorogu (Гушкала), -suo (Речная Сельга, Кимусельга, Новинка), -oja (Нинисельга).

Помимо рек и озер, большую роль в жизни населения края играли возвышенные места, особенно сельги, которые использовались для устройства подсек и одновременно служили неплохими ориентирами на местности, что также нашло отражение в олонецкой топонимии: поля Selgü, Selgüpeldo, Sellänpeldo (Вагвозеро, Воронова Гора, Погранкондуши, Кавайно, Новая Заживка, Виллала, Ковгозеро), урочище Sellännenä (Сорбола), покосы Sellän/agd'u (Сорочья Гора), -niitüt (Видлица, Павойгора, Тулокса), ручей Sellänoja (Речная Сельга), болото Sellänsuo (Новая Заживка, Тенгусельга).

О местоположении, в первую очередь, полей и покосов говорят их названия, в которых употребляются слова, обозначающие не только физико-географические реалии (ландшафтные термины), но и здания, сооружения и тому подобные объекты: sarai 'сарай', aittu 'амбар', riihi 'рига', pert'i 'избушка', melličču 'мельница', kaivo 'колодец', kujo 'прогон': Kaivo/peldo (Тенгусельга), -mägi (Атчула); Kujopeldo (Сеппювара, Виллала); Aittulahti (Кукшегора), -mägi (Пертисельга), порог Melliččukoski (Видлица, Кавгозеро, Кимусельга, Канзозеро, Лисья Сельга, Тулокса), -jogi (Павойгора), -peldo (Гошкила, Гушкала, Чильмозеро); Pert'i/lambi (Коткозеро), -niemi (Верхний Конец, Улваны), -suari (Тенгусельга), -koski (Видлица), -selgü (Чотчойла), -suo (Алексала, Гавриловка, Гошкила, Ивки, Инема, Ипполитово, Сеппювара, Утозеро).

В названиях мест у карел была заложена самая разнообразная информация. Например, о путях и средствах передвижения говорят топонимы, в составе которых слова, обозначающие виды дорог (летние – по воде – kezä/dorogu, -tie, зимники – через озера и болота – talvi/dorogu, -tie): Kezädorogu (Мачезеро), Kezätie, Talvitie (Саримяги). При дорогах расположены Dorogu/lambi (Тенгусельга), -peldo (Тахтасово, Кимусельга), -selgü (Емельянова Сельга), -suo (Березовая Гора), -suari (Малые Сельги), -vana (Лисья Сельга), Dorogoja (Саримяги Торосозерские) (dorogu 'дорога'); Juamu/pellot (Коткозеро), -lambi (Торосозеро), -selgü (Павойгора, Тулосозеро) (juamu 'ям, почтовый тракт') и другие.

Довольно часто названия давались по мостам, мостикам через реки, ручьи, болота, служившим неплохой приметой на местности: Sildu/mägi (Кавайно), -suo (Сорбола), Sildoja (Верхняя Видлица), Sillan/aijat (Кавгозеро), -korbi (Тулокса, Тулосозеро), -niemi, -korbi (Чимойла), -niitüt, -oja (Пускусельга). Ср. название деревни Sildu, Sillanhieru – рус. Умосту (sildu 'мост'); Jalgopuunsuo (Кукшегора) (jalgopuu 'мосток (лава) из одного бревна'); Laudusuo (Павойгора, Сигозеро), -suari (Березовая Гора) (laudu 'доска'); Mostinsuo (Лумбозеро) (mostin 'мостки, мостины'); Parzitsuo (Саригора, Каменный Ручей) (parzi 'бревно') и т. д. Такого же плана названия Regioja в Каменном Ручье (regi 'сани'), Telegudorogu в Улванах (telegu 'телега'), Venehkorbi в Верхнем Конце (veneh 'лодка').

Ориентирами служили броды (kualatus, kualates), развилки дорог (tiešuaru). Например, покосы Kualatus, Kualatukset, порог Kualatuskoski (Торосозеро), покосы Kualates (Тенгусельга), Kualatukset (Инема), поля Tiešuaranpolankat (Пертисельга). Но более всего распространены названия с основой matk- 'путь, расстояние, переход': Matkansuo (Сорбола, Нинисельга, Тигверы, Тулосозеро), Matku/selgü (Тахтасово), -suo (Березовый Наволок), Matkoja, Matkoi/lambi, -polanku (Нурмойла), Matkoja (Тулокса, Речная Сельга).

Места рыбной ловли, охоты также запечатлены в названиях. Озера, реки называются рыбными или, наоборот, безрыбными, например: Kala/oja, -järvi в Мачезере (kala 'рыба') и Kalatoilambi в Куйтеже и Лисьей Сельге (kalatoi 'безрыбный'). Есть камень с названием Ongikivi, озеро Ongilambi (ongi 'удочка, крючок') и Nuottoja в Самбатуксе (nuottu 'невод') и другие. А вот название болота Kiimusuo (Гушкала, Левендукса, Коткозеро, Обжа, Сорбола, Березовая Гора, Верхняя Видлица) представляет интерес для охотников (kiimu 'место токования птиц'). На места заготовки дров указывают топонимы Halgo/suari в Куйтеже, Halgoselgu в Горе, Лахте Утозерской (halgo 'дрова'). Поскольку раньше гнали деготь, смолу, то и эти занятия жителей отражены в названиях: Tervu/kangas (Кавгозеро), -havvat (Тигверы), Tervupäčilöinoja (Кавайно), Tervupäčinkoivikot (Речная Сельга), Tervoja (Гошкила, Шулку) (tervu 'смола', tervuhaudu 'смоляная яма', tervupäčči 'смоляная печь'). Ср. название деревни Päčči, Päčinhieru – рус. Печная Сельга. О замачивании льна перед его об-

работкой свидетельствуют названия со словами ligo, livotus 'место, где мочат лен': Ligo/järvi (Алексала), -lambi (Видлица), -vongu, - järvi (Речная Сельга), два озерка Ligoižet (Новинка) и т. д.

Даже об определенных верованиях и представлениях древних жителей Олонии можно узнать из названий мест. Особенно много тех, что связаны с лешими, нечистой силой (hitto, hitoi, karu): дер. Hittoilu – рус. Гиттойла, покосы Hitoiniittü, гора Hitoimägi (Мачезеро), гора Karuselgü (Погранкондуши), болото Karusuo (Обжа) и т. д.

Из области религии более всего представлена в названиях мест лексема puhä 'святой': озеро Pühäjärvi, гора Pühämägi, болото Pühäsuo (Нурмойла), остров Pühä Pedrinsuari в переводе 'остров святого Петра' (Тулокса), межа (граница) Pühäraja (Видлица). Причины появления подобных названий разные. Например, множество «крестовых» названий (ristu 'крест') объясняется обычаем ставить кресты на перекрестках дорог, в особо опасных или заметных местах, а также по случаю избавления от болезни или какого-то несчастного случая: Ristaine – развилка дорог, а также гора и поле Ristanmägi, Ristanpeldo (Нинисельга), Ristudorogat (Новая Заживка, Левендукса), Ristulambi (Коткозеро), Ristupeldo (Алексала), поле Ristaidu (Верхняя Видлица), покосы Ristu (Инема), поле Ristanalustu (Сарипорог), покосы Ristanniittü (Саримяги), болото Ristansuo, поле Ristanpolanku (Куйтежа) и т. д.

Сословно-социальные и этнические отношения людей дореволюционного времени тоже отражаются в названиях, причем чаще всего отмечаются земельные участки, владельцами которых были служители церкви – попы и дьяки (pappi, djakku, juakku): в Обже ручей и бор именовались Papinoja, Papinkangas, в Березовой Горе знают пороги, мыс и покосы под названием Papinkosket, Papinniemi, Papinniittü, покосы Papinniittü в Еройле, Тулоксе, Шулке, ручей Papinoja в Кондусельге, Пускусельге, Сяримяге, Торосозере и многие другие, в том числе бывшая деревня Pappil – рус. Паппила или деревня Djakkal, Djakkalanmägi, омут Djakanhaudu (Видлица) и т. д. Нельзя не вспомнить в этой связи и карельские названия деревень: Herranselgü – рус. Большие Сельги (herra 'господин, барин, чиновник'), Bojaršin, Bajarinagju – рус. Боярщина (bajari 'боярин').

Легенды рассказывают, что название островов на Ладоге Ukonsaaret – рус. Дедовы острова обязано своим происхождением

якобы верховному божеству карел Ukko (ukko 'муж; мужчина, старик'), кстати, по словам местных жителей, на одном из валунов даже виден отпечаток огромного следа ноги человека. Есть «солдатские» омут Saldatanvongu и ручей Saldatanoja в Березовой Горе (saldattu 'солдат'), встретились названия луды Čigananhaudu или Čigananluodo в Пертозере, ямы Čigananhaudu в Утозере (čigan 'цыган'). Однако не исключено, что подобные названия могли происходить от прозвищ или фамилий бывших жителей: Поп(ов), Дьячков или Дьякон(ов), Боярин(ов), Солдат(ов), Цыган(ов) и т. д.

Отголоски исторических событий, имевших место на Олонецкой земле, легли в основу названия Laivankienälmüs (в переводе 'поворот корабля') – так зовется одно место на р. Олонке неподалеку от г. Олонца. Объясняет его происхождение легенда, согласно которой по реке поднимался вражеский корабль, враги, приняв темнеющий на горизонте лес за войско олончан, с перепугу повернули обратно, развернув при этом берег реки.

Для археологов может представлять интерес название поля Linnanpeldo, происходящее от слова linnu 'город', а в более раннем значении – 'крепость'. Жители близлежащей дер. Антула рассказывали, что еще не так давно на нем находили какие-то мечи, украшения, что свидетельствует о древних захоронениях. Об этом же писал В. Ягодкин в книге «Из прошлого Олонецкого края», изданной в 1918 г. в Петрозаводске: «Подле же устья реки Олонки, в одной версте от впадения ее в озеро, видны останки земляных продолговатых насыпей, которые можно признать за старинные валы и окопы. Около них можно встретить много человеческих костей, а в земле попадаются иногда шпоры, конские удила, железные трезубцы и другие вещи. По народному преданию, здесь было «поле битвы» (с. 86).

Есть и просто поэтические названия типа Kuldoinkomšanoja ('ручей золотого туеска'). Так назывался ручей неподалеку от дер. Обжа, из которого приятно было напиться прохладной воды в жаркий летний день по дороге на Ладогу. Берестяной туесок при этом мог показаться золотым. Но таких названий все-таки немного.

Помимо топонимов, характеризующих объект с какой-либо стороны (свойство, качество, местоположение и т. д.), огромное их количество было образовано от имен, прозвищ, фамилий людей, являвших-

ся либо владельцами, основателями, либо имевших иное отношение к названным объектам географии. Возникали такого типа названия, как и все прочие, в большинстве своем естественным путем. Когда появилась частная собственность на землю, важным характеризующим признаком стала принадлежность какого-либо земельного участка определенному лицу. Деревня, выросшая на этом месте, нередко долго сохраняла имя первого поселенца или основателя (даже после его смерти).

Благодаря топонимам можно выявить множество древних исконно карельских личных имен и прозвищ, а также более поздних, христианских, заимствованных карелами из русского языка (об этом речь шла в начале данной статьи). Например, большинство жителей дер. Пертисельга носили фамилию Kekšoi – рус. Кекшоевы, а поэтому и деревня именовалась по-карельски Kekšoilu.

Один из заливов в оз. Коткозеро зовется Panšulahti и поле на его берегу Panšunpeldo – по карельской форме Panššu, Panšoi русского христианского имени Панкратий. Названия покосов Pekkohiine в дер. Сигозеро, полей Pekkohiine в Торосозере, Pešinpolanku в Гушкале и Обже, Pešinvana в Новой Заживке, Pešinjälgi в Нинисельге, покосов Pešinniittü и поля Pešinpeldo в Вороновой Горе и т. д. происходят от карельского имени Pešoi, Pešši – рус. Петр.

Поводом для появления подобных названий, особенно у небольших объектов, помимо права собственности, могли служить какие-то события, связанные с человеком, например, оз. Čahrinlambi, по рассказам жителей дер. Нинисельга, стало называться так после того, как там когда-то утонул мужик, по прозвищу Čahri. Видимо, такого же происхождения («по случаю») названия урочищ Jaškanviidu (Тигверы), Mišinkorbi (Погранкондуши). Не исключено, что названия омутов Tiitanvongu – 'Титов омут' (Ильинское) или Jukinvongu – 'Иванов омут' (Воронова Гора) могли возникнуть потому, что по соседству с ними на берегу стояли дома упомянутых жителей. Ручей, впадавший в р. Видлицу, среди жителей одноименного села известен как Suksenoja – по дому Суксиных, расположенному рядом с ним (Suksentaloi). Из всех объектов чаще всего именовались по личным именам людей поселения, земельные участки, небольшие ручьи и болота и прочие мелкие объекты. В единичных случаях они представле-

ны в гидронимах (названиях некоторых рек и озер). Например, река Ľuvanjogi – рус. р. Люба названа якобы по имени одной отшельницы, жившей на ее берегу. В районе Тулосозера небольшое озеро именовалось St'opanand'ärvi – 'Степаново озеро', а почему – уже никто объяснить не смог, так же как и гидронимы Miroinlambi – 'Миронова ламба' (Сорочья Гора), Nestarinlambi – 'Нестерова ламба' (Коткозеро), Nastoilambiine – 'Настасьина ламбушка' (Утозеро) и т. д.

Видимо, число таких топонимов значительно увеличится, если будут достаточно хорошо изучены все личные имена и прозвища, существовавшие у карел прежде и бытующие до настоящего времени в виде фамилий. Топонимия могла бы существенно помочь в их обнаружении, предоставив богатый фактический материал. Так, зафиксированы названия острова Kutunsuari на реке Олонке, дома в деревне Улваны Kutuntaloi, ручья Kutunoja в Видлице. Что же лежит в их основе? Объяснение одному из них дают видличане: «A nimi oli Kutun. Bohatat enne elettih. Heijan niitüt oldih sia» (в переводе: «А имя было Кутун. Богатые раньше жили. Их покосы там были»). Происхождение же карельской фамилии Kuttu – рус. Куттуев пока не совсем ясно. Таких примеров из олонецкой топонимии можно привести немало.

Нельзя не сказать еще об одной особенности образования топонимов: кроме личных имен людей, активное участие в их создании принимают сами названия мест, т. е. поля, дороги, переулки, ручьи, болота, возвышенности и низменности, изредка озера и реки именуются по названиям деревень и сел, в чьи владения они входили или рядом с которыми они были расположены. Например, от названия дер. Sorbol(u), Sorbolankülä – рус. Сорбола Видлицкого куста поселений образованы названия озера, ручья, порога на р. Видлице, болота: Sorbolan/d'ärvi, -oja, -koski, -suo. Данный принцип называния характерен для небольших объектов – микротопонимов. Что касается самих поселений, то, как уже говорилось, многие из них именовались по тем физико-географическим объектам, при которых они располагались и принимали на себя их названия.

Олонецкая топонимия богата и разнообразна. Кроме своего основного предназначения – служить конкретным адресом, названия мест сообщают много интересного о различных сторонах жизни местного

населения в прошлом. Согласно типичной модели, не только карельской, но и прибалтийско-финской топонимии вообще, названия, как правило, состоят из двух компонентов: слова-термина, обозначающего вид называемого объекта, и определения к нему. Иными словами, большинство карельских топонимов одновременно фиксировало то, что называлось, и то, как называлось (каким оно было). В качестве первой части нередко употреблялись имена существительные (те же слова-термины, слова, обозначающие здания, сооружения, различные явления, предметы быта и т. д.), имена прилагательные, характеризующие различные свойства и качества объектов. Но особенно часто представлены имена собственные (как топонимы, так и антропонимы). Названия, состоящие из одного компонента, чаще всего относятся к населенным пунктам и рекам. В остальных случаях действует принцип «экономии речи», т. е. когда из разговора ясно, о чем идет речь, то вид объекта может не указываться и слово-термин потому опускается (Videl – это и село и река Видлица, т. е. Videlenkülä и Videlend'ogi, и наоборот: бывает, что нет необходимости как-то выделить объект (если он единственный в своем роде), достаточно просто употребить в качестве названия слово, его обозначающее. Поскольку Kaugoid'ärvi – единственное в окрестностях деревни Кавайно крупное озеро, то его часто именовали D'ärvi (без определения).

Карельский язык являлся до недавнего времени бесписьменным и все названия на карельском языке, существуя в основном только в устной форме, обычно варьировались, например, поле могло называться: Niemi, Niemipeldo, Niemenpeldo, деревню называли и Kotkatjärvi, и Kotkatjärvenkülä, так же, как и озеро Kotkatjärvi, Kotkatjärvenjärvi. Микротопонимы (названия мелких объектов) образовывались путем присоединения соответствующих слов-терминов к названиям крупных объектов, которые по своему составу уже были сложными (двухкомпонентными) и потому зачастую выглядели довольно длинными, например, Pitkän/suon/rodniekku (буквально 'долгого болота родник'), Alahažen/järven/joven/suun//niitüt (буквально 'нижнего озера устья реки покосы') или D'ogi/sellän/ojan//nurmet (буквально 'ручья Речной Сельги покосы') или Kirjavan/hevon/suaren//pedäikkö (буквально пестрой лошади острова сосняк') и т. д.

Нельзя не затронуть еще одной проблемы, связанной с топонимией края. Параллельно и наряду с карельскими топонимами существуют их русские эквиваленты. Фактически же все карельские местные названия употребляются на неофициальном уровне, а официальные названия издавна были только на русском языке.

Усвоение местных названий русскими людьми происходило в течение многих веков. Например, в Писцовых книгах Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. можно найти много олонецких топонимов почти в той же форме, в какой они употребляются и поныне: «деревня на Коткозерке...» или «...ложки проданы на Инемской реке в Лухтах и на Кошечьи пороги...» и т. д. При этом имели место полные переводы названий на русский язык (Заострове – Suarentagavoine, Верховье – Üllöine, Березовая Гора – Koivahanmägi, Большие Горы – Suurimägi). Но обычно переводилась только вторая часть слова, наиболее часто повторяющаяся в карельских названиях (Вагвозеро – Vahjärvi, Мачезеро – Mačarvi (Maččijärvi), Лумбозеро – Lumad'd'ärvi, Lumatjärvi и т. д.). Немало названий усваивалось целиком, подвергаясь при этом незначительным изменениям (Ulvan – Улваны, Šulku – Шулка, Tihveri – Тигверы, Suarimägi – Саримяги, Videl – Видлица, Vekkoilu – Веккойла). Наконец, целый ряд русских названий возник как бы независимо от карельских (Horošoi – рус. Афанасьева Гора, Alavoine – рус. Ильинский, Zilčoi – рус. Новая Заживка, Kekšoilu – рус. Пертисельга, Herranselgü – рус. Большие Сельги, Hattu – рус. Каменный Ручей. Встречаются и переосмысления старых, непонятных уже названий, например, порог на р. Видлице зовется сейчас Шалунпорог, а его карельское название Šallunkoski по близлежащему хутору, жителями которого были Шалгуевы (Šalgu, Šallun-). В списках населенных мест Карелии 1928 и 1935 гг. издания в качестве официальных приводились как карельские, так и русские, вместе с финскими, названия. Со временем карельские формы были полностью вытеснены. Сейчас их помнят только карелы старшего поколения. Жизнь изменилась настолько, что детальное знание местности перестало быть необходимостью. Единоличные земельные участки и полоски вошли в состав более крупных колхозных, а затем совхозных полей. Мелиорация повлекла осушение болот, ручьев, заросли тропы и дороги, вырубаются лесные массивы. Исчезновение массы мелких

объектов, включая и небольшие поселения, привело к забвению их названий, которые почти нигде, кроме как в памяти народной, не зафиксированы. Повсеместный билингвизм (двуязычие) и грамотность карел, обучение на русском языке – все это сужало сферу употребления карельского языка, не имевшего письменности. Карелы старшего поколения уходят из жизни, карельская молодежь и приезжее население Карелии уже не знают большинства из прежних карельских названий мест.

Теряется (и уже потеряно) многое из того, что окружало человека в прошлом, помогая ему выживать в трудных условиях Севера, и что было запечатлено в топонимах.

Географические названия служат не просто адресом, они являются своеобразными памятниками языка, истории и культуры карельского народа. Многие из них существуют не одно столетие. Они требуют к себе бережного и уважительного отношения. Но это не значит, что необходимо немедленно переименовывать все объекты на карельской земле, как кажется некоторым, чтобы вернуть к жизни исконные карельские названия. Возрождение их не должно быть связано с забвением и отказом от всех русских форм, уже глубоко укоренившихся в нашем сознании и давших жизнь многим производным. Иными словами, возрождать одно следует не за счет уничтожения другого. Пусть существуют параллельно названия на двух языках (и русские, и карельские), как это принято в цивилизованных странах.

ИСТОЧНИКИ

Атлас Новгородского и Олонецкого наместничества // РГБ, Рукописный отдел, ф. 344, д. 329, л. 51.

Ведомости страховой оценки церквей г. Олонца // РГИА, ф. 799, оп. 33, д. 1096, л. 102–106, 109–110 об.

Ведомость об описании Олонецкого Николаевского собора. 1855 г. // НА РК, ф. 257, оп. 1, д. 1а/53-а, л. 7.

Ведомость об Олонецком Николаевском соборе за 1873 г. // НА РК, ф. 257, оп. 1, д. 1/14, л. 23 об.

Ведомость обретающимся в городе Олонце... // РГВИА, ф. ВУА, д. 21569, л. 9 об.–10.

Ведомость о церкви Олонецкого уезда за 1840 г. // НА РК, ф. 27, оп. 2, д. 4/57.

Генеральные планы городов Олонецкого наместничества 1788 г. // Отдел рукописей и редкой книги РГБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 550, ОСРК, № 71, л. 1–55.

Дело по отношению Олонецкой духовной консистории об утверждении проекта на постройку новой церкви в г. Олонце во имя Святителя и Чудотворца Николая // НА РК, ф. 2, оп. 50, д. 35/12.

Дело по прошению Олонецкого Николаевского собора протопопа Л. Андреева с братиею и прихожан о дозволении им собора Николая Чудотворца перекрыть и поправить. 1795 г. // НА РК, ф. 25, оп. 16, д. 4/19, л. 1.

Дело о распоряжении правившего должность Олонецкого и Архангельского генерал-губернатора Тутолмина на счет разбития городов на кварталы. 1785–1794 гг. // НА РК, ф. 2, оп. 61, д. 3/55.

Дело о разобрании па освидетельствование в г. Олонце каменной ветхой соборной церкви и при ней часовни. 1787 г. // НА РК, ф. 2, оп. 61, д. 12/173.

Дело по отношению митрополита Амвросия о разборе в г. Олонце старой и сооружении таковой же вновь церкви. 1803 г. // НА РК, ф. 1, оп. 36, д. 7/13.

Дело Олонецкого Николаевского собора во имя Святителя и Чудотворца Николая. 1847 г. // НА РК, ф. 257, оп. 1, д. 1а/52, л. 1.

Дело канцелярии обер-прокурора Синода о проекте постройки Тихвинской церкви в г. Олонце // РГИА, ф. 797, оп. 27, д. 90.

Дело по представлению Олон. градского головы об утверждении плана по устройству в г. Олонце двенадцати лавочек вместо времсных шалашей // НА РК, ф. 2, оп. 50, д. 28/10.

Дело о постройке пожарного обоза// НА РК, ф. 2, оп. 50, д. 64/19.

Дело об отводе места под постройку олонецкого городского училища // НА РК, ф. 2, оп. 50, д. 70/47.

Дозорная книга Дмитрия Лыкова и Якова Гневашева. 1620 г. // РГАДА, ф. 1209, кн. 979, л. 1–945.

Древние акты // Олонецкий сб. Вып. 3. Петрозаводск, 1894. С. 39–277.

Историческое описание Олонецкой губернии. Рукопись XVIII в. // РНБ, ф. 175, музейное собрание, № 915.

Исторические примечания о древности Олонецкого края и о народах прежде там обитавших и топографическое описание городов и уездов Олонецкого наместничества. 1787 – 1790 гг. // Отдел рукописей и редкой книги РГБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 550, ОСРК, № 269, л. 1–101.

Исторические примечания о древности Олонецкого края и о народах прежде в оном обитавших. Т. И. Тутолмин. Петрозаводск, 1785 г. // РГБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 550, № 325. 86 л. (сокращенный вариант предыдущей рукописи).

Карелия в XVII в.: Сб. документов. Петрозаводск, 1948. 442 с.

Карты Олонецкой губернии // ЦГАДА, ф. 192, № 3.

Книга Олонецкого и Вытегорского станов торговым и пашенным крестьянам и бобылям. 1639 г. // РГАДА, ф. 137, оп. 1, Олонец № 1а, л. 41–60 об.

Метрика церкви св. Флора и Лавра в с. Мегрега. 1887 // Архив Санкт-Петербургского Института истории материальной культуры РАН. Разряд 3. Метрики церквей, № 4208.

Новгородская первая летопись старшего извода. М.; Л., 1950 (384 с.). С. 89.

Олонецкий сб. Вып. 4. Петрозаводск, 1902. С. 3–7.

Описание Олонецкого Рождественского погоста // Олонецкий сб. Петрозаводск, 1875–1876. Вып. 1. 1902. Вып. 4. С. 3–7; Отдел редкой книги РНБ Республики Карелия, 9 с/П348.

Отписка воеводы Василия Чоглокова. 1651 г. // ЧОИДР, кн. 2, 1886, 5, с. 5–6.

Переписная книга 1646 г. Ивана Писемского и Якова Еуфимьсва // РГАДА, ф. 1209, кн. 980.

Переписная книга Ивана Дивова 1657 г. // РГАДА, ф. 137, оп. 1, Олонец № 5, 68 л.

Писцовая книга Андрея Лихачева и Ляпуна Добрынина// Писцовые книги Обонежской пятины 1496 г. и 1563 г. Л., 1930. С. 57–75.

Писцовая книга Андрея Плещеева и Семена Козьмина 1582/83 г. // РГАДА, ф. 1209, кн. 963, л. 678–784, 938–1175 об. Опубликована: К. А. Неволин. О пятинах и погостах новгородских в XVI в. // Зап. Рус. геог. о-ва. СПб, 1853. Кн. 8. Прил. 6. С. 133–181 (Опубликована частично); История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоенсуу, 1993. С. 34–341.

Писцовая книга 1616–1619 гг. Петра Воейкова и Ивана Льговского // РГАДА, ф. 1209, кн. 8551 и 8554, л. 1–170, 203–269; 1–262.

Писцовая книга 1628–1631 гг. Никиты Панина и Семена Копылова // РГАДА, ф. 1209, кн. 308, л. 1–381. Выборочно опубликована в ОГВ, 1849, № 1–7.

План города Олонца XVII в. // Рукописный отдел БАН. F-266/2, л. 116.

План Олонца 1702 г. // РГАДА, ф. 192, картограф. отдел МИД, карты Олонецкой губернии, д. 3.

План города Олонца 1785 г. // РГВИА, ф. ВУА, д. 22284.

План города Олонца 1787 г. // НА РК, ф. 2, оп. 61, сд. хр. 3/55, с. 23.

План Олонца начала XVIII в. // РГАДА, ф. 9, первое отд., кн. 66.

План города Олонца 1837 г. // РГИА, ф. 1293, оп. 167, д. 23, л. 1.

Подрядная запись... // Отдел письменных источников, фонд Е. В. Барсова. ГИМ, ф. 450, ед. хр. 694, л. 36.

Росписной список воеводы князя Федора Волконского 1649 г. // ДАИ. СПб, 1848. Т. 3. С. 227–231.

Роспись позженным и разоренным деревням Олонецкого погоста при набеге из-за Свейского рубежа в 1657 г. Приказные дела старых лет, 1657 г. // РГАДА, № 24.

Роспись сметная Олонцу 1672 г. воеводы Ивана Баклановского // ДАИ. СПб, 1857. Т. 6. С. 220–226; РИБ. СПб, 1884. Т. 8. С. 907–950.

Роспись описная городу Олонцу. 1702 г. // РГАДА, ф. 137, оп. 1, Олонсц № 22. л. 2–39 об. Опубликована (частично): Овсянников, Кочкуркина, 1978. С. 99–105.

Сметные строельные росписи города Олонца. 1670–1677 гг. // Архив СПб ИИ РАН, кол. 11, № 228. Большая часть опубликована: РИБ, т. VIII, с. 907–948, частично: Овсянников, Кочкуркина, 1978. С. 96–99.

Топографические запросы... // Отдел рукописей и редкой книги РГБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Фонд Г. Р. Державина, т. 21, л. 161–173.

ЛИТЕРАТУРА

Барсуков А. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб, 1902. С 76–78.

Бетин Л. В. Об архитектурной композиции древнерусских высоких иконостасов // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств. XIV–XVI вв. М, 1970. С. 41–56.

Бискэ Г. С. Четвертичные отложения и геоморфология Карелии. Петрозаводск, 1959. 307 с.

Богуславский Г. А. Как берегли Кижи // Ленинская правда. 1984. 6 мая.

Брюсова В. Г. По Олонецкой земле. М, 1972. 136 с.

Былины, песни и духовные стихи (сообщенные П. Н. Рыбниковым). Стихи о чуде святителя Николы, записаны П. Рыбниковым со слов певцов-калик // ОГВ. 1860. № 17. С. 63.

Вахрамеев Е. В. Новые исследования Варваринской церкви в д. Яндомозеро Карельской АССР // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 1988. С. 81–94.

Глазырина Г. В. Alaborg «Саги о Хальвдане, сыне Эйстейна»: К истории Русского Севера // Древнейшие государства на территории СССР: 1983 год. М., 1984. С. 207–208.

Гурина Н. Н. Древняя история Северо-Запада европейской части СССР // МИА, 87. М.;Л., 1961. С. 316–326, 529.

Джаксон Т. Н., Мачинский Д. А. «Сага о Хальвдане, сыне Эйстейна» как источник по истории и географии Северной Руси и сопредельных областей в IX–XI вв. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1989. С. 132

Древнерусские города в древнескандинавской письменности. М., 1987 (208 с.). С. 161–165.

Дурылин С. Древнерусская иконопись и Олонецкий край // Изв. О-ва изуч. Олонецкой губернии. 1913. № 5/6. С. 33–46.

Еленевский Е. П., Миронов И. М. Планы городов Карелии XVII – первой половины XIX в. Петрозаводск, 1960. 32 с.

История Карелии. Петрозаводск, 1957. Т. 1. С. 164–199.

Карельская АССР. Природа, хозяйство. Петрозаводск, 1986. 279 с.

Керт Г. М., Мамонтова Н. Н. Загадки карельской топонимики. Рассказ о географических названиях Карелии. Петрозаводск, 1976. 102 с.

Кочкуркина С. И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья в X–XIII вв. Петрозаводск, 1989. 348 с.

Круковский М. А. Олонецкий край. Путевые очерки. СПб, 1904. С. 91.

Лазарев В. Н. Два новых памятника русской станковой живописи XII–XIII вв. К истории иконостаса // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.; Л., 1946. Вып. 13. С. 67–76.

Лазарев В. Н., Мнева Н. Е. Памятник новгородской деревянной резьбы XIV в. (Людогощенский крест) // Византийское и древнерусское искусство. М., 1978. С. 181–195.

Ласковский Ф. Карты, планы и чертежи к I части Материалов для истории инженерного искусства в России. СПб, 1858. Л. 8, рис. 50, 52, 92.

Мамонтова Н. Н. Структурно-семантические типы микротопонимии ливвиковского ареала Карельской АССР (Олонецкий район). Петрозаводск, 1982. 210 с.

Мильчик М. И., Ушаков Ю. С. Деревянная архитектура Русского Севера. Л., 1981. С. 93–122.

Минорский П. Олонецкие карелы и Ильинский приход (Олонецкого уезда) // ОГВ. 1879. № 62. С. 741–744; Олонецкий сб. Петрозаводск, 1886. Вып. 2. С. 165–219.

Муллонен И. И. Вепсские ойконимические форманты // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1989. С. 102.

Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1947. 176 с.

Овсянников О. В. О каменных палатках XVII в. в северорусских городах // КСИА. 1977. Вып. 148. С. 105–109.

Овсянников О. В., Кочкуркина С. И. О древнем Олонце // Средневековые поселения Карелии и Приладожья. Петрозаводск, 1978. С. 71–112.

Озерецковский Н. Я. Путешествия по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989. 208 с.

Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Л., 1972. С. 24–97.

Островский Д. Краткое описание церковных древностей Олонецкого епархиального церковного древлехранилища. Петрозаводск, 1912. С. 36.

Пименов В., Эпштейн Е. Карелия глазами путешественников и исследователей. Петрозаводск, 1969. 262 с.

Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических летописей. К истории русского лицевого летописания. М., 1965. 334 с.

Прилежаев Е. М. Краткая историческая записка об Олонце // Олонецкий сб. Петрозаводск, 1894. Вып. 3. С. 218–226.

Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. СПб., 1900. Т. 3. С. 388.

Свод памятников истории и культуры КАССР. Архитектурный том. Машинопись. 706 л.

Северные предания (Беломорско-Обонежский регион). Л., 1978. С. 7–8, 91.

Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI–XVII вв. М.; Л., 1951. 488 с.

Случевский К. К. По Северу России. СПб., 1888. Т. III. С. 457.

Смирнова Э. С. Живопись Обонежья XIV-XVI веков. М., 1967. 188 с.

Смирнова Э. С. Два примера убранства иконостасных тябл на Севере // Средневековая Русь. М., 1976. С. 352–357.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1990. Кн. 5. Т. 10. С. 441–502; Кн. 7. Т. 13. С. 7–172.

Соловьева И. Д. Иконопись Александро-Свирского монастыря XVI–XVII вв.: Автореф. дис.... искусствовед. наук. Л., 1990.

Спасский И. Г. Русская монетная система. Л., 1970. 256 с.

Старцев Н. С. О некоторых особенностях химического состава фунтовых вод // Геоморфология и геология четвертичного периода Севера европейской части СССР. Петрозаводск, 1976. С. 124–128.

Суслов В. В. Путевые заметки о севере России и Норвегии. СПб, 1889. С. 64–65.

Халипов С. Г. Vasinabroncas готского историка Иордана // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы лексикологии и грамматики. Петрозаводск, 1988. С. 73–83.

Чернякова И. А. Некоторые итоги и перспективы изучения крестьянства Карелии XVII века (источниковедческий аспект). Петрозаводск, 1987. С. 3–38.

Чернякова И. А. Опыт реконструкции писцовой книги Заонежских погостов 1628–1631 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1989. Т. 20. С. 187–197.

Чернякова И. А., Черняков О. В. Писцовые и переписные книги XVI–XVII вв. как источник по истории деревянного зодчества Карелии // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 1988. С. 55–73.

Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси X–XIV вв. М., 1972. 231 с.

Ямпольский В. С. Некоторые данные о неолитических поселениях Олонецкого района // Археологический сб. Петрозаводск, 1947. С. 54–58.

Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. М., 1991. С. 138–141.

Kivikoski E. Suomen historia // Suomem histiria. Porvoo; Helsinki, 1961. 1 osa.

Nissilä V. Ortodoksisia henkilonimiä Aunuksen kylannimistossa // Soumalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. Helsinki, 1973. 72. S. 239–275.

Pyhät kuvat. Ortodoksosen kirkkomuseon taideaarteita / Trksti K. Thon menius // Kuopio, 1985. 123 s.

СОКРАЩЕНИЯ

АИ	– Акты исторические
БАН	– Библиотека Академии наук
ГИМ	– Государственный исторический музей
ДАИ	– Дополнения к Актам историческим
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии РАН
МИА	– Материалы и исследования по археологии
НА РК	– Национальный архив Республики Карелия
ОГВ	– Олонецкие губернские ведомости
РГИА	– Российский государственный исторический архив
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РИБ	– Русская историческая библиотека
РНБ	– Российская национальная библиотека
РПБ	– Российская государственная библиотека
СПб.ИИ РАН	– Санкт-Петербургский институт истории РАН
ЧОИДР	– Чтение в Обществе истории древностей Российских

ПРИЛОЖЕНИЕ I

В архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (ранее ЛОИИ АН СССР) хранится сборник документов, имеющих общее заглавие «Сметные строельные росписи города Олонца 1670–1677 гг.» (колл. № 11, Рукописи Археографической Комиссии, ед.хр. 228). Все документы, входящие в него, связаны с восстановлением Олонецких укреплений после пожара 1668 г. (1669–1676 гг.). Сборник имеет четкую структуру, документы располагаются в хронологическом порядке: Роспись Олонца (лл. 1–17; без даты), царские указы и воеводские отписки, связанные с восстановительными работами (лл. 18–30; 1669–1671 гг.), Роспись построенной Олонецкой крепости (лл. 30 об.–59 об.; 1671 г.) и Роспись палатному каменному строению (лл. 60–83; 1676 г.). Большая часть сборника опубликована (лл. 18–83 под общим названием «Акты о строении города Олонца, истребленного пожаром в 1668 году» – РИБ, т. VIII, с. 907–948). Опубликованные документы являются основным источником для изучения организации строительных работ 1669–1676 гг. и вновь построенного оборонительного сооружения.

Таким образом, неопубликованной осталась лишь Роспись Олонца, не имеющая даты. Возможно, публикаторов смутил характер документов – в основном Роспись повторяла Роспись Олонца 1649 г. Однако такое предположение верно лишь отчасти. Выше уже отмечалось, что Роспись 1649 г. зафиксировала выполнение основного объема работ по строительству оборонительных сооружений, а достройка их и возведение большинства внутрикрепостных построек произошли в последующее время. Подробной Росписи Олонецкого города, сгоревшего в пожаре 1668 г., неизвестно. Получив в 1669 г. царский указ о постройке новой Олонецкой крепости «против прежнего», воеводская администрация должна была иметь у себя такой документ, который мог служить практическим руководством при восстановлении крепости. Можно с уверенностью предполагать, что в 1669 г. такой документ и был составлен в Олонце:

л. 1

«Роспись с меры и сметы Олонецкого города, сколко в том городе в Болшем и Меншем башен и сколко от которой башни до городовой стены мерою сажен, и сколко венцов которая башня и городовая стена вверх и башни сколких стен мерою сажен, и у которых башен быки и сколко те быки мерою сажен и сколко учинено в городе улиц и каковы улицы мерою и сколко тому городовому и церковному строению надобно лесу и тесу и железа, что за тот лес и тес и за железо по цене доведетца дать денег и какими //

л. 1 об.

людми то городовое и всякое строенье наперед сего делано и по сколку с выти лесу и тесу и мастеров имано и то писано в сей росписи порознь и по статьям;..».

Таким образом, перед нами весьма любопытный документ – своеобразная «шпаргалка», которая должна была помочь строителям воссоздать планировочную структуру сгоревшей крепости и сделать предварительную наметку расходов финансовых на нужные материалы и рабочую силу для постройки новой крепости «против прежней». Поскольку основные части Олонецкой крепости известны по Росписи 1649 г. и частично дополнены Росписью 1671 г. (в частности, в последнем документе подробно описаны «быки»), вряд ли целесообразно здесь публиковать Роспись 1669 г. полностью. Наряду с этим Роспись 1669 г. содержит уникальные сведения о застройке и планировке сгоревшей крепости, которые значительно дополняют сведения об этом северорусском городе. Публикуется заключительная часть документа:

л. 11

л. 11 об. «…Всего города Олонца городовой стене // опроче башен мерою 582 сажен без трети; да в башнях 250 сажен; да и в быках и в подлазе 328 сажен с полусаженью; и обоево- в городовой стены и в башнях и в быках и в подлазе 1160 сажен с полусаженью, а сажень в три аршина.

А городовая стена была вверх рублена мерою получетверты сажен, а поперег сажень с полуаршинном; а рублен город был в две стены до первых боев, вверх в пять венцов; а до обламов в одну стену //

л. 12

вверх в 19 венцов; да обламов в две стены в четыре венца, всего городовая стена вверх 28 венцов.

Да в Меншем городе была соборная церковь Троица Живоначалная да два пределу, придел Алексея человека Божия да придел Дмитрия Селунскаго, церковь была рублена шатровая; другая церковь Богоявления Господня теплая, рублена была клецки.

Да в том же Меншом городе была приказная изба с комнатою и с сенми; //

л. 12 об.

да в том же Меншом городе погреб казенной земляной длиною 10 сажен, поперечнику пол осмы сажени, около того погреба был тын стоячей бревяной; да в том же городе от реки Олонца подле городовой стены было 6 анбаров хлебных, длиною анбары 22 сажен с полусаженью, поперечнику три сажени, да за казенным земляным погребом был анбар оружейной длиною получетвертых сажен, поперечнику трех сажен; да за тем казенным погребом колодезь глубиною трех сажен; //

л. 13

да на другой стороны от реки Мегреги было пять анбаров хлебных же, длиною те анбары 19 сажен с полусаженью, поперег три сажени; в том же городе был двор воеводской, длиною воеводского двора 37 сажен, поперечнику 33 сажени с третью; подле воеводского двора колодец глубиною трех сажен; в том же городе у Никольских ворот была стрелецкая караулна; да в том же городе у Красной башни //

л. 13 об.

была стрелецкая караулна, длиною те караулни и поперег по три сажени. В том же городе был мост от Никольских ворот до Красной башни Болшого города, поперег трех сажен. В Болшем городе был двор дьячей длиною 16 сажен, поперег, 19 сажен; подле дьячего двора тайник длиною к реке Мегреге полсемы сажени, поперег две сажени, рублен был в две стены, над тайником был мост насыпан землею да и в том же тайники были ворота и от ворот вниз тайника был мост //

л. 14

с лесницею; в том же городе от Красные башни была изба таможенная; подле Московской большая Пробойной улицы была тюрма длиною пяти сажен, поперег четырех сажен, круг тое тюрмы был тын стоячей, вверх пяти сажен. А лесу на то городовое и на церковное и на всякое строенье против прежнего надобно 7690 бревен пяти саженных, 16830 бревен четыре саженных, да трех саженного лесу и на тес 55080 бревен //

л. 14 об.

И всего всякого лесу против прежняго надобно 79560 бревен, а за тот лес доведетца дать денег по цене 2708 рублев три алтына 2 денги; за сто бревен пяти саженных по 5 рублев, за сто бревен четырех саженных по 4 рубли; за сто бревен трех саженных по 3 рубли; а иман тот лес в прошлом 157-ом году, во всех Заонежских и Лопских погостах и с манастырских вотчин и с помещецких крестьян //

л. 15

с вытного числа. Да к тому ж городовому делу надобно железо сто пуд, денег за железо доведетца дать 50 рублев, за пуд по 16 алтын по 4 денги и обоево – за лес и за тес и за железо доведетца дать денег по цене 2758 рублев 3 алтына 2 денги. А вытного числа во всех Заонежских и Лопских погостях в живущем против 170-го году //

л. 15 об.

460 вытей с полувытью, да в монастырских вотчинах и в помещецких землях в живущем 49 вытей без получети выти да малой третник пашни; и обоево в государевых и в монастырских и в помещецких землях в живущем 509 вытей с третью и малая треть выти да малой третник пашни; а против прежняго доведетца всякого лесу взять с выти по 156 бревен, да плотников с выти по человеку //

л. 16

В Болшем городе улица Московская Пробойная поперечнику 6 сажен; улица от Московской Пробойной улицы к городовой Мегрецкой стены подле Хутынского дворового места мерою поперег 5 сажен; улица от Болшой Пробойной улицы к реке Мегреге к тайнику подле дьячево двора мерою поперег 5 сажен; улица проезжая от Мегрецких

ворот и от городовой стены через Пробойную улицу до городовой же стены к реке Олонцу Мегрегою //

л. 16 об.

пять сажен; улица от городовой стены что у реки Мегреги через Пробойную улицу к городовой стены к реке Олонцу, мерою поперег 5 сажен; улица в Пушкарской слободы от Пробойной улицы городовой стены к реке Мегреге, мерою поперег 4 сажени; погреб земленой что ставят вино государево, от того погреба улица позади ряду к городовой стены что подле реки Олонца, мерою поперег четыре сажени; //

л. 17

улица от Олонецких ворот к Пробойной улицы, мерою поперег 5 сажен, а рву подле городовую стену от реки Мегреги до реки Олонца мерою в длину 133 сажени, а поперег ров три сажени, во рву рублен обруб стеною и биты сваи, а обруб вверх мерою 2 сажени без трети. Да около всего города обрубу ж мерою 481 сажен, обруб рублен стеною и биты сваи //».

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Роспись описная городу Олонцу 1702 г.

Публикуемый частично документ хранится в РГАДА (ранее ЦГАДА ф.137, оп. 1, Олонец, № 22) и состоит из двух частей: Росписи оборонительных сооружений Олонца (лл. 2–13) и описания вооружения крепости (лл. 14–39 об.). Документ написан несколькими, по крайней мере, тремя писцами; упоминаются Ивашко Холщов (л. 13), Первушка Михайлов и Аникейко Степанов (л. 39 об.), что соответствует наличию нескольких почерков.

Первая часть Росписи (1) публикуется полностью, а сведения о количестве, характере и технических данных вооружения, находившегося в то время в Олонецкой крепости, даны в виде краткой справки (2).

1.

л. 2.

«Роспись описная Городу Олонцу каким строен и стены сколко мерою от башни до башни и кругом всего города и вышиною и толщиною и сколко по нем.башен всех, и те башни в какову меру вышиною и поперег, и что по городу на стенах и по башням и на пушечном дворе наряду пушек и иного ружя и ядер и свинцу и зелья и всяких воинских припасов, и в какову меру длиною и по весу те пушки порознь и каковы к тем пушкам по весу и покружалом ядра и сколко тех ядер и зелья и свинцу за росходом налицо и то писано ниже сего порознь. //

л. 2 об.

Город Олонец рубленой из бревен тарасами, стоит меж двумя реками в Наволоке от востоку на запад, по правую сторону города бежит река Олонка, да по левую сторону река Мегрега, и пониже города

те обе реки пали в место под самым городом и пошла от города одна река и падет в Ладожское озеро одним устьем, а от города до Ладожского озера 20 верст есть, по ней пороги.

А город Олонец мерою от Николской //

л. 3

башни по стене, вверх подле Мегрегу реку до первой штиуголной башни мерою 49 сажен с пол аршином, и то прясло в прошлом 1700 году построено вновь, а внутре в тое башни от стены до стены мерою пол 4 сажени, вышиною та башня до земли до верхнево мосту 3 сажени без пол аршина, а от мосту до роскату сажен с аршином, а от роскату вверх шатра до шестерика пол 3 сажени, а в шестерике ширины внутрь сажень, //

л. 3 об.

вышины от мосту сажень без пол аршина кроме шатрика, а в шатрике вверх сажень, а от той башни по стене до другой четыреуголной башни мерою 38 сажен с аршином, а в башни ширины 2 сажени, а вышиною та башня до верхнево мосту 2 сажени 2 аршина 4 вершка, а от мосту до кровли сажень без 2 вершков, крыта полаткою; //

л. 4

а от той башни до третей башни под ней ворота что называются Мегрегские мерою по стене тож 38 сажен с аршином, а внутре тои башни от стены до стены мерою 4 сажени без аршина, вышиною та башня от земли до верхнево мосту 3 сажени, а от мосту обламу до зубцов 1 сажень, а от зубцов вверх шатра в шестерику 3 сажени без пол аршина, а в шестерике ширины внутре сажень с четвертью аршином, //

л. 4 об.

вышины от мосту сажень кроме шатрику, а в шатрике вышины сажень: а от той башни по стене до четвертой до науголней штиугловой же башни что подле рву мерою по стене 38 сажен с аршином, в внутре в тое башни от стены до стены мерою пол 4 сажени, вышиною та башня от земли до верхнево мосту 3 сажени, а от мосту обламу до зубцов 1 сажень, //

л. 5

а от зубцов вверх шатра до шестерика 3 сажени без аршина, а в шестерике ширины внутре 1 сажень, вышины от мосту 2 аршина 6 вершков кроме шатрика, а в шатрике вверх сажень; а от той науголней башни от полдни к сиверу подле рву ж до пятой башни, под ней ворота, что называют Московские по стене мерою 48 сажен с аршином, //

л. 5 об.

а внутре тое башни от стены до стены мерою 4 сажени без аршина, вышиною та башня от земли до верхнево мосту 3 сажени, а от мосту обламу до зубцов 1 сажень, а от зубцов вверх шатра до шестерика 3 сажени без аршина, а в шестерике ширины внутре 1 сажень, вышины от мосту 1 сажень кроме шатрика, а шатрика сажень в вышину; //

л. 6

а от тои башни до шестой до науголней башни что подле Олонцы реки по стене мерою 64 сажени, внутре в тое башни от стены до стены мерою пол 4 сажени, вышиною та башня от земли до верхнево мосту 3 сажени без 4 вершков, а от мосту обламу до зубцов 1 сажень 4 вершка, а от зубцов вверх шатра до шестерика 3 сажени, а в шестерике ширины внутре сажень, //

л. 6 об.

вышины от мосту до шатрика 2 аршина 4 вершка. В шатрике вышины сажень без пол аршина; а от тои от науголней штиугловой башни вниз подле Олонцу реку до седмой четыреугольной башни по стене мерою 37 сажен с аршином, а в той башни ширины от стены до стены 2 сажени 14 вершков, а в другую сторону ширины пол 3 сажени без 4 вершков, а вышиною та башня от земли до верхнево //

л. 7

мосту пол 3 сажени 4 вершка, а от мосту вверх до кровли сажень без пол аршина, крыта полаткою. А в той четыреуголней башни до штиуголной осмой башни что под ней Олонецкие верховские ворота по стене мерою 36 сажен без пол аршина, а внутре в тое башни от стены до стены мерою 4 сажени без трех четвертей аршинных, вышиною та башня от земли до верхнево мосту 3 сажени, //

л. 7 об.

а от мосту обламу до зубцов 1 сажень, а от зубцов вверх шатра до шестерика 3 сажени без 10 вершков кроме шатрика, а шатрик сажень вышиною; а от тои башни до девятой штиугловой башни по стене мерою 38 сажен 1 аршин с четвертью, //

л. 8

а внутре в тое башни от стены до стены мерою 3 сажени 2 аршина без четверти аршинной. Вышиною та башня от земли до верхнево мосту 3 сажени, а от мосту до роскату 1 сажень 4 вершка, а от роскату вверх шатра до шестерика 3 сажени без аршина, а в шестерике ширины внутре сажень. Вышина от мосту сажень без пол аршина кроме шатрика, а в шатрике вышины сажень. //

л. 8 об.

А от той башни до десятой четыреугловой башни по стене мерою 37 сажен с пол аршином, а в башни ширины 2 сажени с аршином, а в другую сторону 2 сажени, а вышиною та башня до верхнево мосту 2 сажени 2 аршина без дву вершков, а от мосту вверх до кровли сажень, крыта полаткою. А от той четыреугловой башни до одиннатцатой штиугловой до науголней башни, //

л. 9

что подле Олонцы ж реки в наволоке, по стене мерою 40 сажен с полу аршином, а внутре тое башни от стены до стены мерою пол 4 сажени, вышиною та башня от земли до верхнево мосту 3 сажени без 4-х вершков, а от мосту обламу до зубцов 1 сажень с полу аршином, а от зубцов вверх шатра до шестерика 3 сажени 6 вершков, а в шестерике ширины внутрь 1 сажень, //

л. 9 об.

вышины от мосту 2 аршина кроме шатрика, шатрик вышиною сажень без полу аршинна; а от тои башни до науголной же штиугловой до двунатцатой башни, что в Наволоке ж которая от Мегрегу реку по стене в нижнем конце поперег города по стене от башни до башни мерою 35 сажен с аршином, внутре в тое башни от стены до стены мерою 4 сажени без аршина, вышиною та башня от земли до верхнево //

л. 10

мосту 3 сажени без 3 вершков, а от мосту обламу до зубцов сажень с полу аршином, а от зубцов вверх шатра до шестерика 3 сажени и 3 четверти аршинных, а в шестерике ширины внутре 1 сажень и 3 четверти аршинных, вышины от мосту 2 аршина 6 вершков кроме шатрика, а в шатрике вышины 1 сажень без полу аршинна; а от той наугольной башни вверх подле //

л. 10 об.

Мегрегу реку до Николской часовой штиугловой же трехнатцатой башни, под нею ворота, что называются Николские, по стене мерою 38 сажен без аршина, а внутре в тое башни от стены до стены мерою 4 сажени, а в другую сторону 4 сажени с аршином, вышиною та башня от земли до верхнево мосту 3 сажени с аршином, а от мосту обламу до зубцов 1 сажень с полу аршинном, //

л. 11

а от зубцов верх шатра до хороминки вышины 3 сажени что срублена над шатром, и та хороминка от стены до стены шириною 2 сажени без 12 вершков, и в той хороминке часы боевые, вышины в ней от мосту до другово мосту 1 сажень 4 вершка, а от того мосту, где вестовой колокол, вышины до шатрика 1 сажень, а в шатрике вышины 2 сажени без полу аршина. И всего по городу Олонцу штиугловых 10 башен, крыты шатром, да 3 башни //

л. 11 об.

четвероуголних, крыты полаткою, всего 13 башен, а около всего того города навонную сторону подле стену и стен, что около башен, которые башни стоят выставлены от городовой стены в сторону до полу и менши полу башен, мерою всего 27 сажен, а вышиною городовая стена новое прясло от земли и с обламом до каткам загородной стороны пол 3 сажени, а шириною та стена опричь обламу 2 сажени, //

л. 12

а старая стена ниже нового прясла полу аршином, а инде и с лишком; и та прежняя городовая стена и кровля во многих местах изгнила, башни и стена пошатились и во многих местех стоит о потпорах, и тайник обвалился и подле реку и подле рву. По обе стороны города

обруб изгнил и земля во многих местех в реки выплыла; а от востоку подле городовую стену ров проведен из реки Мегреги в реку Олонку; //

л. 12 об.

глубина рву 1 сажень с полу аршином, а ширина рву 3 сажени с аршином бывает во рву из рек вешняя вода недолгое время а от городовой стены до рву 5 сажен, река Олонка в берегах в малую воду против Верховских ворот шириною 27 сажен, а Мегрега река против Мегрегских ворот от берега до берега шириною 13 сажен, а от стены до обрубу в той стороне //

л. 13

ширины 5 сажен, а инде и менши, а в наволоке к западу от городовой стены в малую воду до воды 33 сажени. И меряно то все в треаршинную сажень.

Правил Ивашко Холщов //

л. 13 об.

Порожая страница //

2.

Большой интерес представляет состав вооружения Олонецкой крепости. К сожалению, неизвестно, какое пушечное вооружение имел Олонец в 1649 г. Первые сведения об артиллерийском парке крепости относятся к 1672 г.: 3 пищали железных и 4 медных (из них железные и 2 медные имели довольно крупный калибр ядра в 14 гривенок; имелось 7 пушек «галанок» с калибром ядра 6,5 гривенок; 14 полковых пушек (8 пушек с калибром ядра в 3,5 гривенки, 6 пушек – 1,5 гривенки)[1]. В 1678 г., когда Москва запрашивала Олонец о наличии лишнего и порченого оружия, воевода Ян Стрешнев доносил, что «на Олонце, государь, пометного и лишнего ружья, пистолеты и карабинов нет» (150 мушкетов, починенных из пого-

[1] ДАИ, т.VI, СПб., 1857, с. 226.

релых в 1668 г. и 282 мушкета находились у стрельцов)[1]. Наиболее полные сведения о вооружении крепости содержит Роспись Олонца 1702 г. Правда, необходимо учесть, что в условиях Северной войны в Олонце как «порубежном городе» произошли существенные изменения в составе и в количестве вооружения. Это фиксирует и сама Роспись. Во-первых, в октябре 1701 г. «по отписке из великого Нова Города генерала майора и губернатора Якова Брюса прислано на Олонец… сентября 15 дне из Новгородские ихтелерии старых затиных железных жграных пищалей 83,.. а у иных пищалей ложа попорчены, да дробовик железной без станку»[2]. К сожалению, в Росписи пищалей указан только вес и длина материальной части, но нет сведений о весе ядер к этим стволам, что не позволяет классифицировать их по калибрам. Роспись дает другие, не менее интересные сведения: несколько стволов имели «насечные» подписи, большинство которых (кроме «Себеж», «Балуй») являются «автографами» мастеров, изготовлявших эти пищали: «Никифор Семенов», «Никифор»[3], «Семен»[4], «Иван Губанов» (на двух стволах так, на третьем «Иванец Губанов»)[5], «Яков Губанов» (на двух стволах)[6], на одном стволе «Губанов» (Иван?, Яков?)[7], «Савелова»[8]. Приведенные сведения представляют несомненный интерес для изучения истории русского огнестрельного оружия. Таким образом, в период Северной войны арсенал Олонца был увеличен за счет пищалей XVI в. Более полные сведения содержит роспись железных и медных пушек (23), которые «на Олонце по башнем в верхния и в нижних боях и на дву роскатех на станках,..»[9]. Являясь опорным

---

[1] ДАИ, т. VIII, СПб., 1862, с. 31.

[2] РГАДА, ф. 137, оп.1, Олонец, № 22, лл. 22–23.

[3] РГАДА, ф. 137, оп.1, Олонец, № 22, лл. 25, 32. Единственный экземпляр «подписной» пищали этого мастера хранится в Артиллерийском историческом музее (Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря // МИА, М., 1958, вып.77, с. 149–150).

[4] Там же, л. 25 об.

[5] Там же, лл. 26, 27.

[6] Там же, лл. 27 об., 31 об.

[6] Там же, л. 27.

[7] Там же, л. 32.

[8] Там же, л. 19.

русским пунктом на Олонецком перешейке, крепость заботилась и об обороне на своих ближних подступах. Так, из арсенала Олонца были отправлены пушки на Туломскую, Кондужскую заставы, «на Олонецкое устье»[1]. В Олонецком крае в начале XVIII в. предпринимались энергичные меры для пополнения вооружения и боеприпасов за счет местного производства.

Еще в первой половине XVII в. в 1631 г. в Заонежье, «на Олонце» было изготовлено и отправлено в Новгород более 500 ядер[2]. Возможно уже тогда железоделательное производство в области боеприпасов носило достаточно организованный характер. Однако широкую известность Олонецкий край получает во второй половине XVII в. в связи с постройкой нескольких заводов в Фоймогубской волости и в Кижском погосте[3]. Учитывая необходимость централизации в производстве вооружения и боеприпасов, с 1701 г. Олонецкие заводы находились в ведении Посольского приказа, а с 1703 г. перешли в казну. В 1701–1702 гг. заводы выполняли военные заказы на отливку 200 пушек, 20 тыс. ядер, якорей[4].

В Росписи Олонца 1702 г. имеются сведения о боеприпасах, «слитых на Устрецких железеых заводех в Кижском погосте» в 1701 г. и находящихся в городском арсенале: более 500 3,4 и 12-фунтовых ядер (в том числе и цепных)[5]. С Устрецких заводов в 1700–1701 гг. поступало на Олонец «прутовое железо для всякого военного дела и починки мелкого ружья»[6] (50 пуд.), железный дроб (100 пуд). Кроме того, велся ремонт пушечных станков, делались новые замки и ложа к пищалям и мушкетам. Пехотное огнестрельное – мушкеты, фузеи, привозились в Олонец из Новгорода Великого, Ладоги[7]. Потребности

---

[1] Там же, лл. 15, 16, 18, 18 об.

[2] ДАИ, т.III, с. 181.

[3] Глаголева А. П. Олонецкие металлургические заводы при Петре I // Исторические записки. М., 1950, № 35, с. 172.

[4] Там же, с. 173–174.

[5] РГАДА, ф. 137, оп.1, Олонец, № 22, лл. 14 об.

[6] Там же, лл. 21 об., 22.

[7] Там же, лл. 37, 37 об., 38, 38 об. («И всего ныне на Олонце привозного ружья с прежними мушкеты и что вновь перечинено из старых горелых стволов – 1835; и то все ружье отдано начальным людям для роздачи в полки солдатом, а попорченные к починке»).

армии и флота заставили правительство в 1702 г. развернуть новое строительство Олонецкой группы заводов[1].

Наконец, несколько слов о пушечном наряде Олонца в 1702 г., состоящем из 3 железных и 25 медных орудий (*см.* табл.). Описание пушек дает возможность сделать некоторые выводы о развитии материальной части русской артиллерии на рубеже XVII–XVIII вв. Уже в первой половине XVII в. наблюдалась тенденция к уменьшению и упрощению шкалы калибров орудий[2]. Этот процесс унификации калибров в русской артиллерии особенно во второй половине столетия подготовил почву для реорганизации артиллерийского парка страны в начале XVIII в. По калибрам пушки четко распределяются на несколько групп: железные орудия имеют калибр 3 фунта, среди медных три групп калибров – 2; 2,5; 3,5; 4; 6,5; 12-фунтовые[3]. По сведениям Н.Е. Бранденбурга в 1700–1708 гг. на Пушечном дворе в Москве отливались калибры медных орудий от 1 до 24-фунтовых[4]. Как уже отмечалось, в 1701–1702 гг. олонецкие заводы выполняли заказ на отливку 200 железных 12-фунтовых пушек[5]. Пушки Олонецкой крепости наглядно демонстрируют процесс унификации и стандартизации материальной части русской артиллерии в период петровских реформ (наряду с использованием огнестрельных средств, изготовленных на протяжении всего XVII в.).

---

[1] Бескровный Л. Г. Производство вооружения и боеприпасов на русских заводах в первой половине XVIII в. // Исторические записки. М., 1951, № 36, с. 115.

[2] Кирпичников А. Н. Описная книга пушек и пищалей как источник по истории средневековой русской артиллерии // СИМАИМ, Л., вып. 4, 1959, с. 276.

[3] Колосов Е. Е. Развитие артиллерийского вооружения в России во второй половине XVII в. // Исторические записки. М., 1962, № 71, с. 269.

[4] Бранденбург Н. Е. Материалы для истории артиллерийского управления в России. Приказ артиллерии (1701–1720 гг.). СПб., 1876, с. 159.

[5] Глаголева А. П. Ук. соч., с. 174.

Таблица

Городовой пушечный наряд 1702 г.

Материал	Длина		Вес		Вес ядра, фунт
	арш.	верш.	пуд.	фунт	
Железо	4		95		3
–//–	3	4	65	5	3
–//–	3	4	66		3
Медь	3	12	64	3	12
–//–	3		55	30	12
–//–	3	8	48	36	6,5
–//–	3	8	52	1	6,5
–//–	2	4	15	34	6,5
–//–	1	15	15		6,5
–//–	1	15	14	34	6,5
–//–	1	15	14	1	6,5
–//–	1	15	14	1	6,5
–//–	?		15	34	?
–//–	1	10	5	37	4
–//–	1	8	8	31	3,5
–//–	1	10	10	14	2,5
–//–	1	10	9	34	2,5
–//–	1	10	9	19	2,5
–//–	1	10	7	12	2,5
–//–	1	10	6	13	2,5
–//–	1	10	6	7	2,5
–//–	1	10	6		2,5
–//–	1	10	6		2,5
–//–	1	10	6		2
–//–	1	10	6		2
–//–	1	10	5	37	2
–//–		12		30	Сигнальная
–//–		12		30	–//–

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие *(С. И. Кочкуркина)* 3

Природа Олонецкой земли. Первые поселения
(С. И. Кочкуркина) 10

Рождественский Олонецкий погост *(С. И. Кочкуркина)* 21

Строительство Олонецкой крепости.
Первый строительный период (1648–1649).
Постройка города. Образование Олонецкого посада
(С. И. Кочкуркина) 32

Второй строительный период.
Восстановление крепости после пожара (1668).
Территория крепостного двора. Уличная застройка
(С. И. Кочкуркина) 45

Археологические исследования *(С. И. Кочкуркина)* 52

Административное управление. Торговля *(С. И. Кочкуркина)* 72

Церковные сооружения Олонца *(Н. В. Куспак)* 85

Иконопись Олонецкой земли *(В. Г. Платонов)* 109

Топонимия Олонецкого края *(Н.Н. Мамонтова)* 125

Источники 149

Литература 153

Сокращения 157

Приложения. Архивные материалы
Санкт-Петербургского института истории РАН и РГАДА 158

На четвертой стороне обложки изображен
схематический план г. Олонца начала XVIII в.

Научное издание

ДРЕВНИЙ ОЛОНЕЦ

Формат 60×84 1/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10,23 + 0,7 усл. печ. л. вкл. Тираж 500 экз. Зак. 693.

ООО «Версо».
185031, г. Петрозаводск, наб. Варкауса, 1а.
Отпечатано в ООО «Версо».

9 781597 197034 7